

Дело

о

адах

ЭДИ ТОРЛИ

Семнадцатилетняя Мирабель — алхимик, и она нечаянно помогает матери отравить короля Людовика XIV, после чего она осознает, что Теневое Общество ее матери — не герои народа, как они всегда себя называли, а убийцы. И она в том числе. Мира пытается загладить вину, создавая лекарства, но ее тоники от голода и зелья от головной боли не могут исправить ошибки прошлого или спасти несогласных, которых ее мать поклялась убрать.

Бастард Йоссе де Бурбон — помощник на кухне, а не советник королевской семьи. Но, когда Теневое Общество убивает короля и половину двора, ему приходится стать принцем, чтобы спасти своих раненых сестер и вредного дофина. Им приходится прятаться в канализациях под городом, и надежда Йоссе на возвращение Парижа кажется невозможной... пока его путь не пересекается с Мирабель.

Она — опасная отравительница. Он — принц-бастард. Они — заклятые враги, но создают хрупкое соглашение, чтобы объединить простых людей и бывших аристократов против Теневого Общества. Но может ли преуспеть мятеж, построенный на недоверии?

Перевод: Kuromiya Ren

1

Париж, 1679

МИРАБЕЛЬ

В моей лаборатории воняет смертью. Не кровью, плотью и гнилью, а резкостью мышьяка, затхлостью болиголова и сладостью олеандра — как розовая вода и цитрус. Убийственные духи щекочут мой нос, пока я спешу к камину, развожу огонь сильнее и помешиваю кипящее содержимое чугунного чайника.

Сегодня я убью человека.

Не прямо, и не я добавлю *poudre de succession* в его вино, но мои руки создали яд, так что я ответственна. Это должно, наверное, вызывать страх во мне, заставляя меня дрожать от раскаяния или хотя бы переживать за душу, но мои губы изгибаются в улыбке, пока я добавляю серу к зелью и смотрю, как желтые частицы падают, как снег. Опускаются, кружатся и пропадают.

Пока смесь кипит, я возвращаюсь к серванту и листаю записи. Дальше белладонна или свинец? Яд новый, зовется Аква Тофана. Матушка приобрела формулу у товарища в Италии. Это дьявольское зелье, по слухам, хорошо убирало надоедливых мужей и соперников при дворе — одна из многих услуг матушки.

Некоторые говорят, что она — ведьма. Другие — святая. Я не вижу разницы, люди Парижа все равно поклоняются ей.

За мной зелье шипит, жаждет следующего ингредиента. Я беру миску высушенной белладонны, толку темные, самые сильные ягоды, насыпаю порошок в котелок, добавляю еще немного на всякий случай. Я не собираюсь щадить такую развратную жабу как герцог де Барра. Не когда я видела лиловые синяки на руках герцогини и жуткий порез на ее щеке. Не когда я слышала ее вопли из приемной матушки, пока она описывала, как он бил их сына почти до смерти за попытку защитить ее.

Стиснув зубы, я поднимаю ложку, как кинжал, и погружаю ее в котелок. Капли пота

стекают по моему лицу, мое шерстяное платье липнет к груди, но я мешаю с беспощадным рвением, пока зелье не становится мерцающим порошком. Стараясь не задеть ни песчинки, я зачерпываю зелье флаконом и вонзаю пробку ладонью.

Смерть де Барры не будет быстрой или безболезненной. Я в этом убедилась. Его расплата будет гореть, как огонь, в его горле, пожирать личинками его плоть. Он будет видеть все красным, истекать кровью, пока все капли жизни не покинут его вены. Пока он не станет холодным и неподвижным, лежащим лицом в ковер.

Обычно меня не так сильно радует смерть — я могу посчитать на одной руке количество раз, когда я делала яд для клиентов матушки, но если я когда и была готова исполнить роль жнеца, так это в данном случае.

О'ревуар, месье герцог.

Я опускаю флакон на поднос и возвращаюсь к камину, где кипят невинные эликсиры. В самом большом котле — настой бузины от головной боли, рядом с ним тоник из кресс-салата и семян фенхеля от голода, это мы раздаем нищим на улице дю Темпл, когда Король-Солнце не выдавал пайки; а в медном чайнике до краев налит экстракт из корня валерианы, который разглаживает даже самые глубокие морщины.

Понемногу для всех. Это обещание Теневого Общества. И матушка оторвет мне голову, если ее заказ не будет готов к рассвету, когда начнутся ее консультации. Это будет в любой момент, судя по бледно-серому свету, льющемуся сквозь ставни, бросая тени на пол. Мое сердце подпрыгивает к горлу, ладони трепещут, как безумные птицы, я ношусь от котелка к котелку. Я была так увлечена Аква Тофаной, что почти не замечала остальное.

Я окунаю палец в настой бузины сливового цвета и кривлюсь — еще холодный и свернувшийся — а когда я заглядываю в медный чайник, вязкий сироп с кислым запахом брызжет мне в лицо.

«*Мерде*, — я могу уже слышать, как матушка шипит свое привычное ругательство. — Ты не переживаешь из-за дела, Мирабель? За людей этого города? Кто поможет им, если не мы? Точно не прекрасный Король-Солнце. Если бы все делал он, лучшая половина королевства умерла бы от оспы, и он обрадовался бы. А потом направил бы деньги, за которые он отправляет плесневелый хлеб в наши животы, чтобы построить больше позолоченных дворцов, как тот кошмар в Версале».

Пыл матушки мог оглушать, но ее цели восхитительны. Мы — спасители Парижа. И если я хочу, чтобы она уважала меня и доверяла мне, приняла меня в круг приближенных, я должна доказать, что я ответственнее, чем отец.

— Грис, мне нужен кресс-салат сейчас же! — кричу я поверх плеча. Он горбится над древним столом с когтями на ножках в центре комнаты, яростно режет травы. Лаборатория не очень большая — это домик в саду из одной комнаты с кривыми полками на каменных стенах, но хаоса тут больше, чем на поле боя. Пар шторами висит над нашими головами, густой, как дым пушки, и гул кипящих котлов звучит как тысяча марширующих ног. Я едва слышу свои мысли.

Я прижимаю ладони вокруг рта, зову снова, но Грис склоняется надо мной и добавляет травы в нужные котелки. А потом мы стоим и наблюдаем, как пузырьки поглощают частички.

— Я добавил щепотку белокопытника в настой бузины, — говорит он. — Это должно сделать эффект вдвое быстрее. И три веточки розмарина в мазь от морщин. Теперь она не воняет как ноги.

— Хорошо, — я тянусь за ложкой, ожидаю от Гриса того же, но он постукивает пальцем по разделочной доске и продолжает заглядывать в котелки.

— Думаешь, она заметит?

Нет. Матушка никогда не замечает наши улучшения к зельям. Но я не могу заставить себя сказать это. Грис стоит, исполненный надежды, глаза цвета корицы смотрят из-под песочной шапки волос. Он самый внушительный человек из всех, кого я знаю — на голову выше меня и сложен как бык, — но для матери он всегда будет тощим восьмилетним сиротой, отчаявшимся доказать, что она поступила правильно, взяв его к себе.

Я хватаю очки Гриса с крючка возле очага и бросаю их в сторону его груди. Он визжит и пытается схватиться за ремешок.

— Для чего это было?

— Котелок под присмотром никогда не закипает. Ты знаешь это. И если мы не успеем закончить эти зелья до прибытия Маргариты, матушка обязательно это заметит, — я затягиваю ремешок своих очков для большей выразительности.

Грис еще раз смотрит на котелки, затем быстро смотрит в окно на дом, прежде чем наконец надеть очки.

Как две части хорошо смазанной машины, мы находим легкий ритм нашей работы: он убирает локоны с моего лица, когда я наклоняюсь, чтобы измельчить травы, и я смахиваю пот с его лба, пока он помешивает котелки. Мы больше десяти лет работаем бок о бок, и его руки кажутся продолжением моих; мы знаем, что нужно другому, не произнося ни слова. Мы настолько поглощены своей алхимией, что я кричу, и Грис ударяется головой о висящие котелки, когда дверь лаборатории распаивается.

— Обязательно врываться как разбойник? — я резко оборачиваюсь, готовая сердито взглянуть на сестру. Но забрать заказ мамы пришла не Маргарита.

А сама матушка.

Ложка для помешивания выпадает из моих пальцев и скатывается в углы, заставляя огонь потрескивать. Грис выпрямляется и яростно смахивает желтые пятна камфоры со своих волос и туники. Что кажется потраченным впустую усилием, поскольку сама мать выглядит неопрятно. Я смотрю на ее грязное, свободное нижнее платье. На ее измазанные грязью щеки и потертую шапку на спутанных волосах. Она похожа на рыбачку. И, что еще хуже, она так и пахнет. Я прикрываю нос, но мерзкий запах просачивается сквозь пальцы и душит меня.

— Леди матушка! — лепечу я. Обычно она выглядит безупречно — в лучшем сатине и шелке. Говорят, прием в нашем обшарпанном доме на улице Борегар важнее, чем в замке в Версале, но она не выглядит сейчас как самая сильная ворожея в Париже или «Королева Народа».

Она прибывает меня к месту чернильным взглядом и кашляет.

Я быстро поправляю края своей юбки, покрытой сажей, и опускаюсь в отточенном реверансе. Грис следует примеру и кланяется.

— Чем обязаны этой честью? — спрашиваю я.

Она машет рукой и проходит в комнату, огибая стопку пыльных гримуаров и перевернутый мешок расторопши.

— Я не могу навестить свою любимую дочь и обожаемого сына без причины?

Грис, кажется, может умереть от счастья, и половину секунды я позволяю себе надеяться. А потом матушка показывает свою самую сладкую улыбку — с такой она

общается с клиентами-аристократами — и страх сворачивается в моем животе, как тошнота. Она ничего не делает без причины. И она не приходила в лабораторию годами. Домик в саду слишком сильно напоминает ей отца. Я слишком сильно напоминаю ей отца. Я быстро озираюсь в лаборатории в поисках истинной цели ее визита, пульс гремит в висках. У нее есть дюжина причин отругать меня. Во-первых, за бардак. Когда отец был главным алхимиком Теневого Общества, тут было чисто, пол сверкал, котлы сияли, как вычищенные туфли. Но мой разум лучше работает, когда я погрязаю в зельях. Когда меня окружают мои флаконы, бутылочки и бочки — часть моей алхимии, тела и духа. И методы отца показали себя неэффективными. Зачем нужны шкафчики с отметками по алфавиту, когда твои эксперименты такие взрывоопасные, что все разрывает на кусочки? Матушка должна радоваться, что я так сильно хочу отличиться от него.

Видимо, дело в последнем заказе. Я спешу к ней, уже бормоча извинения, но она идет не к камину, цокая языком из-за кошмарного количества недоделанных зелий, а к серванту.

— Это моя особая смесь для герцога де Барры? — спрашивает она, поднося Аква Тофану к свету огня.

Я киваю.

— И ты изменила его согласно моим указаниям? Оно убивает, касаясь кожи?

— Конечно, — Аква Тофана обычно в жидкой форме, но матушка попросила меня сделать зелье в виде порошка. Оно было вдвое сильнее. — Он умрет, едва заденет порошок кончиками пальцев.

Улыбка матушки затрагивает ее глаза, и она выглядит радостно. Даже гордо. А потом делает то, что случалось только в моих мечтах. Такое обычно получает только старшая сестра. Она опускает ладонь на мою спину и склоняется. Ее темные волосы задевают мои плечи, и ее дыхание с запахом миндаля задевает мою щеку.

— Молодец, — шепчет она.

Я не шевелюсь, не дышу и не моргаю пять ударов сердца, семечко гордости прорастает в моей груди. Я знаю, что ему нельзя давать укорениться. Она передумает. Или ее похвала станет замечанием, как всегда было раньше. Но это не происходит, и росток обвивает мое сердце. Матушка как солнце. Яркое и ослепительное. Невозможно не купаться в тепле ее оценки, даже если я могу обжечься.

Хотя, наверное, нет. Это мог быть знак изменений. Может, она начинает доверять мне и ценить меня.

Я смотрю снова на Грису, мы ошеломленно улыбаемся.

— Не стой как тупица, — смеется матушка, обвивая мою руку своей. — У нас много дел.

Это выводит меня из ступора. Я устремляюсь к камину.

— Конечно. Остальной заказ почти готов. Мы принесем его...

— Грис может закончить заказ, — матушка сильнее сжимает мой локоть. — Ты идешь со мной.

Мои глаза расширяются, я стараюсь не лепетать.

— Но я же не приглашена? — она не была рада моему присутствию на ее консультациях, она и Маргарита справлялись с этой стороной бизнеса. Я едва ли лучше служанки. Лабораторная крыса. Если только и это не меняется... Трепет восторга гудит внутри меня, но я прикусываю губу. Лучше скрывать радость, или матушка учует мое отчаяние. Она презирает слабость больше всего.

— Не глупи, — матушка тряхнула флаконом. — Ты — гений, создавшая яд, так что ты должна увидеть мой триумф.

Я хмурюсь. Я не вижу повода для торжества в страданиях человека, даже если он был гадким, как герцог де Барра, но я знаю, что спорить нельзя. Если матушка считает его смерть победой, так и будет. И она хочет, чтобы я участвовала в этом.

Грис улыбается и поднимает радостно кулак, пока матушка ведет меня в сад. Утренний воздух приятно прохладный, ударяет молотом по моему горлу, бодрит мой разум, кожу покалывает. Каждое окно в нашем доме горит светом свечей, мелькают движения. Тени движутся за бархатными шторами, Маргарита и Ла Трианон накрывают позолоченные столы и наполняют гадальные чаши водой. Вместо птиц гул болтовни взволнованных клиентов, выстроившихся в очередь на улице Борегор, приветствует солнце. Теневое Общество начинает работать, как заводные часы, и я — часть этого.

Я подстраиваюсь под шаги матушки, держу голову высоко. Мы проходим в дверь кухни. «Вызывай уважение. Покажи, что тебе тут есть место», — но я запинаюсь, едва мы заходим в ее приемную, и в этот раз дело не в черных шторах и обоях с узорами. Комната гудит, как осиное гнездо, набита посетителями от стены до стены. И это не бедные служанки или герцогини в париках, которых они часто развлекают. Это лидеры Теневого Общества.

Ла Трианон, помощница матушки, перестает расхаивать и впивается в меня водянистыми глазами. Обычно глаза старушки пылают огнем, искрятся хитростью, но сегодня они уставшие, такие же грязно-серые, как снег в сточной канаве. Раздражающий любовник матушки, королевский волшебник Лесаж, подмигивает мне, отдыхая на диване, а Маргарита шепчется со своим суженым, Фернандом, в углу. На другой стороне комнаты аббат Гибур, священник, который занимается духовными делами Общества, теребит четки узловатыми пальцами. И рядом с ним главная клиента матушки, маркиза де Монтеспан, бывшая фаворитка Его Величества, Людовика XIV, нервно машет кружевным веером.

Колокольчики звенят предупреждением в моей голове. Почему они собрались в такое время? Они не могут все желать смерти герцогу де Барре. Он не такой и важный человек, особенно для мадам де Монтеспан.

— Что это такое? — я стараюсь скрывать эмоции. Подражать матушке.

— Мы ждем тебя, ясное дело, — мадам де Монтеспан закатывает глаза, словно я самое глупое существо на свете. Я невольно кривлюсь, и она хихикает за веером.

«Я бы не смеялась, если бы король прогнал меня ради любовницы моложе», — хочу рывкнуть я, но я прикусываю язык и поворачиваюсь к Маргарите. Она расскажет мне. Но она смотрит на руку матушки, обвивающую мою руку, и поджимает губы.

Мы с сестрой или лучшие подруги, или ужасные враги, все зависит от внимания матушки.

— Вставайте. Все вы. Пора идти, — матушка хлопает и указывает на коридор. Аббат Гибур поднимается с кряхтением и спешит помочь мадам де Монтеспан, но Ла Трианон заламывает кривые руки, с мольбой смотрит на матушку.

— Прошу, передумай, Катерина. Это безумие. Мы сгорим на Гревской площади.

Темные глаза матушки вспыхивают, и она шагает к старушке. Матушка никогда не кричит, она шепчет, и это пугает куда сильнее.

— Ты не доверяешь моему суждению?

— Конечно, нет, — Ла Трианон отступает за диван, словно мышка, загнанная котом. —

Я не посмела бы.

Матушка указывает на коридор.

— Тогда идем.

Лесаж протягивает руку Ла Трианон с насмешкой, и пока матушка смотрит, она не может отказаться. Маргарита бросает на меня мрачный взгляд, устремляется шумно в коридор с Фернандом. Но ее враждебность меня не пугает, ведь матушка продолжает идти рука об руку со мной. Она крепко сжимает мой локоть одной рукой, яд в порошке — другой рукой. Я стараюсь скрывать радость, пока забираюсь в карету с шестью лошадьми, ждущую на улице.

Мы едем в тишине через Пон-Нёф и из Парижа, попадаем на пыльные проселочные дороги с ямами. Я озираюсь в карете, матушка сидит рядом со мной, Маргарита — напротив меня. Я надеюсь, что они расскажут, куда мы едем, и что мы затеваем, в пути, но они избегают моего взгляда.

Я подавляю ком разочарования и ерзаю на месте. Это не удивляет. Это моя первая поездка с Теневым Обществом. Чтобы узнать что-то серьезное, нужно было проявить себя в мелочах. И если это посвящение или проверка на верность, я справлюсь. Более того — я справлюсь превосходно. Я рисую улыбку на губах, надеюсь подражать матушке в ее убийственной уверенности, сцепляю ладони на коленях.

Проходит немного времени, матушка выглядывает из-за шторки, и я замечаю огромный красно-белый замок в конце дороги, золотые зубцы и голубая крыша сияют, как жемчуг, на солнце. Версальский дворец. Все во мне трепещет, и я склоняюсь, чтобы увидеть лучше. Новая резиденция короля, говорили, превосходит Лувр так, как солнце затмевает луну. Этот дворец быстро стал бьющимся сердцем его королевского двора.

«Это не должно тебя интересовать», — напоминаю я себе раньше, чем матушка могла меня отругать. Я отклоняюсь и смотрю строго вперед. Дворец — просто роскошное логово беззакония. Насмешка над народом.

Карета высаживает нас перед огромным дворцом, где огромная толпа просителей шумит перед позолоченными воротами. В последнюю пятницу каждого месяца король Людовик выходит во двор перед двором, чтобы получить прощения от своего народа, но я не могу понять, зачем мы приехали сейчас. Будет куда сложнее проникнуть внутрь и отравит герцога де Барру в таком хаосе.

Мы собираемся в тесный круг за толпой.

— Все на месте? — тихо спрашивает матушка, хотя никто не мог услышать нас из-за криков просителей.

Маргарита и Фернанд кивают.

— Что значит «все»? — спрашиваю я, глядя на нашу маленькую группу.

— Тихо, Мира, — рявкает Маргарита.

— Отлично. Пожелайте мне удачи, — говорит матушка, — хотя она мне не понадобится, — она надевает перчатки, откупоривает флакон с ядом и сыплет порошок на свиток пергамента, который аббат Гибур достает из мантии. А потом она исчезает в толпе, устремляясь к воротам.

— Что она делает? — спрашиваю я. — Я думала...

— Смотри, и ты поймешь, — мадам де Монтеспан указывает на замок.

Мне не по себе, я словно съела испорченное мясо. Я яростно обмахиваю лицо, но потею, будто я — кузнец у печи. Людей так много, они ужасно шумят. Я пытаюсь

попятиться, но Маргарита и Фернанд ловят меня за запястья и тянут вперед.

— Нужен лучший вид, — бормочет Лесаж, отодвигая людей с дороги.

Аббат щурит глазки.

— Где она? Ты ее видишь?

— Там! — мадам де Монтеспан указывает влево, где толпа гуще всего у ворот, и я замечаю синюю шляпку матушки. Сотни людей тянут руки сквозь завитки ворот, машут дико прошениями, и матушка присоединяется к ним.

Она просто колосок среди огромного поля пшеницы, но я вижу момент, когда Король-Солнце замечает ее свиток. Он словно очарован. Он бросает туда взгляд и решительно шагает вдоль ограды, мантия развивается за ним, как знамя. Дофин в небесно-голубом бархате тянет отца за руку и шепчет ему на ухо, но король стряхивает его и шагает дальше. Прямо к матушке.

— Она не... Мы не... — лепечу я, надеясь, что кто-то подтвердит, что я ошибаюсь, что все не так, как выглядит. — Мы пришли отравить герцога де Барра!

— Разве? — Маргарита смеется.

Время замедляется, Людовик XIV тянется к свитку. Его золотые и серебряные кольца сверкают на солнце. Рюши на запястьях покачиваются от холодного ветра. Крик подступает к моему горлу, его пальцы задевают отравленный пергамент. Я хочу кричать, чтобы он остановился, но зубы сжаты, удерживают слова как тюрьма.

Яд ужасно быстрый, как матушка и заказала. Едва он разворачивает свиток, высокий вой срывается с губ Короля-Солнца. Он падает на колени, и мои легкие горят, пока я смотрю, как он разрывает камзол и терзает кружевной воротник. Его лицо багровеет, и на жуткий миг все замирает. Затихает. А потом дофин кричит, низкий вопль похож на крик умирающего животного, и тишина разбивается, как стекло.

Боже.

Просители пятятся, разбегаются, как курицы, когда в курятник попадает лиса, и я смотрю в ужасе, как дофин кричит имя своего отца, зовет на помощь, зовет лекаря.

Слишком поздно.

Король падает лицом в брусчатку. Его безукоризненный парик слетает с головы, а алый плащ окружает его, как кровь.

Невидимый кулак ударяет меня по животу, и меня тошнит на мою обувь.

— Возьми себя в руки, девчушка, — говорит Лесаж. Он взмахивает руками, и изумрудный огонь трещит, слетая с его пальцев. Опасный живой огонь, зовущийся *дезинтегратором*.

Огонь врезается в ворота дворца, и со скрежетом ломающегося металла фигуры в плащах цветов драгоценных камней и бархатных масках появляются из ниоткуда и расходятся по толпе, словно мухи, нашедшие чуму.

Все Теневое Общество.

Маргарита и Фернанд надевают свои бархатные маски и кричат, бросаясь в толпу. Они, наверное, думают, что я присоединюсь к ним, но мои дрожащие ноги не слушаются. Еще волна тошноты толкает меня на колени. Это безумие, и это все моя вина.

Я не избавила мир от гадкого герцога.

Я убила короля Франции.

2 ЙОССЕ

Я должен заниматься множеством дел. Список Ризенды бесконечен: почистить репу, отмыть котелки, подмести на кухне, собрать лук-порей. И так далее. Сбежать к дворцу и прятаться в кустах под третьим слева окном второго этажа — точно не из списка. Но меня нельзя винить. Серьезно. Я шел к саду, чтобы собрать лук-порей, когда свет утреннего солнца упал на тропу так, что я невольно заметил, какими круглыми и гладкими были камешки, сияли как капли серебра.

Идеального размера, чтобы бросать их в окна.

Трепет пробегает по мне, я бросаю первый камень, представляя там мадам Лемер, свернувшуюся, как дракон в крепости. Старуха страшнее змея, и ее язык остаточно резкий, чтобы плевать огнем, потому я и должен спасти сестёр.

Тук, тук, тук.

Камни отлетают от позолоченных ставен, как пули. Еще несколько остаются без ответа, но я настойчивый.

«Ну же, старуха».

Еще три, и ставни распахиваются.

Не дожидаясь ее ослиного вопля или хлопающих, как у индейки, складок, я хватаюсь за решетку и подтягиваюсь. У меня было много практики в лазании. Много деревьев в саду, чтобы меня не побили дети при дворе, когда я был младше, а теперь навесная стена вокруг комнат служанок для другого дела.

Мадам Лемер тут же замечает меня, но не успевает обозвать бастардом-свиньей и закрыть ставни, я прыгаю в окно и чуть не сбиваю ее на пол. Она кричит, врезается в белорозовую стену, и ее кудрявый парик падает на пол. Он так похож на одного из маленьких пуделей мадам де Монтеспан, что я отчасти жду, что он залает. Или укусит меня.

Анна и Франсуаза пронзительно хохочут — лучшее приветствие для меня — и я бегу по комнате и поднимаю их со стульчиков. Их чашки падают на пол, и я топаю по горячему чаю, устраивая еще больший бардак. Мадам Лемер права, я свинья, порчу дорогие ковры цвета шелковицы своей грязной обувью, стряхиваю листья и прутики с волос. Я делаю это намеренно. Во-первых, забавно смотреть, как мадам Лемер хватается за грудь и лепечет. Во-вторых, проще ворваться, как торнадо, устроить погром, чем смотреть на кровати из красного дерева с шелковыми одеялами, мешая себе сравнивать их с моим тонким соломенным матрацем в комнате слуг.

— Как мои девочки? — спрашиваю я, усаживая по одной на ногу. В пять и семь их уже

тяжеловато носить, особенно в их пышных сатиновых юбках, но я поднимаю их выше, стиснув зубы, чтобы мы могли потереться носами. Наше особое приветствие.

— Лучше, чем ты, — говорит Франсуаза, старшая из моих сводных сестер. Она хлопает меня по щеке, мое сердце тает, как теплый заварной крем. — Уроки ужасно скучные.

— Мы надеялись, что ты придешь, — говорит Анна за ладонью. Только она еще не научилась шептать, и мадам Лемер слышит каждое слово.

Старушка водружает парик на голову и устремляется к нам, протянув руки к девочкам.

— Идите сюда, милые. Уроки, может, и скучные, но они необходимы. Дети, которые не учатся, становятся такими, как он.

Я охаю и кривлюсь, напоминая сморщенное яблоко, и это случайно выглядит как лицо мадам Лемер.

— Мы бы этого не хотели, да?

Мои сестры хихикают, качая головами. Их шелковистые рыжеватые кудри задевают мои щеки и щекочут нос. От них пахнет жимолостью и розовой водой. Счастьем и домом. Я сжимаю их крепче, потому что, несмотря на постоянные упреки от их матери-фаворитки и строгих учителей, они хотят быть как я. Они хотят видеть меня, а не просто смеяться надо мной. Только им есть до меня дело. И Ризенде, наверное.

— Ты не можешь их забрать, — мадам Лемер скрещивает руки и становится перед дверью. — Мы посреди важного урока этикета. Тебе самому не мешало бы посидеть на паре таких уроков, Йоссе.

— Ах, но тогда мне придется вести себя как принц, а мы не можем это допустить. Я же просто мальчишка с кухни.

Я не вижу смысла пытаться завоевать симпатию короля, когда моя судьба будет такой же, как у моей матери, выброшенной, как мусор, как только она перестала быть новой. Как только ему надоест смотреть, как его министры роняют вилки и смотрят на меня — его точную копию — наливающего вино и подающего баранину в большом зале. Я — пустяковое развлечение, как танцующая обезьяна.

— Отпусти девочек сейчас же, — требует мадам Лемер.

Ухмыляясь, я уклоняюсь от взмахов ее руки и крепче сжимаю сестер.

— Один час, — умоляю я. — Посмотрите на их лица — такие бледные и грустные. Им нужен солнечный свет, движения. Девочкам вредно так много учиться.

— Все утро у меня ужасно болела голова, — добавляет Франсуаза, драматично фыркая.

— Им нужно держаться подальше от таких негодяев, как ты. Их мать запретила это, — мадам Лемер выпячивает грудь, делая себя как можно больше. Мне придется одолеть ее, чтобы пройти через дверь, и она может легко меня подавить.

— Кажется, нам не повезло, дамы, — говорю я.

Анна хныкает и моргает со слезами на глазах, но Франсуаза расправляет плечи и твердо показывает пальцем на их гувернантку.

— Вы отойдете, мадам Лемер, если только не хотите, чтобы вас уволили. Я — дочь Франции, а вы лишь скромная служанка, посланная служить *мне*. Отец будет очень недоволен, узнав, что я несчастна.

Щеки мадам Лемер бледнеют. Ее постоянно сжатый рот открывается, но оттуда не выходит ни звука. Мне почти жаль ее, когда она делает неуверенный реверанс и отходит от двери, спотыкаясь, как ломкий лист, подбрасываемый ветром.

Франсуаза отклоняет голову и смеется.

— Вот так это делается, брат. Продолжай.

Я бросаю взгляд на мадам Лемер — хоть я знаю, что она не хочет моих извинений — и выношу девочек из комнаты. Они болтают, как будто все в порядке, но бравада, которую я испытывал раньше, смех, волнение и теплое чувство принадлежности, свертывается в моем животе, как скисшее молоко. Я полностью за то, чтобы злить старую летучую мышь, но *это* было жестоко и унижительно. Мне нравится думать, что мои девочки отличаются от других дворян, но Франсуаза звучала так, как Людовик, или отец, или их мать, мадам де Монтеспан.

По моим костям струится лед.

«Как скоро она скажет такое тебе? Когда поймет, что ты сын посудомойки? Еще ниже, чем мадам Лемер?».

Технически девочки — бастарды, как я, но дочери фаворитки короля далеки от сына служанки.

Я не понимаю, что остановился, пока Анна не тыкает пальцем мне в лицо.

— Йоссе? Ты болен?

Я моргаю и заставляю себя улыбаться.

— Мне зашили бок, но мне уже лучше.

— Тогда пошли, — говорит Франсуаза. — Я очень хочу навестить Ризенду. Она обещала позволить нам ощипать цыплят.

Я приподнимаю бровь.

— Вы хотите ощипать цыплят?

— О, да, — говорит Франсуаза, и они с Анной энергично кивают. — Мы давно хотели попробовать это. Мадам и мама не позволяют нам повеселиться.

Веселье. Не то слово, каким я описал бы свою работу, но я проглатываю раздражение.

— Тогда мы пойдём на кухню, — говорю я, целуя их в щеки. Они хватают меня за шею и хихикают на уши, и мне становится и лучше, и хуже. Я ненавижу себя за то, что плохо думал о них. Они не похожи на других. И не станут такими, если я могу повлиять.

Мы мчимся вниз по винтовой лестнице, выходим на улицу, мимо караульного помещения, где непрестанно бьются просители о золотые ворота, и врываемся в задымленную кухню. Дюжина горничных в простых серых платьях порхает, помешивая кастрюли и следя за печами, но ни одна из них не замечает меня. Они всегда так делают. Неважно, что я всю жизнь служил рядом с ними. Для них я наполовину принц. Для придворных я наполовину простолюдин. Это делает меня на сто процентов невидимым для всех, кроме Ризенды.

— Вовремя ты появился, никчемный мешок с костями! — вопит она, хлопая руками в муке по переднику. — Лучше бы тебе собрать весь урожай лука-порея за то время, как тебя не было.

— Я принес тебе кое-что получше, — девочки выглядывают из-за меня, и улыбка Ризенды становится шире, пока ее морщины не закрывают большую часть ее глаз. Я обожаю эту уродливую морщинистую ухмылку. Мои выходки обычно заставляют ее хмуриться и беспокоиться — она говорит, что это из-за меня ее волосы стали такими седыми, — так что хорошо время от времени делать что-то правильное.

Она ведет нас во двор, и девочки, как голодные ласки, нападают на гору куриц. Я опускаюсь рядом с ними на землю и дрожу. Весенний ветерок все еще холодный, как зимой, прознает мою тунуку, как нож. Анна и Франсуаза, кажется, этого не замечают — они слишком заняты, сдувая друг на друга вонючие перья. И ветер не мешает просителям. Их

вдвое больше, чем обычно, и их пыльные крики доносятся туда, где мы работаем.

— Как думаешь, что это на этот раз? — спрашиваю я у Ризенды, кивая на толпу. — Неужели они такие жадные и неблагодарные, как утверждает отец? Или он такой бездушный, как сообщают в брошюрах?

— Беспорядки у ворот не имеют к нам никакого отношения, Йоссе, и спасибо Господу за это. И тебе не следует читать эти предательские брошюры, — Ризенда щелкает меня по носу.

Я прищуриваюсь, глядя на отца и Людовика, шагающих вдоль забора, склонив головы, обсуждая дела. Иногда мне интересно, каково это — участвовать в их делах. Каково это — носить вышитый жемчугом камзол Людовика или шелковый плащ отца. Но куда больше мне хочется пройти туда в моей испещренной перьями тунике, сбить с их головы массивные парики и заставить их увидеть, посмотреть на простых людей, одетых в лохмотья.

Иссохшая рука Ризенды хлопывает меня по колену.

— Его Величество считает, что тебе сейчас лучше поработать со мной.

Конечно, он считает, что лучше всего выгнать меня на кухню, где ему не нужно будет меня видеть, когда ему не нужно смеяться. Я — позор. Некрасивое пятно на его безупречном роду.

С чуть большей энергией, чем необходимо, я швыряю ошипанного цыпленка в кучу и тянусь к другому, когда у ворот раздаётся леденящий кровь крик. Секунду спустя меня швыряет на землю волна ужасного жара. Моя голова сталкивается с брусчаткой, осколки штукатурки и кирпича бьют меня по спине, как град. Ярко-зеленые искры падают с ясного неба, а ворота грохочут и звенят, как разбивающаяся посуда. Я прижимаю ладони к ушам, но это почти не заглушает шум; весь мир кричит.

Мои сестры — громче всех. Их высокие голоса режут мою кожу когтями. Прилив паники поднимает меня на колени, и я ползу к тому месту, где они сжимаются под Ризендой — слава Богу. За ними — сплошной хаос. Ворота дворца рушатся с таким грохотом, что земля подо мной содрогается, и облако пыли поднимается в воздух, достаточно плотное, чтобы скрыть солнце. Просители устремляются во двор и ищут укрытие, указывая на фигуры в плащах, летящих к дворцу, как летучие мыши в ночи.

Где мой отец? Мушкетеры? Его слуги? *Хоть кто-то?*

— Что происходит? — кричит Франсуаза.

Я не знаю, но нам нужно двигаться. Сейчас. Я забрасываю Анну на спину, тяну Франсуазу за руку.

— Сюда, — кричу я, но Ризенда ковыляет в другую сторону. Я ловлю ее за локоть и разворачиваю. — Что ты делаешь?

— Идите! Я только замедлю вас.

Я качаю головой и сжимаю крепче.

— Иди! Забирай девочек. Встретимся вне дворца, — она вкладывает нож, которым разделывала курицу, в мою ладонь, толкает меня с большей силой, чем должна быть у женщины ее возраста. — Будь сильным, Йоссе, — кричит она и убегает за навесную стену.

Я смотрю ей вслед, глаза слезятся, сердце кричит. Еще вспышка изумрудной молнии попадает по дворцу, и Анна кричит мне на ухо:

— Беги, Йоссе!

Я убираю нож в ботинок и поворачиваюсь к стене вокруг дворца, но караульные помещения захвачены фигурами в лиловых и изумрудных плащах. Стрелы летят в

пытающихся бежать придворных, сбивая их, как оленей на охоте. Я оглядываюсь на величественный дворец, но по ступеням поднимаются орды злоумышленников. Внутри дворца зловещие полосы зеленого света пробегают по коридорам, зажигая драпировки.

Выхода нет. Всюду опасно.

«Думай, Йоссе».

Я закрываю глаза и представляю каждый зал, каждый этаж дворца, пока не вспоминаю скрытый проход под лестницей снаружи салона Венеры. Мы с моим лучшим другом Люком Дегре обнаружили его много лет назад, когда я отчаянно пытался уклониться от работы, а он не хотел иметь ничего общего с уроками латыни, которые его отец-учёный преподавал Людовику. Раньше это был незаметный вход для плотников и каменщиков во время строительства — мой отец не пустил бы простолюдинов ходить по двору д'Оннер, — и он ведет от главного дворца к конюшням и в лес за ними. Блестяще.

Охая, я поправляю Анну на спине и тащу Франсуазу к ближайшему окну. Я еще ни разу не был в этой части дворца — дофин категорически запретил *грязным бастардам* входить в его покои — но это самый быстрый путь к скрытому проходу, поэтому я разбиваю ботинком окно и юркаю мимо осколков стекла.

Несмотря на все, что я слышал о ее красоте, спальня Людовика сейчас похожа на пылающий ад. Золотые стены покрыты тошнотворно-зелеными шрамами, с которых капает на паркетный пол, и два джентльмена из спальни лежат в центре комнаты, их кожа зеленее листьев, а лица застыли в агонии.

Я отвожу взгляд и устремляюсь вперед, не давая себе закричать.

«Лестница. Нужно дойти до лестницы».

Я прохожу через дверь и попадаю в обшитую деревянными панелями прихожую, где врезаюсь в незваного гостя. Этот мужчина моего роста, но в два раза шире, а лицо его закрывает замысловатая черная маска.

— Какая удача, — говорит он с хриплым смешком. — Как раз те девочки, которых я искал, — он наклоняется в притворном поклоне и залезает под свой алый плащ.

Анна и Франсуаза кричат, и мне не терпится увидеть, что он ищет. Ярость вскипает в моих жилах. Я никогда не убивал людей, никогда не тренировался с мечом, как Людовик, но время, проведенное на кухне, мне помогает. Быстрее, чем я когда-либо двигался, я опускаю Анну, вытаскиваю нож из ботинка и вонзаю его в живот мужчине. Вверх и внутрь. Рассекаю его, как свинью. Он кашляет и прижимается ко мне, его теплая и густая кровь льется по моим рукам. Я жду, пока мои руки дрожат от ужаса, пока тошнота сдавливает мне горло, но чувствую только ярость. Свирепое желание нанести ему еще один удар за то, что он подумал о том, чтобы навредить моим сестрам.

Я бросаю его на пол, возвращаю нож в ботинок и беру Франсуазу и Анну за руки, съезживаясь от крови, которая попадает на их кожу. Дым сгущается, когда мы пробегаем следующий вестибюль. Слуги бегут из библиотеки и большого кабинета дофина, визжа и плача, призрачно-зеленые языки пламени полыхают по коридору.

— Все будет хорошо, — кричу я себе и девочкам.

Мы врываемся во двор, и перед нами открывается мраморная лестница. Так близко. Но когда мы пробегаем салон Дайан, крик вонзается мне в уши, и мой желудок сжимается.

Думаю, я знаю этот голос.

Стиснув зубы, я делаю еще один шаг. Если бы ситуация перевернулась, они бы не остановились для меня. Анна и Франсуаза — моя единственная ответственность, только они

мне дороги в этом дворце. Но крик раздается снова, даже громче. Бросает меня между половинами моей жизни.

«Будь сильным, Йоссе», — вспоминаю я голос Ризенды.

Я поворачиваюсь и колочу по двери.

— Мари? Ты там?

Дверь распахивается, и моя сводная сестра, мадам Рояль — самая старшая дочь короля — выглядывает в коридор. Ее фарфоровое лицо покрыто пятнами, а глаза распухли и превратились в щелочки. Она так сильно кашляет, что не может говорить, но в ее молчании нет ничего необычного. За мои восемнадцать лет мы обменялись всего несколькими словами.

— Почему ты все еще тут? — спрашиваю я.

— Идти некуда. Людовик говорит, что мы просто не можем бросаться в бой.

— Людовик? — я задыхаюсь от его имени. — Он здесь? Но я видел его у ворот...

— Когда отца ударили... — начинает она, но падает в дверном проеме, плача. Анна и Франсуаза снова заплакали, я поднимаю их и прохожу мимо Мари.

Салон Дайан — самая упадочная из всех гостиных, с роскошными фиолетовыми драпировками и мебелью из черного дерева, но, как и покои дофина, она превратилась в картину кровавого противоречия. Трое нарушителей лежат на сверкающих плитах в лужах крови, а Гранд Конде, самый знаменитый генерал французской армии, прижимается к дивану и держится за бок, темно-красное пятно растекается по его светлой одежде. Позади него Людовик склоняется над столом, уставленным табакерками, перьями и графинами, расположенными в форме дворца. Он указывает на стену в дальнем конце стола, и Конде качает головой. Его Королевское Высочество ругается.

У меня возникает соблазн развернуться, схватить девочек и оставить придворных убежать самим. Они никогда меня не послушают, и любой миг может стать решающим для того, чтобы добраться до прохода. Но Мари стонет в ладони, и все внутри меня сжимается, как тряпка для мытья посуды. Заслуживают или нет, я не могу оставить их умирать.

Я ставлю сестер у стены и шагаю к мужчинам, кашляя, поскольку они не удосужились заметить меня.

— Я знаю выход, — объявляю я.

Они дергаются от моего голоса, и хоть он близок к смерти, Конде умудряется хмуро посмотреть свысока на меня.

— Слава святым! Королевский бастард пришел спасти нас.

— Не время для политики, — рявкаю я. — Идемте.

Старый генерал машет рукой.

— Они оставили стражей у всех ворот. Нас тут же убьют.

— К счастью, мой выход без ворот. За мной. И скорее.

Людовик отрывает от стола взгляд, его голубые глаза рассекают меня, как нож мясника.

— Если я и Гранд Конде не можем найти путь, ты точно не можешь.

— Ладно. Хотите умереть, я только рад исполнить желание.

— Осторожнее, брат, в разговоре с королем Франции, — заявил Людовик.

Людовик король? Значит, наш отец, Король-Солнце, мертв. Я едва его знал, но все еще ощущаю потерю в душе. Словно меня ударили каблуком.

— Королева? — шепчу я.

Конде бросает взгляд на Мари, та рыдает сильнее, а он тихо говорит:

— Ее Величество мертва на веранде. Я защищал дофина, не успел добраться до нее.

Я задеваю носком трупы в масках на полу.

— Кто они?

— Не знаю, — говорит Конде. — Но их ведет придворный маг, Лесаж. Предатель. Он сожжет всех нас своей дьявольской магией.

Дрожь пробегает по мне от макушки до пальцев ног.

— Прошу, идемте.

Людовик ударяет кулаком по столу и кричит:

— Уходи! — в тот миг окно возле двери разбивается. В комнату влетает луч зеленого огня, ударяет по стене на волосок от места, где стоят Анна и Франсуаза. Шипящий зеленый пепел попадает их руки, и они вопят, как мыши, попавшие в ловушки под кухонными шкафами.

«Нет, нет, нет».

Я лечу по комнате, хватаю их и убираю с их кожи горящую сажу. Затем я перепрыгиваю через Мари, которая смотрит на меня с болью на лице, а потом поднимается на ноги и впивается в мою тунику. К моему удивлению, тяжелый топот шагов Конде и ворчание Людовика о том, что он должен вести нас, сопровождают нас по коридору.

Представьте себе. Идти за бастардом оказывается лучше, чем сгореть заживо.

— Это твой гениальный план? — говорит Людовик, когда я нажимаю на выемку на перилах лестницы, и панель отодвигается. Признаюсь, выглядит немного зловеще. Стены в трещинах, кривые, и от резкого запаха гниения я кашляю. Людовик колеблется, но, к счастью, он намного ниже меня и тонкий, как стебелек, поэтому я толкаю его внутрь с такой силой, что он падает на колени. Без извинений я подталкиваю остальных за ним. Затем я забиваюсь внутрь и запираю дверь.

Нас поглощает тьма. Воздух тяжелый и кислый, и влага со стен пропитывает рукава моей туники, пока мы продвигаемся вперед. Мари всхлипывает, Конде стонет и прислоняется к стене, Людовик ругается, пытаюсь удержать старого генерала на ногах, а девочки тихо плачут в мое плечо. Вот тогда я замечаю, что пятнышки усеивают их кожу, как веснушки. Они круглые, с приподнятыми центрами, которые светятся тусклым зеленым светом. Мои ребра сдавливают сердце, и я задерживаю дыхание, вытирая большим пальцем пятно на пальце Франсуазы. Оно не размазалось.

Проклятие.

Никто не произносит ни слова, пока мы блуждаем в темноте. Мои руки болят от веса сестер. Кажется, что мы шли часами. Днями. Я делаю глубокий вдох и в сотый раз поправляю хватку. Все, что нужно, чтобы обезопасить их.

«Но ты уже их подвел», — я смотрю на пятна, и мне становится не по себе.

Когда мы добираемся до скрытой двери за конюшнями, Людовик радостно вопит, но за ним тут же в ужасе кричит Мари. Как только я выхожу из туннеля, я сдерживаю свой крик. Южные леса залиты оранжевым пламенем. Жар бьет меня по лицу, и дым льется по горлу, как подливка. Я привел нас к вратам ада.

Хмурый Конде почти утыкается в мое лицо.

— Не стой, не то мы горим заживо, мальчик! Ты привел нас сюда.

Я ищу самый безопасный путь и молюсь, чтобы Ризенда вылезла из сарая или поманила с опушки леса. Вина сковывает мои ноги, и они становятся тяжелыми, как валуны. Глупо было думать, что старуха сможет выжить в этом хаосе.

— Кажется, я должен отвести нас в безопасное место, — Людовик бросает на меня взгляд, полный отвращения, устремляется в северный лес. Я приподнимаю брови, но решаю не упоминать, что Пти-Парк — это самое близкое к дикой природе, что он видел, — и он теряется на тех ухоженных тропинках.

Бросив еще один взгляд на сарай, я следую за остальными.

Мы пробираемся сквозь подлесок медленнее и мучительнее, чем королевская процессия. Пламя потрескивает за ветками, пылающие листья падают на наши головы. Они падают все быстрее и сильнее, поскольку мы бесцельно кружим, удаляясь от цивилизации и помощи. Мне нужно что-то сказать, что-то сделать — я сотни раз собирал в этих лесах грибы; я мог бы вывести нас в дорогу за считанные минуты.

«Будь сильным, Йоссе», — слова Ризенды крутятся в моей голове, такие громкие, что я оборачиваюсь с надеждой в груди. Но это ветер, приносящий к нам треск.

Я стряхиваю длинные потные волосы с глаз, поднимаю девочек выше и прохожу к лидеру группы.

— Нам нужно идти на север вдоль тропы и найти карету, которая едет из Версаля, а то и из Франции.

Людовик хмуро смотрит на меня, вытирая лоб платком с серебряной вышивкой.

— Король не может бежать из своей страны.

— Ты не станешь королем, если погибнешь в этих лесах, — парирую я.

— Осторожнее, мальчик, — Конде тянется дрожащей рукой к своему мечу — будто он может убить меня в моем состоянии. Но каким-то чудом, когда я иду, он и остальные следуют за мной.

Мы пробираемся сквозь горящие деревья, огонь гаснет, когда мы приближаемся к дороге. Грубые голоса выкрикивают приказы, за ними следует хор хныканья. Мое сердце колотится в горле, когда я смотрю сквозь ветви. Двое злоумышленников в масках гонят группу окровавленных слуг и придворных по дороге мечами. А там, вторая спереди, Ризенда. Ее юбки обуглены снизу, а белые волосы колыхаются вокруг нее, как туча.

Меня охватывает облегчение, и мои глаза наполняются слезами. Она жива. Но надолго ли? Отчаяние уносит меня вперед, как сильный порыв ветра, и я начинаю пробиваться сквозь кусты.

На мгновение я забываю, что несу своих сестер, ветка бьет по щеке Анны, и она вскрикивает.

Голоса на дороге замолкают. Очередь заключенных останавливается.

— Покажись! — кричит один из злоумышленников в маске.

Девочки напрягаются в моих руках, и Людовик бормочет ругательство.

Ризенда всматривается в деревья, ее лицо становится наглым, я слишком хорошо знаю это выражение. Беспокойство скользит вверх и вниз по моему позвоночнику. Я не даю мышцам шевелиться. Небо темное и в дыму, и мы далеко от дороги.

«Отвернись», — умоляю я. Но ее светлые глаза смотрят на меня сквозь кусты ежевики.

Один из мужчин устремляется к нам.

Ризенда вытирает ладони об фартук и выпрямляется. Искры огня сверкают в ее глазах, и я знаю, что она собирается сделать.

«Нет», — хочу кричать я, но уже поздно. Она поднимает юбки до колен, выходит из строя и бежит в противоположном направлении. Отвлекая от нас внимание.

Злоумышленник разворачивается, чтобы броситься в погоню. Мужчина во главе группы

бросает взгляд на деревья, затем на своих пленников. Не может решиться.

— Идем! — шепчет Людовик и бежит глубже в лес.

Остальные идут следом, но мои ноги как вкопанные. У меня горит горло, будто я кричу, но я не издаю ни звука.

Мужчина обгоняет Ризенду менее чем за десять шагов. Его меч прорезает плоть между ее лопатками, и ее крик поднимает каждый волосок на моем теле. Боль пронзает меня, как землетрясение, когда я смотрю, как она падает на землю. С моих губ срывается хриплое бульканье, когда ее кровь растекается на дороге.

Мари зажимает мне рот ладонью.

— Не делай ее жертву напрасной, — мягко говорит она и тащит меня.

Я хочу свернуться клубочком и плакать. Я хочу лечь в листья и позволить огню поглотить меня. Но по мере того, как крики Ризенды стихают, ее последние слова остаются в моей памяти.

«Будь сильным, Йоссе».

Поэтому я заставляю себя вдохнуть. Заставляю себя поднять сестер выше и бежать. Слезы текут по моим покрытым сажей щекам, онемение опускается на меня — мутное, как угольное небо. К тому времени, когда мы, наконец, останавливаемся, чтобы перевести дыхание, мои кости превратились в желе.

Людовик прислоняется к дереву и что-то бормочет про побег, будто мы — крысы. Его слова медленно проникают сквозь туман горя, зажигают что-то во мне.

— Крысы... — повторяю я.

— Что они?

— Если те мятежники хотят обходиться с нами, как с крысами, мы можем послушаться.

Людовик смотрит на меня, словно я не в себе. Может, так и есть.

Помахав Конде в конце строя, я устремляюсь вперед, к последнему месту, где кто-то мог искать королевичей.

МИРАБЕЛЬ

Наша карета катится от пылающих останков дворца, оставляя след из трупов. Я сижу прямо, как кол, смотрю на потрепанные шторы, хлопающие от ветра. Каждый раз, когда шторка надувается, ледяной ветер наполняет карету, но мое онемевшее тело это не ощущает. Мой язык болит, и я не могу выдать слова. Я зажмуриваюсь, но во тьме появляется Король-Солнце, пена капает с его рта, пальцы терзают воротник. Я вижу зеленое сияние дезинтегратора Лесажа и тела придворных на ухоженных лужайках, их платья и яркие камзолы были в стрелах и алых пятнах.

Что мы наделали?

Я сжимаю край сидения все крепче, предплечья дрожат. Как бы глубоко я ни вдыхала, я не могу перевести дыхание, словно невидимые ладони душат меня. Я знаю, что не стоит спорить, но я точно выгляжу как котел, который вот-вот закипит, раз матушка сжимает мой подбородок крепко и заставляет посмотреть на нее.

— Доверься мне, Мирабель.

Я облизываю губы и сглатываю.

«Как я могу тебе доверять? Ты обманула меня, использовала меня. Мы отравили короля».

Матушка делает голос мягким, как мед, убирает локон с моего лица.

— Это было необходимо. Для общего блага. Мы позаботимся о людях Парижа лучше, чем Король-Солнце. Больше не будет голодных и слабых.

Все внутри меня затихает. Настолько, что я слышу шум крови в ушах. Что значит: *мы* позаботимся о людях?

— Я близко знала нашего бывшего правителя, уверяю, он заслужил эту судьбу, — добавил с придыханием Лесаж. Он прислоняется к стенке кареты, слабый, ведь потратил много магии. Он с трудом держит глаза открытыми. Я хмуро смотрю на жуткий зеленый свет на кончиках его пальцев, страх и ярость пылают в моих венах. Я дала Лесажу ту силу, моя алхимия предоставила шанс. Он был лишь исполнителем, магом, создавал иллюзии, которые пропадали, как дым, пока я не создала тоник, сделавший его магию осязаемой. Пока я не превратила его в волшебника.

Тошнота снова подступает к горлу, и я склоняюсь из окна, моя рвота стекает по карете.

— Мирабель, возьми себя в руки, — рывкает матушка, хотя я замечаю, что ее лицо желтое, как свеча.

Маргарита выпрямляется и смотрит на меня свысока.

— Думаешь, Карл Великий объединил империю без крови? — она звучит так, словно цитирует исторические книги наставнику. Это работает. Выражение лица матушки

становится намного спокойнее. — Лучше, когда небольшое количество погибших может помочь большинству.

— А сколько мы достигнем с королевской казной в наших руках! — добавил Лесаж. Я смотрю на рыжеватого шакала. Конечно, его заботит казна.

Мои пальцы начинает покалывать. Зрение становится серо-черным.

«Дыши, Мира», — король был прожорливым ленивым человеком. Ужасным лидером. Возможно, матушка права. Людям будет лучше без него.

Остаток пути проходит в тишине, хотя это не серьезная тишина поля боя или благоговейное молчание на кладбище. Это грубая тишина. Хриплый гул бьет по моим ушам, кожа зудит. Фернанд и Маргарита все шепчутся, как всегда, и аббат Гибур гладит крест с довольной улыбкой на сухих губах. Даже Ла Трианон выглядит довольно, качает головой и обмахивает румяные щеки.

Мадам де Монтеспан — единственная, кроме меня, кто не присоединяется к тихому празднованию. Я думала, она была в схеме матушки, даже подтолкнула ее, но когда Фернанд и Маргарита надели маски и бросились к дворцу, она упала рядом со мной на землю и завывала изо всех сил.

Теперь она серая и беспокойная, отлетает в стенку кареты на каждом повороте и кочке. Она тербит свои спутанные кудри цвета кукурузы, и ее лазурные глаза глядят сквозь меня. Она повторяет два слова снова и снова:

— Мои девочки, мои девочки.

Матушка и Лесаж не спешат ее утешать. Они поджимают губы и с опаской поглядывают на нее.

Не меня одну сегодня обманули.

Мы проезжаем через Фобур Сен-Жермен и приближаемся к левому берегу, желтые поля сменяются кривыми фахверковыми домами, которые горбятся, как уставшие старики. Знакомый запах застоялой воды и сажи проникает в наши глотки. Маргарита нарушает тишину протяжным вздохом.

— Не нужно было сжигать дворец в Версале, — жалуется она, отодвигая шторку и глядя с тоской на далекий столб дыма, тянущийся к небу. — Он был роскошнее гадкого центра города.

— Потому мы его и сожгли, — матушка задвигает шторку. — Мы не такие, как прошлый король, прячущийся в роскошном дворце, где невозможно увидеть нужды нашего народа. Мы должны жить в сердце города. Мы откроем врата Лувра и примем всех ко двору. Худшее прошло, — говорит она с нажимом.

Я киваю с другими. Заставляю себя верить. Хочу, чтобы ее слова сбылись.

* * *

Несмотря на обещание матери, кошмар продолжается.

Мы изолируем себя в чреве Лувра, в то время как битвы бушуют во дворах. Пушечный огонь сотрясает огромные каменные стены. Я немного успокаиваюсь, зная, что на этот раз мы не нападаем на ничего не подозревающих граждан. Министры и придворные, проживавшие в Лувре, сдались, как только увидели, как повстанцы из Теневого Общества взбираются на стены, а слуги с радостью перешли на нашу сторону, когда матушка предложила удвоить их зарплату. И граждане Парижа возражений не высказали. Напротив. Они приветствовали нас на улицах и сшивали знамена из ткани цвета изумруда, вишни и слив в поддержку матушки, их защитницы.

С нами борется только полиция Парижа. Офицеры не унимаются, как тараканы, и их так же невозможно убить: они более искусны в обращении с мечом, более организованы в своих батальонах и обеспечены запасами оружия, разбросанного по городу. У них есть все преимущества. Кроме магии.

— Мне нужен еще один тоник, — говорит Лесаж, врываясь в мою новую лабораторию. Это холодная подземная камера, бывшая темницей. Ужасающие крючки и цепи все еще свисают со стен, а на полу валяется грязный камыш. Я могла бы выбрать любой из золоченых салонов с бархатными диванами и мраморными каминными полами наверху, но тогда пришлось бы слышать лязг мечей и оглушительные крики. Мои окна выходили бы на резню. Здесь внизу звук приглушен. В стороне. Если я закрою глаза, я могу притвориться, что вернулась в домик в саду — если не буду обращать внимания на вонь.

Лесаж проходит по комнате и опускается на стул. Он всегда был худым и желтоватым, но теперь выглядит как оживший труп. Его туника залита кровью, а под налитыми кровью глазами видны темные синяки. Сомневаюсь, что он спал с атаки на Версаль. Его пальцы дрожат, когда он закатывает рукав и кладет руку на стол. Когда я не беру ланцет, он смотрит на меня.

Я скрещиваю руки и стою на своем.

— Я думала, мы договорились драться естественным путем? Матушка сказала, что захватить Лувр будет просто по сравнению с...

— Для тебя это звучит просто? — он дико указывает наверх. Даже глубоко под дворцом залпы сотрясают стены, сосуды гремят. Затирка сыплется между камнями. Не в первый раз я смотрю на потолок и удивляюсь, насколько он будет тяжелым, когда он проломится и похоронит нас.

Грис нежно подталкивает меня.

— Возможно, Лесаж прав, — он проходит через комнату и предлагает мне фарфоровую чашу и ланцет. — Мы — общество алхимиков и ворожей. Глупо думать, что мы можем сражаться с офицерами в рукопашной.

Я мрачно смотрю на Грису. Пресмыкаться перед мамой — это одно, а перед Лесажем — другое. Я сделала для колдуна более чем достаточно, и я собираюсь напомнить об этом Лесажу, но новый взрыв вызывает стон потолка. Встряхивает шкафы. Я дрожу, и несколько глотков чая, которые я выпила утром, грозятся меня покинуть.

— Ладно, — я беру оборудование, Лесаж сжимает кулак, и я прорезаю синюю вену ниже его локтя. Кровяные ручейки стекают по его руке в фарфоровую чашу. Я должна отвернуться, зная, какое мучение это принесет.

Грис кладет руку мне на плечо.

— Чем раньше мы победим несогласных, тем скорее мы сможем вернуться к производству лекарств.

Я киваю и слабо улыбаюсь ему. Я хочу верить ему, но в незнакомой лаборатории со смертью короля на моей совести сложно поверить, что я способна не только на разрушения, когда я собираюсь варить кровавую магию Лесажа.

Грис готовит котел, пока я толку крапиву, аконит и шандру и добавляю их в котелок. Потом я возвращаюсь к Лесажу, забираю чашу крови. Он кашляет и падает на стол, его лицо серое, волосы промокли от пота. Его слабое дыхание хрипит.

— Ты убьешь себя, если продолжишь так, — говорю я поверх плеча, пока добавляю кровь к смеси.

Лесаж приподнимает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Разве это не должно тебя радовать?

— Меня это обрадует, но не матушку, — я опускаю перед ним оловянную чашку и наполняю ее алым зельем. — Не спеши, колдун.

Смеясь, он осушает зелье, как эль, вытирает запястьем рот.

— Будто я мог, *La Petite Voisin*, — он хлопает меня по макушке, вед знает, что я это терпеть не могу, и хитро улыбается. С этой хищной улыбкой он пришел два года назад в мою лабораторию, стал задавать вопросы о моих способностях, о смерти отца. Я не доверяла ему с самого начала. Он напоминал скользкую пиявку, впившуюся в самую толстую вену. Я сказала это матушке, но она проигнорировала меня, как всегда. И она не сопротивлялась, когда он через неделю стал ухаживать за ней. Она видела только сильного мужчину, который смотрел на нее, как на редкий драгоценный камень, исполнял все ее прихоти, целовал ее ладони и шептал красивые слова. Отец так не делал.

Я смотрю, как Лесаж уходит, такой слабый, что едва поднимается по лестнице без помощи. У него нет сил биться с полицией Парижа. Но утром дворец ужасно тихий. Стены замерли, и крики во дворах пропали.

К счастью, я не видела резню, но Маргарита приходит и описывает все кровавые подробности. Как Лесаж призвал существ из дыма, которые рвали офицеров на куски, пощадил только генерала-лейтенанта, чья голова теперь висела на стене Лувра. Предупреждение любому, кто решит спорить с нашим правлением.

— Видишь? Худшее прошло, — говорит Грис, повторяя слова матушки.

Я хочу ему верить, ведь моя жизнь почти вернулась к норме. Я соглашаюсь прийти на банкет матушки, назначенный на следующий вечер.

Я прохожу по галерее, синее платье шелестит по сияющему паркету, мои волосы разделены по центру и завиты по бокам головы. Мне хочется посмотреть на свое отражение в витражных окнах — вряд ли я узнаю себя в этом наряде, будто придворная — но я не смотрю. Я — алхимик, в первую очередь, и как только мы с Грисом продолжим готовить лекарства, все вернется на места. Даже лучше, ведь мы сможем помогать тысячам людей из-за того, что Теневое Общество управляет городом.

Банкетный зал такой яркий от позолоты, что я щурюсь, проходя в двери. Золотые розы и лозы покрывают стены и лепнину, пересекаются сверху, сияя. Замысловатые люстры бросают бронзовый свет свеч, и гобелены украшают стены. Невозможно длинный стол уставлен желтыми кубками и тарелками, полными слив и семян граната, косули и пряного осетра.

— Разве это не мечта? — Маргарита опускается на стул рядом со мной. — Даже утварь с камнями, — она поднимает вилку с рубином, как скипетр, и использует его, чтобы указать на стул с другой стороны от меня, во главе стола, где будет сидеть мама. Я встаю и пересаживаюсь, не возражая. Я не хочу сидеть близко к матушке и Лесажу.

Банкет начинается, и я нападаю на клубнику со сливками и утиное конфи, надеясь, что богатая еда заполнит рану, гниющую внутри меня. Но все на вкус как пепел, и мой аппетит угасает, когда Фернанд изображает последние мгновения короля вместе вином, стекающим из его рта, будто пена. Звучат тосты и смех, но, к моему удивлению, матушка и Лесаж не участвуют в этом. Они увлечены тихим разговором, лишь порой поглядывают на стол.

Когда приносят десерт — тарталетки с грушей и пудинг с хурмой — становится понятно, почему они были отвлечены. Как только мадам де Монтеспан доедает пудинг, она

дергается на стуле. Ее большие голубые глаза расширяются, капли пота начинают стекать по ее щекам, смывая пудру. Она сотрясается от кашля и сжимает стол так сильно, что мой кубок гремит.

Волоски на моей шее встают дыбом. Если бы я не знала лучше, сказала бы, что она была...

Я отодвигаю тарелку, жалея, что съела так много. Я ожидаю, что и остальные так сделают, но члены Общества не прекращают пир. И не помогают маркизе.

— Вам нездоровится? — спрашивает матушка. Ее голос мягкий от тревоги, но темные глаза прищурены, как у змеи.

Мадам де Монтеспан сгибается, прижимая ладони к животу, и когда она пытается заговорить, кровь падает каплями на ее золотую тарелку. Я кричу, когда она падает в чашу. Яд. Несомненно. Но зачем матушке отравлять союзницу? И где она взяла яд? Я думаю об Акве Тофане, созданном для герцога де Барры, и все внутри меня холодеет. Кто знает, попало ли хоть одно мое творение в нужные руки?

Матушка встает и поднимает кубок.

— За верность, — кричит она. Другие члены Теневого Общества повторяют за ней и выпивают. — Если кто-то еще хочет написать письма королевской армии или герцогу де Вандому, чтобы бывших аристократов собрали против нас, вас постигнет такая судьба, — она указывает на мадам де Монтеспан, а потом многозначительно скользит взглядом от герцога де Люксембурга до герцогини де Бульон, маркиза де Сессака, продолжая вдоль ряда своих самых важных клиентов. Ее лицо искажает отвращение, но я замечаю дрожь ее руки, и как она не может заставить себя смотреть на лицо мадам де Монтеспан. — К счастью, не нужно беспокоиться, — говорит она. — Благодаря магическим чарам, которые Лесаж сплел вокруг города, никто не может войти или выйти без моего согласия. Так что королевская армия даже не знает, что их король мертв. И если герцог де Вандом восстанет против нас в городе, мы подавим его атаку до того, как она доберется до Лувра. Ядом, если необходимо.

Другие одобрительно кричат, стучат кубками по столу, но я отодвигаю стул и вскакиваю. Пол качается, я едва успеваю ухватиться за стол.

— Что-то не так? — спрашивает матушка.

«Да. Ты обещала, что худшее прошло. Ты обещала, что это было ради общего блага, но мы продолжаем отравлять людей».

Я пытаюсь заговорить, но мои мысли гуще переваренного зелья. Я пытаюсь доверять матушке, но она должна видеть, что зашла слишком далеко.

Раздражение вспыхивает в ее глазах. Когда я остаюсь на ногах, она хмуро смотрит на меня, словно хочет свернуть мне шею.

— Позвольте нам минутку, — говорит она столу, озаряя гостей улыбкой. Она хватается за предплечье и уводит в угол. — Что с тобой такое?

— Зачем нам отравлять Вандома и его людей? Нас достаточно много...

— Может, нас и больше, но мы обучены картам таро и чайным листьям. А наши последователи — фермеры и ремесленники, а не солдаты. Ты знаешь, что случилось, когда мы бились с офицерами, а Лесаж все еще слаб для магии. Так что поможешь ты, Мирабель. Если герцог и его люди откажутся сдаться, мы их отравим.

— *Нет*, — слово вылетает раньше, чем я могу его остановить. Не очень громко, но достаточно. Несколько голов поворачивается к нам. Шепот пролетает над столом.

Матушка сжимает мое запястье, ногти оставляют порезы-полумесяцы на моей коже.

— Думаешь, мне это нравится? Думаешь, я не в ужасе? Моя дорогая подруга мертва за столом, — ее голос дрожит, она глубоко вдыхает. — Но, чтобы служить людям, которых мы оберегаем, нужно подавить мятежников и создать правительство, где обычные люди важнее. Будешь делать, как я говорю, сваришь зелье, или я найду тебе другие занятия. Вдали от Гриси и твоей обожаемой лаборатории. Понимаешь?

Я делаю реверанс на дрожащих ногах и бегу к дверям, падаю на колени в коридоре.

Я не понимаю.

И я не буду это делать.

* * *

Всю ночь я размышляю. Хожу по комнате, плачу в подушку и кричу до привкуса крови во рту. К восходу солнца я уже в бреду и не в себе, но у меня есть план. Мать запросила яд, но она не уточнила, какой именно, поэтому я завариваю простой сонный яд, сделанный из спор грибов и медного купороса. Он замедляет работу сердца и вызывает паралич, но эффект безболезненный. Вандом и его люди просто уснут и никогда не проснутся. Это лучшая смерть, которую я могу им дать.

К сожалению, мама предвидит мой план. Как только я приношу яд в ее салон, она дает несколько капель паре голубей, которых держит в позолоченной клетке. Ее губы сжимаются, а пальцы с нарастающей скоростью и волнением стучат по туалетному столику, а птицы беззвучно падают со своих насестов.

— Сделай еще раз, — рявкает она, переворачивая поднос, чтобы оставшиеся пузырьки с ядом разлетелись по полу. — И на этот раз сделай Яд Змеи.

— Но... — Яд Змеи ужасен. Самый жестокий из ядов. Жертвы страдают от жутких приступов дрожи, их спины выгибаются до тех пор, пока не ломаются кости, а затем начинаются галлюцинации и рвота. Мучение длится часами.

Мать прижимает пальцы к вискам.

— Ты знаешь, о чем говорит герцог Вандом? Что дофин и принцессы живы, поскольку мы еще не нашли их тела. Он хочет, чтобы они вернулись на трон.

— Ты сказала, что королевские дети погибли в огне.

— Так и есть, — решительно говорит мама. — Вот почему мы должны показать сообщение. Вся Франция должна знать последствия восстания против Теневого Общества, и засыпание вряд ли внушает страх.

Я закрываю глаза и пытаюсь перевести дух, но ком в горле ощущается как пушечное ядро.

— А как же забота о людях? — говорю я тихим голосом. — Я знаю, что ты никогда не сделаешь ничего, что противоречит их интересам, — быстро добавляю я, когда мама напрягается, — но разве это не кажется чрезмерным?

Матушка берет меня за руку. Ее холодные пальцы обвивают мои костяшки, как змеи.

— Мы будем заботиться о людях. Мы уже заботились бы, если бы не мятежные аристократы. Теперь хватит вести себя как твой отец, исполняй мой приказ. Только так.

«Хватит вести себя как твой отец», — она думает, что замечание заставит меня слушаться. Но в моей голове появляется идея. Может, мне и стоит вести себя как отец.

* * *

Поздно ночью, пока все остальные спят, я бегу в лабораторию, как умная кухонная мышь, и вскрываю каждый ящик, принесенный из домика в саду. Я листаю ветхие бухгалтерские книги и свитки, ищу то, что, клянусь, уничтожила двумя годами ранее.

На дне третьего пыльного ящика я нахожу отцовский гримуар. Красная кожа вспыхивает в свете факелов, и мои руки неуверенно замирают, годы предупреждений матери звенят в моих ушах.

«Он любил алхимию больше, чем нас. Он был безрассудным и одержимым, и, в конце концов, это его убило».

Она не ошибалась. Отец был настолько поглощен своими экспериментами, что мы разорились и умерли бы от голода, если бы матушка не прибегла к чтению по ладони и продаже любовных зелий — начало Теневого Общества. И он погиб в результате взрыва, которого можно было бы избежать, если бы он прислушался к просьбе матери варить только безопасные, знакомые рецепты, которые она требовала для своих клиентов. Но отец варил то, что ему нравилось. Зелья, которые он считал самыми важными. Я до сих пор помню, как мама плакала по ночам после того, как Маргарита и я ложились спать, умоляя его быть осторожнее. Умоляя его прийти на ужин и стать нам отцом. Умоляя его полюбить ее.

Но отец любил только свою алхимию, и, в отличие от мамы, я не возражала, что он относился ко мне больше как к лаборанту, чем к дочери. Я была рада получить хотя бы долю его внимания. И я полюбила алхимию почти так же сильно, как и он.

Я осторожно провожу пальцем по корешку гримуара отца. Что, если его убеждения не были такими абсурдными, как утверждала мать? Возможно, он что-то понял — полагаясь на свои инстинкты, а не на ее приказы.

«Однажды ты станешь великим алхимиком, — говорил он мне. — Даже лучше меня».

Я вытаскиваю гримуар и прижимаю к груди, вдыхая сладкий аромат шалфея, исходящий от бумаги — тот же запах, который всегда был у камзола отца.

— Что бы ты сделал? — шепчу я, но уже знаю ответ.

«Эксперимент. Новшества».

Я тут же думаю о Яде Змеи, и я провожу три часа за записями отца, решив создать зелье, которое уберет ужасные эффекты яда. Но зелье очень темпераментное. Если мешать слишком много раз, ингредиенты разделятся. И оно выкипит, если жара будет хоть немного. После пяти неудачных попыток рассвет уже близится за шторами, и я хочу увидеть результат работы. Я закрываю гримуар отца и начинаю придумывать то, что перекроет мой рецепт — тот, о создании которого я жалела: дезинтегратор Лесажа.

Исписав четыре страницы и дважды проверив цифры, я добавляю в котелок две доли амбры и одну — барвинка. Лепестки становятся гадкой пахнущей пастой, и я продолжаю помешивать, пока на поверхности не начинают лопаться пузырьки. Когда паста стала темно-серой, я переливаю ее в большой пузырек и подношу к свету, смотрю, как жидкость пенится. Когда Лесаж в следующий раз атакует огнем, я попытаюсь обратить эффект.

Улыбаясь, я бегу по комнате, чтобы спрятать пузырек, но дверь распаивается.

«Мерде».

Мое сердце замирает, и ноги следом. Я быстро убираю пузырек в карман фартука, а потом поворачиваюсь и обмахиваю лицо, чтобы отвлечь внимание от бугорка в кармане.

— Подожди дверь. Тут жарко, как в аду, — драматично говорю я.

Грис кивает, проходит в дверь. Я так рада видеть его вместо сестры, Фернанда или Лесажа, что громко смеюсь.

— Хорошо, что ты здесь. Уже хочется начать.

Он почесывает спутанные ото сна волосы и разглядывает бардак на столе.

— Похоже, ты уже в процессе. С каких пор ты встаешь до рассвета?

— Я не могла уснуть, так что решила начать.

Он хмурится из-за бардака на столе, касается лепестков барвинка и нюхает ступку, где я растолкла амбру.

— Начала делать что? Не Яд Змеи. И что это? — он тянется к красной книжке отца, но я убираю ее со стола и запихиваю в корсет.

— Ничего.

— Мира? — Грис щурится.

Я бросаюсь к столу, хватаю стебелек колокольчиков из сосуда и подношу лиловые цветки к его носу.

— Ты помнишь, как мой отец учил нас использовать колокольчики?

Подозрение и боль мелькают на его лице, и он отодвигает стебелек.

— Я знаю, мятеж длился дольше, чем ожидалось, но не говори, что ты сочувствуешь Вандому и его аристократам. Что ты не помогаешь им тайно.

— Как бы я помогла им? От Яда Змеи нет противоядия.

Он смотрит на мой корсет, на гримуар в нем.

— Они заслуживают этого. Ты знаешь, что они сделали со мной.

Я опускаю взгляд на стол и играю с кусочком бечевки. Я никогда не забуду день, когда матушка привела Грису домой — он был на два года старше меня, но такой худой и напуганный, что выглядел младше моих шести лет. Было видно каждое ребро под его тонкой грязной кожей, а на руках и ногах были синяки. Он не разговаривал ни с кем из нас несколько месяцев, но мама рассказала мне, что случилось. Его хозяин, шевалье де Лотарингия, избил его и бросил умирать после того, как его отец, лакей, был повешен за кражу золотой пуговицы с жилета. Пуговицу позже нашли в спальне кавалера.

Мать была спасительницей Грису. Теневое Общество стало его новой семьей.

Грис злобно натягивает фартук через голову и бормочет о безжалостных, хладнокровных придворных, завязывая шнурки.

— Я им не помогаю. Клянусь, — говорю я, радуясь, что могу сказать правду. Но чувство вины шевелится в моей груди, как червяк в гнилом яблоке, потому что часть меня хочет им помочь. Несмотря на то, что дворяне плохо обошлись с Грисом, несмотря на то, что они смотрят на нас свысока, мне было жаль всех, кто встретит свой конец из-за Яда Змеи.

Грис изучает мое лицо и после долгого мучительного молчания обхватывает мои щеки ладонями размером с чайник и целует меня в лоб.

— Если ты говоришь, что не помогаешь им, я тебе верю. Но мне интересно, что ты делаешь...

— Просто экспериментирую, — отвечаю я, занимая руки травами.

Он смотрит на меня большими глазами, будто говорит: «Мне можно доверять. Разве я не заслужил это?». Он тысячу раз это заслужил. Когда Маргарита была занята, продираясь сквозь ряды Общества и собирая милость матушки, Грис решил учиться у отца вместе со мной, утверждая, что разделяет мою любовь к алхимии. Я подозреваю, что он хотел защитить меня от изменчивого настроения отца. Когда мы стали старше, он научил меня играть в карты и позволил мне присоединиться к нему и другим мальчикам. И он смеялся и разговаривал со мной до поздней ночи, как это делала моя сестра до того, как бросила меня в пользу Фернанда.

Я никого так не любила, никому не доверяла так, как Грису. Потому я молчу.

Только так я могу защитить его, если меня раскроют.

Только так можно защититься от его ненависти.

— Порой ты так похожа на своего отца, — ворчит он, его нож режет травы.

«О, Грис. Ты даже не представляешь».

* * *

В течение следующих трех дней матушка отправляет делегации на переговоры с герцогом Вандомом, но он и его орда разгневанных дворян отказываются присягать на верность Теневому Обществу. Они продолжают свой марш, превращая Марсово поле в армейский лагерь, поэтому матушка посылает Фернанда, Маргариту и несколько членов Общества отравить их лошадей и еду.

— Это было ужасно, — шепчет Маргарита, когда они возвращаются позже той же ночью. Мы не спим в одной комнате уже несколько лет — по ее настоянию, — но она прячется под одеялом и устраивается рядом со мной. Я застываю, раздраженная ее слезами, смачивающими мой халат, и ее руками, дрожащими, как листья, под одеялом.

— Плачь в плечо Фернанда, — протестую я.

— Пожалуйста. Я не могу позволить ему видеть меня такой. Или матушке. Мне больше некуда идти.

«Я рада, что мы можем быть сестрами, когда тебе это удобно», — хочу сказать я и столкнуть ее на холодный пол. Но мне любопытно узнать, что случилось, поэтому я позволяю ей взять меня за руки. Она в ответ сжимает мои ладони с благодарностью, и я невольно возвращаюсь в наше детство. По ночам мы так обнимали друг друга, тихо пели, чтобы заглушить ссоры наших родителей.

— Их было так много, — сдавленным голосом говорит Маргарита. — Извивались, как слизи на земле — с пеной, кровью и визгом. Я знаю, что они заслуживали смерти — они собирались напасть на нас, но я все время думаю о женах и детях, к которым они никогда не вернуться.

Я смотрю на нее в темноте. Мое сердце бьется о грудную клетку, и я крепче сжимаю ее липкие руки. Я и представить себе не могла, что моя сестра может испытывать такое же чувство вины.

— Марго, ты думаешь, что мы поступаем неправильно?

Она напрягается, а когда говорит, ее голос осторожный и холодный:

— Конечно, нет. Матушка не стала бы вести нас не туда. На резню сложно смотреть, но это не означает, что это было неправильно. Этим людям нужно было умереть для общего блага людей. Теперь, когда мы в безопасности, все будет хорошо. Мать планирует открыть ворота дворца и пригласить всех ко двору. И будет победное шествие, — она растягивает губы в улыбке. Хрупкой и стальной. Ужасно похожей на мамину.

Я выдыхаю и смотрю на кружевные занавески кровати, гадая, как она может лгать самой себе. И кому я должна верить. И как я могу маршировать в процессии матушки, если я не ощущаю победы.

Я всегда представлял ад горячим — озеро огня и серы. Но адом было оказаться в холодных влажных туннелях, когда я не могу остановить злоеущие зеленые точки, появляющиеся под кожей моих сестер. Я слышу, как они кричат мое имя, но не могу ослабить их страдания. Я ощущаю, как их руки и ноги увядают под их платьями, становятся все меньше, и их можно переломить как пруттики.

Каждый миг ощущается как кошмар, а когда я умудряюсь задремать, я вижу настоящие кошмары. Порой я несу девочек по пылающему бесконечному лесу, но обнаруживаю, что они все время были мёртвыми, трупы в платьях. Иногда я стою на краю дороги и смотрю, как меч снова и снова вонзается в спину Ризенды. Но всегда, вне зависимости от сна, голос отца насмехается надо мной, шипя и вспыхивая, как потрескивающее пламя: «Ты желал этого. Моя смерть на твоей совести, как будет и смерть твоих сестер».

Я просыпаюсь в поту, дрожу и иногда даже рыдаю. Да, я хотел перемен, признания, но не так. Все неправильно. Наконец-то я с сестрами, но смотрю, как они умирают. У меня и моих сестер одинаковый статус.

Дьявол, должно быть, веселится.

— Когда мы можем пойти домой? — спрашивает Анна каждое утро последние две недели. Только сегодня она так яростно кашляет между словами, что на губах появляются капли крови. Нахмурившись, я предлагаю ей плоток воды, которую мы собрали в тифле, и плотнее укутываю ее в свой жилет, желая в миллионный раз, чтобы у нас была нормальная кровать и одеяла. Рванный мешок в углу комнаты, где с потолка меньше всего капает, — лучшее, что мы можем найти.

Вся комната меньше двадцати шагов в ширину и ниже моего роста. Пол неровный, и внезапные порывы вонючего ветра грозят задушить нас, хуже из-за разлагающегося тела Конде. Рана на его боку не переставала кровоточить, и он умер вскоре после того, как мы достигли туннелей в ту первую ночь. Я оттащил его как можно дальше, но этого не хватило.

Я убираю волосы Анны с ее липких щек и поправляю ее платье, чтобы скрыть жутко-зеленые синяки на ее плечах.

— Мы скоро пойдем домой, милая, — вру я. — Закрывай глаза и отдыхай.

Мари вытирает лоб Франсуазы кусочком сатина, который она оторвала от своего платья, но ее лихорадка такая сильная, что мокрая ткань высыхает на ее коже.

— Что нам делать, Йоссе? — шепчет Мари.

«Не знаю», — я хочу плакать. Я не знаю, как быть опорой, сильным. Никто меня никогда не замечал, никто не полагался на меня. Призрак деревянной ложки Ризенды бьет меня по костяшкам. Ее хриплый голос близко, словно она сидит в луже со мной.

«Хватит скулить и рыдать. Ты знаешь, что делать. Я тебя учила».

— Оторви больше компрессов, — я указываю на платье Мари. — Остуди их на камнях и меняй каждые пару минут, — это вряд ли поможет. Ничто не поможет. Но попробовать стоит. За две недели девочки из круглощеких ангелочков стали худыми оболочками. Я боюсь представить, что с ними будет, если мы продержим их тут еще две недели.

Сточные трубы не были решением проблемы, но почти невозможно найти другое убежище, когда тебя считают мертвым — и нельзя попадаться на глаза, если не хочешь стать мертвым.

Но я не сдался.

Как только девочки засыпают, скуля, я надеваю треуголку, которую украл с прилавка на рынке, и крадусь по комнате. Людовик хмурится, когда я прохожу. Он не давал мне покоя в первые несколько дней, спорил, что должен был пойти со мной наверх. Но я посмотрел на его роскошную одежду, узнаваемые волосы и лицо с длинным прямым носом. Он выругался и остался в убежище.

Впервые то, что я — бастард без имени, оказалось выгодным для меня.

Слишком опасно выходить из решетки, в которую мы вошли — посреди шумной улицы Монмартр — и ночь за ночью я скал в вонючих туннелях, пока не нашел люк, ведущий в кондитерскую мадам Бисет. Она — хитрая женщина, согласилась не выдавать нас налетчикам в масках в обмен на пару жемчужин и сапфиров, которые я с радостью оторвал от камзола Людовика.

Прошлую неделю я ходил по рынку Лез Аль, воровал морковь, помидоры и капусту, слушал разговоры, так и узнал, что нападение на дворец было устроено ворожеей Ла Вуазен и ее Теневым Обществом. Ведьма изображала гадалку, ей помогали алхимики и магии, как Лесаж. Они захватили Лувр и убивают придворных и офицеров полиции, чтобы удержать хватку на Париже.

Я не знаю, как их остановить, но, к счастью, это не мой долг. Людовик может разбираться, как вернуть трон. Мне нужно было доставить Анну и Франсуазу в безопасность и к лекарю.

Кончики пальцев скользят по стенам туннеля, я бегу по проходам. Два раза направо, четыре налево, снова направо. Тьма такая густая, ощутимая — плотная и царапающая, как шерстяное одеяло, пропитанное крысиной мочой. Я задерживаю дыхание, пока не достигаю железных ступенек под кондитерской, где запах выпеченного хлеба немного борется со зловонием. После четырехкратного постукивания по люку над головой я подпрыгиваю от нетерпения, ожидая появления румяного лица мадам Бисет. У нее три подбородка и запах дрожжей, но, открывая люк каждую ночь, она выглядит красивее небесных ангелов, ее рыхлые щеки сияют в лунном свете.

— Йоссе, мой мальчик, заходи, — она кудахчет вокруг люка, как наседка, пока я залезаю в кондитерскую. — Давай взглянем на тебя, — она отряхивает мою тунику и бриджи. Пустая трата времени. Мне не на кого произвести впечатление, и никто не бросает на меня мимолетного взгляда. Я выгляжу как простой уличный мальчишка.

Я обхожу ее, направляюсь к двери, но она ловит меня за тунику и тянет назад, чтобы вытереть пятно на моей щеке. Я стискиваю зубы и считаю секунды, пока она не успокоится.

Для девочек. Думай о девочках.

Мадам Бисет облизывает пальцы и зачесывает темную прядь моих волос.

— Ну вот, так лучше, — она поправляет мой воротник. — Если бы ты не был незаконнорожденным. Такое красивое лицо, и все зря.

— Да, как жаль, — соглашаюсь я и тянусь к дверной ручке.

Мадам Бисет влезает большим телом между мной и моей целью.

— Принести тебе что-нибудь поесть? Прежде чем ты уйдешь?

Я не могу воровать достаточно овощей на рынке, чтобы мы не голодали, так что мадам Бисет продавала мне выпечку, которую приготовила утром, за камешек. И мы договорились, что, когда мы вернем трон, свергнув Теневое Общество, она станет королевским пекарем.

Я хватаю кусок ржаного хлеба со стола, сую его в рот и бросаю ей жемчужину, направляясь к двери.

— А другие? — она ковыляет за мной. — Они же тоже голодны?

— Я куплю больше, когда вернусь. Удивлю Людовика за завтраком, — я стараюсь чарующе улыбнуться, словно на самом деле хочу свежим хлебом порадовать брата, но его имя работает, как заклинание, и я использую его как можно чаще.

— О, — восклицает она, обмахиваясь от упоминания о нем. — Как его Королевское Высочество?

«Сидит в канализации. Как он, по-вашему?» — я улыбаюсь и хлопаю ее по плечу.

— Бывало и лучше, но он не отчаивается. Вашими стараниями, — я подмигиваю ей и приподнимаю шляпу. — Было приятно, как всегда, мадам Бисет.

— Осторожнее там, Йоссе. Не стоит долго ходить. Они взялись за улицы, готовятся к процессии завтра.

Я выхожу за дверь.

— Спасибо за предупреждение.

Несмотря на поздний час и проливной дождь, улица Сент-Оноре кишит, как будто сейчас полдень. Куда ни повернешь, везде черные маски и бархатные накидки. Злодеи из Теневого Общества толпятся в тавернах и выходят на улицы, а простой народ массово уходит. Я ожидал от них хоть немного сопротивления или страха — в конце концов, Теневое Общество убивает придворных и полицейских. Но они, кажется, счастливы видеть, как один из них так высоко поднялся. Ла Вуазен — что-то вроде героя. По-видимому, вряд ли найдется в Париже мужчина или женщина, которые не советовались бы с ней по поводу лекарства или настойки, как из высших, так и из низших слоев общества. И все они выстраиваются в очередь, чтобы обеспечить лучший вид на победное шествие, которое завтра пройдет по улицам.

Все взоры на Теневое Общество, это идеальное время, чтобы сбежать с моими сестрами. Но для этого мне понадобится помощь.

Я прохожу через Гревскую площадь, мимо позорного столба и старых доков, где неряшливые дети пытаются залезть в мои карманы. Песчаный грунт настолько затоплен, что мои пальцы ног почти замерзли в ботинках. Дождь не прекращается уже несколько недель. «Как будто Бог оплакивает короля», — любит повторять Людовик.

Думаю, он единственный оплакивает короля. Но ладони у меня липкие, во рту сухо, и я знаю, что не совсем честен с самим собой. Я тоже оплакиваю его. Не так, как ребенок горюет о родителях. Но больше, чем ожидалось. И мне это не нравится. Я говорю себе, что это всего лишь остаточное чувство вины от чтения брошюр, от его голоса в моих снах. Или,

может быть, крошечная часть меня обижается на него за то, что он не научил меня лучше брать на себя ответственность.

Но я не скучаю по нему. Он не хотел быть моим отцом, поэтому не имеет права на мою боль. Ризенда — это голос в моей голове. Она мой настоящий родитель. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу ее на дороге. Ее взгляд, полный решимости и любви. Ее последний подарок. Отец никогда бы не пожертвовал собой ради меня, и огромная благодарность к Ризенде и вина отправляют короля на его законное место в моем сердце. Я топчу его память ботинками.

Добравшись до «Méchant Meriée», я опускаю шляпу низко и плечом толкаю дверь. Пахнет кислым элем, сырой шерстью и потом. За игровыми столами полно измученных рабочих и неопрятных воров. Пара матросов вскакивают, спорят, и когда один из них переворачивает стол, мне приходится прижаться к стене, чтобы избежать летающих кружек. Я люблю буйную карточную игру так же сильно, как и любой низкорожденный, но это игорное логово слишком зловещее, даже на мой вкус.

Но именно сюда пришел бы мой лучший друг Люк Дегре — если он был жив. В наши дни быть офицером парижской полиции опасно.

Но у меня есть основания надеяться.

Последние два дня торговцы канцелярскими товарами в Лез Аль ворчали с черноволосом разбойнике, который чистит карманы всех за столиками — и хвастается этим, — как-то так мы с Дегре вели себя прошлые три года. Каждую ночь, когда я заканчивал на кухне, мы обходили игорные заведения, собирая серебряные ливры, которые неизбежно сопровождалось синяками под глазами и разбитыми губами — благодаря большому рту Дегре.

Я разглядываю каждый стол, не зная, что именно ищу. На нем не будет офицерского мундира с золотыми погонами, это ясно.

Огромный бородатый мужчина с перевязью, инкрустированной рубинами, стучает меня по плечу. Другой врывается в меня сзади. Я собираюсь отказаться от своего плана и вернуться в канализацию, когда слышу знакомый смех из-за столика в дальнем углу.

Я поворачиваюсь и протискиваюсь сквозь толпу, молясь. Я знаю, что лучше не называть его имя, поэтому складываю ладони вокруг рта и издаю улюлюканье, которым мы в детстве подавали сигнал, что в залах дворца нет стражи.

Мужчина за столом напрягается и поворачивается, и я почти всхлипываю от радости из-за его знакомого лица. Дегре в потрепанной серой тунике и широком жилете, его черные волосы свисают жирными прядями на глаза, шляпа с пером сменилась темным бесформенным капюшоном.

— Ужасно выглядишь, — говорю я вместо приветствия. Я хочу подколоть его, но мой голос сдавлен эмоциями и звучит слабо.

Он бросает карты, вскакивает и обнимает меня.

— Ты жив. Я не позволял себе надеяться.

— Ты жив. Как?

— Из-за умений менять облик, — он улыбается и тянет за гадкий жилет. Другие мужчины за столом кричат и указывают на карты, но Дегре бросает свои, обвивает рукой мои плечи и тянет меня к двери. — Думаю, нам лучше перенести встречу в другое место.

Мы выходим под дождь и ветер, поворачиваем пару раз за угол и находим тихий прилавок с нависающей крышей. Он отпускает меня и морщит нос.

— Ты ужасно пахнешь. Ты валялся в навозной куче?

— Близко, — говорю я. — Как ты пережил бой с монстрами Лесажа? Я слышал, это было ужасно. Даже генерал-лейтенант не выжил. Его голова теперь висит на стене дворца.

Дегре передергивает.

— Знаю, и я погиб бы с ним, но я был офицером низшего ранга, и Ле Рейни послал меня за амуницией из резервного хранилища за портом Сент-Антуан. Когда я вернулся, бой был окончен. Я увидел тела товарищей во дворе, сбросил свой плащ и побежал в другую сторону, — он утихает на миг. — Это делает меня трусом?

— Нет. Это делает тебя умным. Что толку бежать на помощь мертвым?

Дегре пожимает плечами, но его губы поджаты, и он отказывается отрывая взгляд от обуви.

— Они были моими братьями по оружию, — тихо говорит он. — Мы дали клятву защищать город — и друг друга — а я бросил их, разгромленных и окровавленных, на брусчатке. Я знаю, что не мог ничего сделать, но я все еще чувствую, что подвел их...

Я толкаю его в плечо.

— Восстанови себя, помогая мне доставить девочек в безопасность.

Он тут же оживляется.

— Девочки тоже живы? Но дворец сгорел дотла. Теневое Общество заявило, что весь королевский род был уничтожен.

— Нас почти уничтожили, но я вывел нас через туннель строителей, который мы нашли под лестницей — я, Анна и Франсуаза. Как и мои королевские брат и сестра.

Глаза Дегре становятся круглыми, как луны, он тихо присвистывает.

— Это интересно. Где они теперь?

— Иди за мной, — говорю я, рассказываю ему о состоянии Анны и Франсуазы и своем плане побега из города, пока я веду его к мадам Бисет.

— Умно, — говорит он. — Но я думаю, что мы сможем поступить лучше. У меня еще есть ключи от оружейной. Давай подвинем пушку в одно из зданий вдоль пути шествия — может, в церковь у дома Вуазен, Нотр-Дам-де-Бонн-Нувель — и выстрелим из нее, когда отравители будут проходить мимо. Если повезет, выстрел убьет Ла Вуазен и Лесажа. В хаосе им придется созвать подкрепление, блокирующее дороги, и мы легко уедем из Парижа.

Я смотрю на Дегре.

— Это гениально.

— Знаю, — он оживляется, пока мы входим в кондитерскую.

Мадам Бисет отрывает взгляд от стола и визжит, увидев кого-то еще за мной. Она поднимает нож, и я вскидываю руки.

— Все хорошо, — говорю я. — Это Де...

— Капитан Дегре, — Дегре спешит вперед и целует ее запястье, словно придворный. — Из полиции Парижа. К вашим услугам, мадам.

Она воркует высоким голосом и подносит другую ладонь к груди. Я закатываю глаза и открываю люк. Когда мы встретились в первую ночь, мадам Бисет бросила в мою голову четыре тарелки и чуть не отдала мне пальцы люком. А потом я три ночи уговаривал ее и подкупал, чтобы она не выдала нас. Но один взгляд серых глаз Дегре и чарующая улыбка, хоть он и выглядит потрепано, как я, и она помогает ему. Она даже дает ему бесплатно багет, после чего жадно забирает у меня две жемчужины в обмен на печально выглядящую буханку, которой едва хватит моей родне.

— Она очаровательна, — говорит Дегре, спускаясь с плесневелой лестницы в жижу. Он откусывает большой кусок хлеба и поворачивается к туннелю. — Это место... нет.

— Капитан Дегре? — я отламываю у него кусочек хлеба и запихиваю его в рот. — Серьёзно? Ты недавно в полиции Парижа, всего год.

— Да, но я — единственный член отряда, так что я — капитан.

Я фыркаю и направляюсь в удушающую тьму.

— Не отставай, капитан.

— Дразни, сколько хочешь, но кого дофин послушает: офицера Дегре или капитана Дегре? Я буду говорить.

Когда мы входим в комнату, Анна и Франсуаза приподнимаются на локтях и улыбаются Дегре. До того, как он вступил в полицию, он постоянно участвовал в наших выходках, устраивал бардак во дворце со мной и девочками, а не помогал отцу с уроками Людовика.

— Это убежище! — кричит Людовик. — Нельзя водить сюда своих друзей-подстрекателей...

— Простите за вмешательство, Ваше королевское высочество, — Дегре изображает идеальный поклон. — Капитан Дегре из полиции Парижа.

— Капитан? Как ты так быстро поднялся в ранге?

— Из-за исключительных умений, конечно. И я хочу помочь вам. Я пришел увести вас из этой адской дыры в безопасность.

Людовик скользи по нему взглядом, хмурясь.

— Я не могу носить форму, это понятно, но я служил у генерала-лейтенанта, — Дегре начинает сыпать именами и титулами, и Людовик кивает.

— Хорошо, продолжай.

— Мы придумали план, как увести вас и ваших сестер из Парижа, но потребуются ваша помощь.

Людовик скрещивает руки.

— Что значит: мы придумали план? Ты же не про него? — он кивает на меня.

Дегре бросает на меня предупреждающий взгляд и поворачивается к Людовику.

— Ситуация сложная. Нам нужен любой способный человек на нашей стороне.

Людовик хмыкает, словно говорит: «Вот именно».

Я всплескиваю руками.

— Я спас твою жизнь! Если бы не я, ты сторел бы вместе с дворцом. Это ты ничего не умеешь. Я начинаю видеть, почему отец так крепко держал тебя за руку.

— Молчать! — Людовик ударяет кулаком по каменной стене, тут же вскрикивает и прижимает руку к себе. Очевидно, что он никогда никого не бил, и я не могу удержаться от смеха. Дегре выглядит так, будто хочет меня задушить. Мари изумленно раскрывает рот, словно я чудовище. Обычно я не такой нахальный, но Людовик должен знать, что меня не запугать.

Дегре хватает меня за плечо и убирает за себя, затем пресмыкается, пока Людовик, наконец, не успокаивается и прислушивается к нашему плану.

— Мы, очевидно, не хотим, чтобы вы были где-то рядом с взрывом — мы не можем рисковать, что вы получите травму или вас заметят, — поэтому вы возьмете тележку, которую я спрячу для вас возле кондитерской. Уложите девочек сзади под одеялами, а затем встретитесь со мной и Йоссе на пересечении улиц Ришелье и Сент-Оноре.

Все молчат, пока Людовик переваривает план.

— Мне это не нравится, — говорит он, наконец. — Если я уеду из города, я могу полностью его потерять.

«Осмотри! Он уже потерян!» — хочу кричать я, но Дегре бросает на меня мрачный взгляд краем глаза.

— Это лучший вариант, ваше высочество, — говорит Дегре. — Если прятаться в канализации, толку не будет. Вы должны выбраться из города и поднять своих союзников в Анжу, Бретани и Савойе. К тому же ваши сестры не могут долго ждать, — он смотрит на Франсуазу и Анну, ворочающихся в углу.

Наступает тишина, и я готовлюсь к тому, что Людовик скажет что-нибудь ужасное, например: «Мы не можем ставить маленьких девочек выше благополучия нации». В конце концов, они бастарды. Еще и девочки. Но он скрипит зубами и бормочет:

— Хорошо. Но если это плохо кончится, ты виноват, — он указывает пальцем на меня. — Отец, упокой его душу, никогда бы не поддержал такой нелепый и опасный план.

Слова Людовика льются мне под кожу, и я должен заставить его замолчать, пока не вина проступила, пока насмешливый голос отца не сокрушил меня сомнением. Мне все равно, что он подумает. Я отказываюсь переживать. Я собираюсь спасти своих сестер и доказать, что они все неправы.

— Осторожность убила нашего отца, — кричу я. — Он проигнорировал большинство своих людей, и они убили его. Прости, но я не хочу пойти по его стопам.

Я разворачиваюсь, сжимаю кулаком жилет Дегре и тащу его по комнате. Мне нужно уйти от этих вонючих туннелей и хмурого взгляда Людовика.

— Я думал, мы договорились, что я буду говорить, — говорит Дегре, когда мы уходим за пределы слышимости.

— Ты был слишком занят, целуя ноги Людовика, чтобы сказать то, что нужно было.

— Вы оба невозможны. Тебе так тяжело проявить к нему немного уважения?

— Да, — говорю я, взбираясь по железным ступеням и вырываясь через люк в кондитерскую.

Дегре закатывает глаза и надевает капюшон, и мы проникаем в шумную толпу на улице Сент-Оноре.

Матушка попросила лекарства. Сотни лекарств, чтобы раздать толпе во время торжественного шествия: Кадмия от язв, Арканум Кораллиnum от подагры и водянки, Кирпичное масло от паралича и опухолей, а также десятки мазей и сиропов от головных болей, лихорадки и кашля. Столько настоек, сколько мы с Грисом можем приготовить за неделю.

Я с сомнением смотрю на записку, которую гонец мамы принес в лабораторию.

— Вот видишь, — Грис стоит рядом со мной и читает поверх моего плеча. — Это именно то, что обещала Ла Вуазен. Мы заставили несогласных замолчать и можем возобновить истинное дело Теневого Общества.

Я складываю записку в карман фартука и пытаюсь улыбнуться с надеждой, но голоса мертвых все еще зовут меня из пыли. Осуждают меня.

Грис смотрит на меня, хмурясь.

— Я что-то пропустил? Разве это не хорошо?

— Да. Конечно.

— Так почему ты выглядишь так, будто тебя вот-вот стошнит?

Я отвлекаюсь на кучку семян фенхеля на столе.

— Я рада, что мы возвращаемся к исцелению, но все лекарства мира никогда не вернут мертвых.

Грис кладет руки мне на плечи.

— Иногда наследование уродливо. Но мы можем быть спокойны, зная, что погибшие заслужили свою судьбу, — я начинаю возражать, но он перебивает меня. — Мы пытались быть мягче, но дворяне продолжали подниматься, драться и вынуждать твою мать. Она никогда бы не выбрала яд или магию Лесажа. Она загнана в угол и сделала то, что было лучше для большинства.

Я неохотно киваю.

— Полагаю, ты прав.

— Этот приказ — доказательство. Мы должны ей доверять, Мира. Она не сделала ничего, чтобы заставить нас усомниться.

Я не могу с этим спорить. После убийства Вандома восстаний больше не было. Мама не заказывала дополнительный яд. Даже Лесаж странным образом отсутствовал в моей лаборатории — только попросил еще дозу кровавого зелья.

В моей груди загорается теплый огонек надежды.

— Ладно, — я подвязываю волосы и искренне улыбаюсь Грису. — Приступим к работе.

* * *

Мы с Грисом погружаемся в дистилляцию лекарств, просыпаясь с солнцем и работая при свечах до глубокой ночи. Целебные ароматы базилика, корицы и лаванды постепенно подавляют едкие остатки Яда Змеи и ржавый привкус кровавого зелья Лесажа. Мы собираем подносы с целебными веществами, пока они не заполняют все столы и шкафы. Даже ящики, коробки и пол завалены разноцветными свертками и склянками. Это невероятно красиво — доказательство того, что все было налажено, — но струйка беспокойства в моих венах не иссякает.

Сон продолжает ускользать от меня. У меня дрожат руки, пока я сжимаю пестик. И

меня преследуют образы иссохших, истекающих кровью тел.

Единственный раз, когда мой разум по-настоящему спокоен, — это когда я одна в лаборатории, пытаюсь создать свое предательство. Я знаю, что мне нужно остановиться. Это опасно и, прежде всего, бесполезно сейчас, когда мы вернулись к лекарствам. Но необходимость экспериментировать остается, как зуд. Ужасное подергивание, от которого выступает пот. Маленький красный гримуар отца кажется живым, дышащим существом, спрятанным в моем лифе. Он зовет меня, как песня сирены, обвивая своими злобными щупальцами мои ноги и уводя их обратно в лабораторию.

Глубокой ночью, когда даже Грис лег спать, а в комнатах обитают только призраки, я на носочках спускаюсь по винтовой лестнице, запираю дверь лаборатории и прохожу в свой секретный мир алхимии. Под воображаемым руководством отца я модифицирую лекарство от дезинтегратора, пока не буду уверена, что все правильно. Затем я убираю мешочек, наполненный ингредиентами, под нижнее белье, чтобы быть готовой в любой момент. Созданное зелье работает всего час или два, и я хочу быть готовой проверить его эффективность, если Лесаж без предупреждения пустит на волю свою магию. Хотя я могу доверять маме, я никогда не буду доверять ему.

Утром шестивия я поднимаюсь по лестнице в покои матери, чувствуя себя спокойной и полной надежд, почти полностью похожей на себя прежнюю. Я очень хочу покинуть дворец и раздать лекарства, пообщаться с людьми и прогнать остатки моей вины. Я даже улыбаюсь Маргарите и Фернанду, когда они шагают вместе со мной по площадке второго этажа — тут я перегибаю.

— Тебе стоило привести себя в порядок по такому случаю, — Фернанд убирает с моих волос солому. — Ты уже спишь в своей лаборатории? Или, может, совсем не спишь? — добавляет он, потянув за уголки своих глаз. — Ты выглядишь ужасно.

— Все еще лучше, чем ты, — парирую я. Для меня загадка, что моя сестра видит в нем. Тонкие черные волосы Фернанда даже длиннее, чем обычно, а бархатная маска, которую он никогда не снимает, липнет к его щекам, как вторая кожа. Не знаю, ненавижу ли я его за то, что он подлый, интригующий наемник, или потому, что Маргарита шепталась со мной, прежде чем он появился и увеличил разрыв между нами.

Маргарита поворачивается и ударяет Фернанда по голове.

— Никто тебя не спрашивал.

Похоже, только ей разрешено меня изводить. Если честно, это меня устраивает. С той ночи, проведенной в моей постели, мы стали на удивление любезными. Маргарита припасла меня последнее пирожное после ужина двумя ночами позже, и когда она с Фернандом и его товарищами выпила всю бочку эля и до рассвета пела застольные песни, я не жаловалась. Мы с Маргаритой даже сидели у камина в моей комнате и вместе работали в прошлый четверг.

— Ты все еще боишься? — спросила она приглушенным голосом, хотя мы были в комнате одни.

Что-то в том, как ее темные глаза горели, как угли в очаге, заставило меня кивнуть.

— Полагаю, немного. Но не так сильно, как раньше. А ты?

Она пожала плечами, что было большим подтверждением, чем я ожидала. После долгой паузы она прошептала едва слышно:

— Иногда я не могу заснуть. Их крики до сих пор не дают мне покоя, — она пригляделась к вышивке, выглядела такой маленькой и робкой, не похожей на мою старшую

сестру, что мне захотелось сказать что-нибудь, чтобы утешить ее. Что-то искреннее, чтобы ответить на ее честность.

— Я думаю, что всех нас преследуют привидения. Иногда мне кажется, что я слышу отца. Я с ним разговариваю.

Руки Маргариты замерли, а брови приподнялись.

— Что ты говоришь?

— Я спрашиваю, что он думает обо всем этом.

Маргарита никогда не была близка с отцом. Она жаждала сказок на ночь, поцелуев и катания на его плечах, но к алхимии у нее не было пристрастия.

— Он отвечает?

— По-своему, — сказала я, думая о его гримуаре, спрятанном под моим корсетом. — Но я не думаю, что у нас есть повод для беспокойства. Худшее прошло.

— Худшее прошло, — согласилась она, с благоговением повторяя слова матери.

Между нами присутствует определенная атмосфера товарищества, когда мы проходим в комнату матери и оставляем Фернанда ворчать в холле.

— Ах, мои девочки, наконец-то, — напевает мать у туалетного столика, где ей пудрили лицо и укладывали каштановые кудри. Они собраны в высокий помпадур, который каким-то образом заставляет ее выглядеть царственно и опасно одновременно — как львица. Только на висках можно заметить седину, нити в волосах, а ее затененные глаза большие, как у лани, — черные бездонные шарики на фоне фарфоровой белизны ее лица. Она вряд ли выглядит достаточно взрослой, чтобы быть моей матерью, но с тех пор, как она была в моем возрасте, она смазывала лицо средствами, восстанавливающими молодость, и пила алхимические смеси.

Она отмахивается от служанок и вскакивает. Сотни золотых двуглавых орлов мерцают сквозь складки ее церемониальной накидки, а бархат развевается вокруг ее лодыжек, создавая иллюзию, что она идет по бордовым облакам. Она красивая. Великолепная. Настоящая героиня народа.

Матушка подходит сперва ко мне и целует меня в щеки. Маргарита тут же напрягается, хотя я просто стою ближе. Я пытаюсь поймать ее взгляд, но она нарочно смотрит в сторону, легкость между нами гаснет так же быстро, как свеча.

— Мои крошки Вуазен, — матушка берет нас за руки и ведет по комнате. — Идемте, у меня для вас сюрприз.

Маргарита медлит.

— Для нас обеих?

Не обращая на нее внимания, мама ведет нас через гостиную с темными панелями в свою гардеробную, которая больше, чем весь наш дом на улице Борегар.

— Для процессии, — объявляет она, указывая на одинаковые платья, разложенные на кедровых стволах.

— Они ..., - скандальные. Мерзкие. Самые ужасные вещи, которые я когда-либо видела. Черно-алый шелк такой нежный, он почти полупрозрачный, а квадратный вырез такой низкий, что мои ладони прикрывают грудь.

— Мы должны быть одинаковыми? — голос Маргариты сухой. Я поднимаю платье за рукав и держу на расстоянии вытянутой руки — как будто оно более ядовито, чем котлы с дистиллированной мандрагорой в моей лаборатории.

— На улице холодно, — говорю я с тревогой. — И дождь идет постоянно. Разве не

нужно немного больше ткани...

Тщательно подведенные брови матери опускаются ниже.

— Вы унижаете мой выбор?

Уловив яд в голосе матери, Маргарита поднимает платье и с восторженным визгом прижимает его к плечам.

— Я считаю, что платья изысканные. Мира ничего не понимает, — она проходит мимо меня и целует маму в щеку.

— Не стой, как дурочка, Мирабель, — говорит мама с хлопком. — Одевайся. Или мы опоздаем на собственное шествие.

Я нехотя прижимаю платье к груди, и мои пальцы касаются чего-то твердого под лифом.

Гримуар отца.

Мерде. Я так привыкла к его присутствию, что он словно второе сердце, бьющееся вне моей груди. Я даже не подумала его убрать. Травы, противодействующие изумрудному огню Лесажа, лежат в мешочке под нижним бельем, но если горничным удастся снять с меня платье, гримуар уже не спрятать.

Воздух вылетает из меня, и чудовищное платье выскользывает из моих пальцев, падает на паркет.

Матушка хмурится и указывает на смятую кучу.

— Работа лучшей швеи Парижа, а ты бросаешь платье на пол, как тряпку.

— П-прости, — лепечу я и поднимаю его. — Оно очень красивое, но я не смогу легко идти в толпе и раздавать лекарства в таком изящном наряде. Платье, которое на мне сейчас, походит куда лучше...

Матушка громко вздыхает.

— Платье не будет препятствием, потому что ты не будешь распространять лечебные средства.

— Что? — такое ощущение, что меня ударили дубиной по голове. Дыхание прерывается. — Но ты просила лекарства. Я готовилась всю неделю.

— Грис и другие слуги раздадут сиропы и мази, а ты поедешь рядом со мной — в этом платье. Теперь ты член моего ближайшего окружения, Мирабель. Пришло время взять на себя обязанности за пределами лаборатории.

Мою грудь сдавливают боль. Я всю жизнь ждала, что она скажет эти слова. Голос Гриси ревет в моей голове: «Будь благодарна. Сотрудничай». И я бы сделала так, если бы могла. Я отчаянно хочу лично позаботиться о людях, я могу вытерпеть разочарование. Но я не могу снять платье.

Она не может увидеть мое предательство.

— Разве люди не должны видеть, как мы раздаем лекарства? — быстро говорю я.

Мать машет рукой.

— Люди знают, что лекарства от нас. Что им нужно, так это сплоченное руководство после всех опасностей, через которые они прошли. Одевайте ее, — приказывает она горничным, которые не заняты Маргаритой, помочь мне.

Я отступаю, уклоняясь от их нетерпеливых рук.

— Не двигайся, — настаивает мама, но я отбиваюсь и вырываюсь. Маргарита хихикает, когда две служанки ныряют, чтобы расстегнуть мои ботинки, а еще три берут меня за плечи и тянут за шнурки моего коричневого рабочего платья.

Гримуар отца соскальзывает под мое нижнее белье в беспорядке, и я издаю сдавленный вскрик.

— Мне не нужна помощь, — я размахиваю отвратительным платьем, как щитом. — Я прекрасно умею одеваться, — но мой голос теперь дребезжит, и Маргарита настораживается.

— Хватит этого бреда. Я ее наряжу, — она распахивает горничных и тянет меня за платье спереди.

«Нет, — я скрещиваю руки на груди и отступаю, умоляя глазами. — Прошу, Марго. Мы — друзья, союзники».

Но — нет. Не совсем. Ее стремление услужить матери всегда перевешивает ее преданность мне.

Ее губы изгибаются, когда она тянется к моему лифу, и она понижает голос:

— Ты же не так стыдлива, что не можешь принять помощь любящей сестры? — она с трудом стягивает коричневую шерсть с моих плеч, и гримуар падает на пол.

Черные глаза Маргариты — мое зеркало, зеркало матери — становятся в четыре раза больше.

— Матушка! Посмотри, — кричит она.

Ноги покалывает, мне не терпится убежать, но я твердо стою. Бежать бессмысленно с часовыми в масках, охраняющими каждое окно и каждый проход, поэтому я скрещиваю руки на груди и стою неподвижно, как статуи в Тюильри, обнаженная и открытая для всеобщего обозрения в нижнем платье и чулках.

— Оставьте нас, — шепчет мама, и ее горничные, словно порыв ветра, вылетают из комнаты. Я с тоской смотрю им вслед, желая тоже легко сбежать.

Складки ее плаща скользят по полированному полу, а косточки корсета скрипят при каждом шаге. Выражение ее лица каменное, но руки слегка дрожат, пока она разглаживает невидимые морщинки на своем платье. В ее глазах вспыхивают искры острой боли — даже после стольких лет.

— Антуан, — шепчет Мать — любовь, боль и враждебность объединяются в одно слово. Она обожала отца. Я думаю, что часть ее всегда будет его любить, как бы отчаянно она ни пыталась его ненавидеть сейчас. Они встретились, когда бабушка заболела, а мама зашла в экспериментальную аптеку отца в поисках лекарства. Он был молод, умен и харизматичен, уже тогда был гением, и мама полюбила его с первого дня, когда он подмигнул ей из-за прилавка. В то время он не был так поглощен своей работой, так что заметил ее красивое лицо.

Вначале он ухаживал за мамой, делая для нее восхитительные карамельные сиропы и фальшивые приворотные зелья, которые он угрожал добавить в ее ужин. Они вместе ухаживали за травами в саду и даже вместе управляли небольшим ювелирным магазином, когда поженились — это ремесло передал отцу его отец, и он улучшил его, трансмутируя собственные металлы. Но со временем такие вещи отошли на второй план, поскольку эксперименты отца поглотили его.

Мать смотрит на книгу, ее лицо краснеет, пока не становится краснее румян на ее щеках, краснее гримуара. Она наклоняется, хватая книгу пальцами и машет ей перед моим лицом. Я прижимаюсь спиной к оклеенной обоями стене, и капли ледяного пота стекают по моей шее.

— Ты поклялась, что сожгла его жалкие гримуары и записные книжки.

— Я оставила только один, чтобы запомнить его, — пишу я. — На память.

— Ложь! — Маргарита обходит матушку, ее лицо так близко, что мне хочется кричать. — Мира сказала мне на днях, что разговаривает с ним.

Это предательство ранит больше, чем я ожидала. Но я могу только пялиться.

— Я сказала это по секрету! — кричу я. Затем снова поворачиваюсь к маме. — Это не то, что ты думаешь...

— Тихо! — матушка хмурится, глядя на гримуар, и после мига, который кажется вечностью, несется через комнату, чтобы уничтожить книгу в очаге. Однако пламя давно погасло, поэтому она решает бросить книгу в свой сейф. Затем она возвращается к туалетному столику и проводит пальцами по серебряным гребням и горшочкам с румянами. Мои потные ладони прилипают к нижнему платью.

Когда она, наконец, говорит, голос матери разносится по комнате, словно с ветром.

— Я дала тебе столько свободы, столько обязанностей. Теперь я понимаю, что это была ошибка. Если ты хочешь вести себя как он, я не могу тебе доверять. И если я не могу тебе доверять, ты не сможешь управлять лабораторией. Отныне Грис будет контролировать производство, а тебе будут поручены другие обязанности. Подальше от таких соблазнов.

— Нет! — я задыхаюсь. Кажется, что воздух из комнаты выкачали. Мои мольбы льются бесконечным потоком. — Прости. Это больше не повторится. Клянусь. Грис не сможет выполнять все заказы. А как же зелье Лесажа?

— Грис в состоянии... он поймет формулу кровавого зелья. И я найму ему помощника, если нужно. В этом городе десятки алхимиков, которые будут рады работать на Общество.

— Но не такие умелые, как я.

— Возможно, но я не буду рисковать, чтобы ты стала одержимой, как твой отец. Ты можешь ненавидеть меня сейчас, но ты еще поблагодаришь меня за защиту.

Тихий вскрик слетает с моих губ. Я шагаю вперед и бросаюсь к ногам матушки. Она не может так поступить. Она не может запретить мне посещать лабораторию. Без работы не знаю, кто я.

— Пожалуйста, мама.

Она смотрит мимо меня, делая вид, что я не говорила. Со смертельной грацией она берет со своего туалетного столика шпильку из китового уса и крутит ее, как нож.

— Нет смысла пресмыкаться. Мое решение принято.

Она с такой силой бьет кулаком по столу, что шпилька вонзается глубоко в красное дерево.

Я натягиваю ужасное платье, не говоря ни слова.

* * *

Улицы Парижа — это буйство красок, шума и фанфар. Сине-белые гербовые штандарты бывшего короля были сорваны с шестов и заменены знаменами, украшенными двуглавым орлом Теневого Общества. Наши блестящие черные боевые кони украшены доспехами и изумрудными перьями, а множество экипажей задрапированы красным и пурпурным шелком. Гуляки возвещают о нас трубами и лютнями, в то время как шуты и акробаты танцуют и поют на улицах. Орды простолюдинов в бархатных масках — новейшее направление моды — свистят и хлопают, когда мы проезжаем мимо. Все такое яркое, что кружится голова.

Служанки каким-то образом скрутили мои мышино-русые кудри в замысловатый водопад, ниспадающий перед плечом. Маргарита выглядит так же, но, пока она

наслаждается уханьем мужчин, кричащих от наших скандальных вырезов, я опускаюсь все ниже и ниже, отчаянно пытаюсь слиться с седлом. Моя грудь почти выпрыгивает каждый раз, когда моя лошадь шагает, и когда я пытаюсь прикрыть грудь руками, мама бросает на меня убийственный взгляд.

Лесаж ведет шествие, использует безобидную магию, чтобы призвать стаи экзотических птиц — синих павлинов и золотых лебедей, жемчужно-серых голубей, которые летают над толпой и рассеиваются дымом свечи. Матушка улыбается и машет с белого жеребца Людовика XIV. Она подает милостыню людям и направляет Грису и других слуг раздавать лекарства. Несколько избранных крестьян ее охранники даже проводят вперед, чтобы они получили ее «благословение».

— Слава, Ла Вуазен! — кричит толпа. — Слава Лесажу!

Я замечаю Грису, когда он бежит взад и вперед, нагруженный, как телега мула, мешками, подносами и бутылками. Да, все было налажено.

Мне удается ему улыбнуться, но до моих глаз улыбка не доходит. Конечно, я рада, что работа Теневого Общества возобновляется, и люди такие счастливые, но я чувствую себя в стороне от этого. Никогда больше я не испытаю эйфории, наблюдая, как соединяются два вещества. Я больше не почувствую трепета от открытия нового лекарства, восторга от знания, что оно поможет тому, у кого в противном случае не было надежды. Сколько людей я могла бы спасти, если бы не была такой глупой? Такой беспечной? Боль в груди ощущается как щипцы, сжимающие мое сердце.

«Однажды ты станешь великим алхимиком».

— Перестань выглядеть такой несчастной, — сквозь зубы говорит мама. — Улыбайся. И маши.

Но я не могу ни того, ни другого. Я ерзаю в седле и сжимаю гриву лошади. Я смотрю на сестру, но не знаю, что ищу. Но она слишком занята тем, что хлопает ресницами и посылает воздушные поцелуи, чтобы заметить мою мольбу. Аббат Гибур с другой стороны от меня трясется, как большой слизень, а Ла Трианон едет за мной. Ни в одном из них я не найду утешения.

Я глубоко вздыхаю. Повсюду царит веселье, но я чувствую себя вялой. Где мое место в этом мире, если не в лаборатории? Льяные нити паники обвивают мое горло, как завязки шляпки, и я задыхаюсь. Я опасно склоняюсь над шеей моей лошади.

Грис подбегает ко мне и кладет руку мне на ногу.

— Ты вот-вот упадешь. Тебе нездоровится?

Мне ужасно плохо. Мне нужно спуститься. В лабораторию. Подальше от всего этого. Я пытаюсь слезть, но Грис ловит меня за талию и удерживает на месте.

— Я знаю, тутлюдно и шумно, но я с тобой, Мира. Попытайся радоваться...

Выстрел пушки грохочет, как раскат грома.

Огонь вырывается из здания справа от нас, и обжигающая оранжевая волна катится к нам. Боль стекает по моей коже, как кипяток, и я знаю, что я кричу, но слышу только тишину, густую, как сметана. А потом звон. Высокий, сводящий с ума.

Мой конь встает на дыбы, и Грису нет рядом. Я падаю сквозь дым и ударяюсь головой о брусчатку. Кровь смачивает мои волосы и стекает по шее. Копыта бьют меня, как молнии. Огненные шары и осколки стекла продолжают лететь из того места, где всего несколько секунд назад стояла церковь.

Я хватаюсь за лоб, чтобы видеть ровно, пытаюсь понять, что произошло. Должно быть,

это одна из иллюзий Лесажа. Но потом я замечаю его сквозь дымку, ругающегося и цепляющегося за свою бушующую лошадь.

Если он не стоит за этим...

На нас напали.

Мое видение заполняет раздутое лицо Короля-Солнца, затем мадам де Монтеспан, падающая на свой пудинг, и Вандом со своими людьми, скрюченные, сломанные и извергающие рвоту на траву.

Я смотрю на хаос, сердце колотится, голова болит. Тысячи парижан разбегаются во все стороны. Толпа, подобной которой я еще не видела. Было бы так легко затеряться.

Исчезнуть...

Прежде чем я понимаю, что делаю, я краду фиолетовый плащ у неподвижного охранника, накидываю капюшон на свою окровавленную голову и исчезаю в аду.

ЙОССЕ

Мы с Дегре вырываемся из огненного скелета Нотр-Дам-де-Бонн-Нуviel за миг до того как рушится крыша. Раскаленный добела пепел и горящие камни обрушиваются на улицу Ришелье, как пылающие стрелы, но мы несемся сквозь пепел, как древние рыцари, идущие в бой. Я запрокидываю голову и радостно кричу от хаоса.

Жаль, что Людовик не видит, как блестяще претворяется в жизнь мой нелепый план. Улицу наполняет дым, и люди мечутся повсюду, крича, толкаясь и спасаясь бегством. Это выглядит как самая крупная в мире драка в таверне, это должно дать достаточно времени, чтобы вернуться к мадам Бисет, забрать мою родню и проехать через блокаду по городу.

Пока мы несемся сквозь дым, я разглядываю членов Теневого Общества в масках, разбросанных по булыжникам, хочу увидеть Ла Вуазен или ее колдуна.

— Избавь себя от неприятностей, — Дегре кивает вперед, где из дыма медленно появляются Ла Вуазен и лидеры Теневого Общества. Они заперты в центре многолюдной улицы, их лошади бушуют, как темный смертельный водоворот. Мы выстрелили на несколько секунд раньше, чем нужно. Меня охватывает разочарование. С их смертью все стало бы намного проще.

— Не расстраивайся. Их все еще могут затоптать насмерть, — говорит Дегре.

Нам остается только надеяться.

Толпа становится все гуще по мере того, как мы продвигаемся по улице. Я врезаюсь в спину потного мужского камзола. Когда я пытаюсь обойти его, я сталкиваюсь с плечами, спинами и кулаками. Мы как овцы, запертые в слишком маленьком загоне. Чтобы пройти полквартала, уходит вечность. Такими темпами мы никогда не доберемся до моих сестер, не говоря уже о побеге.

Я опускаю голову и шагаю вперед, как таран, пытаюсь не видеть детей со слезами на щеках. Пытаясь подавить оглушительные вопли раненых. Но они всюду, давят на меня со всех сторон, жаркие и громкие. Вина играет пальцами на струнах моего сердца, потому что я даже не подумал о них, составляя этот план — не подумал, как взрыв заденет невинных. И теперь, когда я нахожусь в гуще событий, это до жути напоминает нападение на Версаль. За исключением того, что я веду разрушение.

Нет. Ничего подобного. Это нужно было сделать.

Согласились бы люди? Можно ли пожертвовать всем, чтобы спасти нескольких?

Да. Девочки стоят всего.

Позади нас голос Ла Вуазен поднимается над шумом, призывает ее Общество к оружию. Ее крик не похож ни на что, что я слышал раньше — как у банши и вурдалаков, как вопль проклятых. По рукам пробегает озноб, оставляя холод.

Дегре оглядывается и выкрикивает поток ярких ругательств. Я сжимаю кулаки и оглядываюсь через плечо, ожидая увидеть, как члены Теневого Общества бегут по улице, но вместо людей нас окружают звери.

Отряд дымовых существ Лесажа поднимается в воздух, и крик пронзает мое горло, как лезвие. Это не птицы и бабочки, как раньше, а крылатые драконы и трехголовые змеи, которые намного опаснее, гораздо более осязаемы. Они рычат и скрежещут зубами, скользя сквозь облака. С расстояния в полквартала я вижу каждую сверкающую чешуйку малинового, зеленого и золотого цветов. Я чувствую жар их дыхания, и я не могу не уловить запах тухлых яиц в воздухе — характерный запах серы.

После зверей Лесаж посылает по небу вспышку лазурной молнии. Она врзается в ряд фахверковых домов, и изумрудное пламя охватывает соломенные крыши за секунды.

— Что это такое? — поражается Дегре.

— Это то, что убивает Анну и Франсуазу, — говорю я, наклоняясь вперед, иглы бегают по моему позвоночнику. Я съеживаюсь от каждого крика, от каждого взрыва камня позади меня. Я хочу извиниться перед людьми, которые оказались в ловушке на улицах. Но этого никогда не будет достаточно. Теневое Общество не знает, кто зажег пушки. Я подумал, что это даже хорошо, потому что они не смогут охотиться именно на нас. Но я не думал, что они будут охотиться на всех. Бить наугад.

Почему я не подумал, что они дадут сдачи?

«Беспечный. Ты виноват», — голос отца преследует меня, и я не сомневаюсь, что эти кровавые сцены добавятся к моим кошмарам.

Мы добираемся до перекрестка, и мы с Дегре устремляемся в переулок, набираем скорость вне основной части толпы.

— Быстрее! — кричит он, хотя я еще никогда не бегал быстрее. Мы проносимся мимо пяти улиц и добираемся до кондитерской.

Но тележки нет.

Людовика или девочек не видно. Только тела, хаос и невозможное расстояние между нами и дорогой из Парижа.

Каждая молекула воздуха выходит из моих легких. Я убью Людовика. Я должен был знать, что он устроит что-то вроде этого. Должен был учесть это. Нам вообще не следовало включать его. Глупо, глупо, глупо. Слезы обжигают глаза, а рвота обжигает горло. Все было напрасно. Вся эта бойня. Я неистово разворачиваюсь и спотыкаюсь о свои ноги. Дегре ловит меня, ругаясь еще сильнее. Драгоценные секунды ускользают. Сапоги Теневого Общества стучат по бульжникам. Тепло от дымных зверей становится все ближе. Удар молнии разносит прачечную через дорогу.

— Все еще думаешь, что мне следует хоть немного уважать Его Королевское Высочество? — рычу я. И устремляюсь в обратном направлении настолько быстро, насколько позволяет мое измученное тело. Если о побеге не может быть и речи, мы должны держать Теневое Общество подальше от скрытого входа в канализацию.

Мы бежим. Переулок за переулком. Мои ноги превращаются в перья, и все в огне: мои мышцы, слезящиеся глаза, горящие легкие. Сломанные бульжники торчат из земли, как пики, ранят лодыжки и угрожают поставить меня на колени. Еще несколько шагов, и мы доберемся до моста Пон-Нёф. Мы сможем перейти по каменному мосту и укрыться на переполненном острове Сите с его бесчисленными домами, часовнями и узкими извилистыми улочками.

Мы в нескольких шагах от безопасности, и я так благодарен, что практически плачу, но тут тень движется под мостом. Огромная тень. Мы с Дегре едва успеваем остановиться, как дракон из дыма вырастает из Сены и оказывается у нас на пути. Он выше двухэтажного здания, с оранжевыми и желтыми чешуйками, сверкающими, как искры. Его огромная голова и длинная заостренная морда напоминают мне крокодила, а жар его дыхания такой сильный, что моя кожа пузырится, как воск свечи.

— Шевелись! — кричит Дегре, когда из пасти змея вырывается огонь. Он хватает меня за тунику и рывком тянет назад, спасая от самого страшного огня. Я смотрю на бульжник — обугленный там, где я стоял всего несколько секунд назад.

Пока я стою, пошатываясь, Дегре начинает действовать, как капитан, которым он притворяется.

— Иди направо и крадись по мосту. Я отвлеку его влево, — он убегает, прежде чем я успеваю его остановить, и пронзает дракону клинком заднюю лапу.

Чернильная кровь сочится из пореза; существо рычит и полностью поворачивается к Дегре. Он машет мне, чтобы я бежал, но мои ноги прилипли к булыжнику. Только гадкий трус оставит его наедине с этим чудовищем. Я не могу потерять его. Я приседаю, чтобы вытащить кинжал из сапога, и в эту долю секунды над головой вспыхивает зеленое потрескивание, так близко, что оно врезалось бы мне в грудь, если бы я стоял.

Я разворачиваюсь и кричу Дегре:

— Ложись!

Дымчатый зверь поворачивается и изгибает длинную шею, но Дегре не так быстр. Зеленый огонь попадает ему в живот. Его глаза широко раскрываются, он хрипит. Нити электричества бегают вверх и вниз по его торсу, и он ударяется о землю, как срубленное дерево.

Кровь шумит в моих ушах. Мои ноги покалывает, когда я шагаю, шатаюсь, туда, где он лежит. Его кожа холодная и белая, а лицо застыло в крике.

— Не умирай, зараза, — шепчу я, прижимая пальцы к его шее. Я тяжело выдыхаю, когда чувствую слабое, трепещущее сердцебиение.

Но мое облегчение недолгое. Оранжевые искры вспыхивают сбоку.

Дымовой зверь нависает над нами.

Во мне воцаряется злобное спокойствие, как тогда, когда я выпотрошил незваного гостя в квартире дофина. Я не думаю; я просто двигаюсь, выдергиваю рапиру Дегре из его кулака и поворачиваюсь лицом к существу. Если я должен умереть, пусть это будет при защите моего друга — во имя моих сестер.

Дракон встает на задние лапы. Я рычу и бросаюсь вперед. За секунды до столкновения над моей головой пронесется еще одна молния. Я прижимаюсь к земле. И снова существо уклоняется, извиваясь, чтобы избежать пламени.

Зверь быстро встает на лапы и с шипением поворачивается ко мне. Вместо того чтобы поднять меч Дегре, я смотрю на молнии, врезающиеся в землю, словно град. Затем вниз на обломки разрушенных магазинов. Дымчатый зверь опускает голову и открывает пасть. Я откатываюсь и хватаю ободранный кусок жестяной кровли. Но вместо того, чтобы использовать его как щит, я ныряю влево — прямо на путь зеленой молнии.

Сила толкает меня в грязь, и боль пробегает по позвоночнику, но мне удастся удерживать обломок в приподнятом состоянии. Молния отскакивает от металла и врезается в брюхо дымового зверя. Его желтые кошачьи глаза расширяются, и через секунду он взрывается миллионами крошечных угольков, которые светятся, порхая по небу.

Я сижу, ошеломленный, задыхаясь. Я убил существо. Но яма в моем животе все еще кажется достаточно глубокой, чтобы в ней утонуть. Если молния достаточно сильна, чтобы убить монстров Лесажа, Дегре и мои сестры обречены.

«Не думай так. Они еще живы, а значит, еще есть шанс».

Я, пошатываясь, возвращаюсь туда, где лежит Дегре, хватаю его под руки и тащу на мост Нёф. Он тяжелее быка. С каждым рывком я едва могу продвинуться на ладонь. Ленты молний продолжают летать взад и вперед под облаками, поражая все вокруг нас. Глыбы камня и раствора кружатся в воздухе, как метательные ножи.

Я не могу его нести. Не так быстро, чтобы уйти от магии Лесажа.

— Прости, — выдавливаю я, думая о боях, которые он подхватывал за меня, о ночах без сна, когда он учил меня метать кинжал и бить кулаком. Он — брат, какого у меня никогда не было, и хоть он лишь на три года старше, он храбрее и способнее, чем я могу стать.

На моем месте Дегре нашел бы выход, спас бы нас. Я могу только пытаться, пока дымовые звери не поглотят нас, или Лесаж не сожжет нас зеленым огнем. Я крепче хватаю его и готовлюсь потянуть снова, но что-то шуршит за нами.

Я поворачиваюсь и поднимаю рапиру, готовый убить того, кто стоит между нами и свободой, но моя рука замирает.

Это девушка.

Одинокая девушка в огромном лиловом плаще Теневого Общества. Если она должна охранять мост, она плохо с этим справляется — прислоняется к стене и хрипит. Ее лицо испуганное, и она переводит взгляд с окоченевшего сияющего тела Дегре на разноцветные полосы света, взрывающиеся над головой.

— Шевелись! — кричу я. Еще одно дымящееся существо с тупой мордой и массивными вьющимися рогами подлетело опасно близко; серая вода Сены вскипает и вырывается из-под моста. В холодном весеннем воздухе витает жаркий пар.

— Тебе никогда не удастся их обогнать, — шепчет она.

— Я уверен, что попробую, — зеленый пепел падает, с шипением целуя наши плащи. Рычание зверя сотрясает опоры моста.

Она прикусывает губу и смотрит поверх бурлящей реки на призрачный Лувр, на огонь, молнии и хаос.

— Без лечения он умрет.

— А куда я иду, по-твоему?

— Не такое лечение, которое ты можешь дать. Не от магии Лесажа.

Молния ударяет не так и далеко позади меня. Осколки камня взрываются в воздухе, обстреливая мои руки и шляпу. Ее глаза расширяются, и она отступает. Наконец. Но когда я пытаюсь обойти ее, она скрипит зубами, заправляет свои вьющиеся волосы за ухо и бросается ко мне.

Я чуть не роняю оружие, но она проходит мимо меня и поднимает Дегре за ноги. Рапира опускается.

— Что ты делаешь?

— Веду нас через мост в ближайший переулок.

— Что?

— Шевелись, если не хочешь сгореть!

Это ощущается как ловушка, но ее голос такой яростный, а взгляд — напряженный, что я убираю рапиру в ножны и поднимаю Дегре за подмышки. Мы устремляемся по мосту в грязные переулки острова Сите.

Мы движемся незаметно — раненых так много, что никого не удивило бы, что мы несем тело — пока не добираемся до крохотной часовни, отчасти скрытой большими зданиями. Девушка кивает войти. Я не был набожным, и Дегре скорее умер бы, чем позволил члену Теневого Общества молиться за его душу, но вариантов нет. Большие церкви точно будут полными священников.

Я шурю в темноте, мы проходим в неф и идем вглубь. Девушка указывает на одну из скамеек, и мы осторожно устраиваем там Дегре. Его тело неестественно светится под

готическими арками и неосвященными нишами.

Девушка достает из лифа небольшой кожаный мешочек, спрятанный между грудей.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Нам нужно спешить, — говорит она, поправляя лиф, хотя это не помогает. Грудь вот-вот выплеснется наружу. Она зубами разрывает мешок и выкидывает его содержимое на скамейку. — Мне нужен огонь, чаша и твой клинок.

У меня к горлу подступает истерический смех.

— Ты же не думаешь, что я отдам тебе оружие?

— Я пытаюсь помочь.

— Почему?

Ее хрупкое тело вздрагивает, и ее голос напряжен, когда она говорит:

— То, что там творится, не наше занятие. Так не должно быть.

Все возражения, которые я планировал, застревают у меня в горле.

— Не понимаю...

— Тебе и не нужно понимать, — она указывает на Дегре, чья кожа стала болезненно зеленой. Вдвое зеленее, чем пятна на Анне и Франсуазе. — Ты хочешь спасти его или нет? У него мало времени.

Я смотрю на бледное лицо Дегре, его сморщенную впалую грудь.

— Что это?

— Форма алхимической магии под названием дезинтегратор. Огненные стрелы разжижают жертв изнутри. Так что каждую секунду, пока ты теряешь время, сомневаясь во мне, печень твоего друга разлагается, его сердце иссушается, а кости превращаются в пепел.

Рвота подступает к горлу. Его кости станут пеплом? Я сплываю и бегу за стену икон. Я роюсь в церкви без благоговения, пока не нахожу чашу и проповедь для растопки. Я снимаю лампу и хватаю кусочек кремня, надеясь, что Бог не накажет меня. Я спешу к Дегре.

Я складываю листы и поджигаю их лампой. Девушка ставит тарелку для сбора на огонь и выдавливает в миску пасту с неприятным запахом и щепотку трав. Помешивая смесь одной рукой, она возвращает мешочек в платье другой.

Когда она кашляет, я понимаю, что смотрю на ее грудь. Опять. Жар обжигает мои щеки, и я дергаю за воротник, опускаюсь на колени рядом с Дегре. Девушка разрывает его рубашку и наносит мазь на его вогнутую грудь. Паста светло-серая и пахнет хуже, чем канализация, что я не считал возможным. Я прикрываю нос.

— Что это?

— Барвинок и серая амбра, — говорит она, наблюдая, как грудь Дегре поднимается и опускается. Она встает, сдувает кудри со своего лица и сильнее втирает смесь в его кожу.

— И это случайно оказалось под рукой?

— Да. Я виновата, что Лесаж может заколдовать дезинтегратор, поэтому я придумала противоядие.

— Противоядие, — я смеюсь. — Что ты знаешь об исцелении?

Руки девушки замирают, и она смотрит на меня с таким отвращением, что я проглатываю свой смех и отодвигаюсь.

— Для тебя лучше, чтобы я много знала, сударь, если ты хочешь, чтобы твой друг остался в живых. Теперь рапиру, будь добр, — она протягивает руку.

Я обнажаю рапиру, но не могу заставить себя отдать ее.

— Если бы я хотела убить тебя, ты был бы мертв. И если ты хочешь, чтобы он жил, ты

дашь мне то, что мне нужно, — она хватает рапиру с кряхтением, затем, добавив немного мази на грудь Дегре, помещает кончик лезвия прямо под его грудину. Я хватаюсь за скамейку и стараюсь ничего не говорить, но сдавленный вопль срывается с моих губ, когда она давит. Кровь сочится вокруг лезвия, становясь все темнее.

— Уверена, что это сработает? — спрашиваю я, когда лужа крови под его грудью становится почти черной.

Девушка кивает, но выражение ее лица с каждой секундой мрачнеет.

— Д-должно. Я десятки раз проверяла свои расчеты...

— Ты еще этого не делала? — я хочу оттолкнуть ее, но лицо Дегре начинает шевелиться. Его тошнит с края скамьи, и девушка отпускает рапиру. Она со звоном падает на каменный пол, звук разносится эхом.

Дегре дергается и воет от боли, но зеленый оттенок уже исчезает, а ямки и впадины в его груди медленно поднимаются и восстанавливаются. Кровь из раны сгущается, смешиваясь со зловонной пастой.

Это сработало. Противоядие девушки подействовало!

Облегчение обливает меня, как ведро ледяной воды, и я смеюсь, когда сжимаю ладонь Дегре. Он сжимает в ответ, и надежда взлетает в моей груди к вырезанным из камня ангелам, наблюдающим со стропил. Если она вылечит Дегре, возможно, она сможет вылечить Анну и Франсуазу. Я поворачиваюсь, готовый перебросить девушку через плечо и направиться к канализации, когда Дегре стонет и откашливает еще порцию рвоты.

Все по порядку.

Он пытается сесть, но его руки дрожат, а глаза закатываются.

— Я будто при смерти.

— И выглядишь соответственно, — я смеюсь, осторожно опуская его плечи к скамейке.

Дегре отмахивается и бормочет, что по-прежнему выглядит лучше, чем я. Мы сидим несколько минут в тишине, пока он восстанавливает дыхание. Его стеклянные глаза медленно разглядывают северный проход, яркий желто-малиновый неф и останавливаются на девушке. Он долго смотрит на нее, затем его глаза выпучиваются. Он хватается за воротник и притягивает к себе.

— Что она здесь делает?

— Тебе нужно сохранять спокойствие. Она только что вылечила тебя.

— Вылечила меня? — руки Дегре взлетают, чтобы проверить лицо и туловище. Он морщится от раны. — Не похоже, чтобы она меня вылечила.

— Но она это сделала. Когда тебя ударили на мосту Пон-Нёф, она помогла мне отнести тебя сюда и вернула к жизни.

— Думаешь, я в это поверю? — он хмуро смотрит на девушку, она отвечает тем же. Я словно смотрю на двух петухов перед боем, и я встаю между ними.

— Это правда. Я сам это видел.

— Ладно, — он машет в ее сторону. — Она спасла меня. Но я не пойму, что она все еще тут делает.

Я смотрю на друга, раздражение поднимается, как дым над тарелкой для сбора.

«Она может помочь девочкам», — хочу сказать я. Но я знаю, что не стоит упоминать их при члене Теневого Общества, хоть она и помогла.

— Я не мог ее выгнать, — сухо говорю я. — Улицы все еще бушуют.

— Ты мог и должен был. Ты знаешь, кто она?

— Я знаю, что она одна из них, но...

— Она не просто одна из них. Это дочь Ла Вуазен. Я бился против нее в Лувре.

Я поворачиваюсь и смотрю на девушку. В тенях часовни она выглядит опаснее, чем на мосту, со сдвинутыми бровями и темными глазами. Черными, как смола. Как Ад. Тошнота терзает мой живот, и мне приходится схватиться за скамейку.

— Это была моя сестра, — сказала девушка. — Я не билась.

— Да, ты невинна, конечно, — возмущается Дегре. — Я знаю, что у тебя черное сердце. Уйди! Беги к своей матери.

Девушка мрачно смотрит на Дегре.

— Ты такой неблагодарный?

— Да, — говорит он без колебаний.

— Ладно, — она проходит к двери и распахивает ее. Ветер проникает в часовню, шелестит бумагами, и хор криков проносится под арками и фресками. Дочь Ла Вуазен замирает, с дрожью вдыхает и укутывается в лиловый плащ. Я неожиданно ощущаю сочувствие. И благодарность.

— Тебе не нужно выходить, — говорю я, сверля взглядом Дегре. Я подбегаю к двери и решительно закрываю ее. — Мы можем спокойно пересидеть опасность.

Дегре стонет и хватается за голову.

— Если она хотя бы посмотрит в мою сторону...

— Стоило дать тебе умереть, — цедит девушка. Она разворачивается, проходит в другую часть часовни и садится за кафедрой, пропадая из виду.

Дегре озирается. Когда она не выходит, он манит меня к своей скамье, притягивает меня ближе.

— Мы должны убить ее.

— Но она может помочь девочкам.

— Мы не можем вести ее к канализации. Она узнала нас. Потому она исцелила меня, чтобы завоевать наше доверие, чтобы привести Теневое Общество к твоим сестрам и Людовику.

Я закатываю глаза.

— Ты — сын учителя, а я — слуга. Никто нас не узнает.

— Уверен? Лесаж часто был там, чтобы знать всех детей короля. И кто знает, сколько у них шпионов во дворце.

Я пытаюсь подавить страх, но он бурлит, бежит по мне пенными волнами. Я хочу дать себе пощечину за то, что я был таким глупым, за то, что не увидел их заговор раньше. Я всегда делаю неправильный выбор: читаю незаконные брошюры, не могу защитить сестер, подверг опасности тысячи людей сегодня. А теперь это.

— Так что же нам делать? — спрашиваю я.

Дегре приоткрывает рот, но девушка поднимается из-за кафедры, и я отпрыгиваю. Это явно заставляет нас выглядеть более подозрительно. Она хмурится и садится на скамейку в передней части нефа, прижимает колени к груди, беспомощная и дрожащая, как котенок в сточной канаве. Она может выглядеть маленькой и невинной, но Дегре, несомненно, прав. Ей нельзя доверять. Ее семья ответственна за убийство половины знати. В том числе моего отца и королевы.

Но она лучший шанс для моих сестер выжить.

Их единственный шанс.

Дегре бросает на меня взгляд и кивает в сторону своей рапиры. Я совершаю ошибку, когда снова смотрю на девушку — такую мирную, с закрытыми глазами и приоткрытым ртом — и мои мышцы сжимаются.

С раздраженным взглядом Дегре вскакивает на ноги и поднимает свою рапиру с пола.

— Что ты творишь? — спрашиваю я.

— Просто извиняюсь за свое хамское поведение, — он делает вид, что вкладывает рапиру в ножны, затем ковыляет ближе к девушке. Она встает. — Мои искренние извинения, мадемуазель, — с поклоном говорит Дегре. — Спасибо за исцеление, — он протягивает руку, и девушка задумывается, прикусывая губу, а потом осторожно опускает свою маленькую ладонь на его. Дегре целует тыльную сторону ее запястья и в тот же момент ударяет другим кулаком по ее лицу. Сбивает девушку, которая только что спасла его. Она падает, как тряпичная кукла, соскальзывает со скамейки в свои черно-красные юбки.

Я не могу остановить вопль.

Дегре потирает костяшки и мрачно смотрит на меня.

— Что?

Стыд и возмущение горят на моих щеках.

— Ты собираешься убить ее? — спрашиваю я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе, но не могу.

Дегре подло улыбается, качает головой.

— Еще нет. Ты прав. Мы можем ее использовать... и по-разному.

«Мерде».

Я извиваюсь в веревках, но узлы крепкие, и чем больше я борюсь, тем мокрее становлюсь. Дрожа и задыхаясь, я поворачиваюсь на бок, чтобы не попасть в ледяные лужи с запахом мочи. Мать была бы потрясена, если бы увидела меня — связанную, как свинью, катающуюся в грязи. Чем дольше я извиваюсь и плачу, тем больше уверена, что она здесь. Смотрит. Я замечаю мельком ее темные глаза в темноте. Я слышу обрывки ее голоса в пронизывающем порыве ветра.

«Это за то, что убежала. И за приготовление запрещенных настоек и исцеление наших врагов».

Возможно, она права. Я спасла мальчику жизнь, защитила его и его друга от магии Лесажа, и так они отплатили мне? Связали меня и оставили гнить в разлагающемся подземелье. Кошмар!

— Помогите! Пожалуйста! — кричу я сквозь кляп. Приглушенные крики отражаются от тесных стен, становясь все тише и тише, пока полностью не угасают. Никто не приходит, а часы идут. Темнота настолько густая, что я не могу разглядеть собственные ноги, не говоря уже о выходе, и я не могу определить, как долго я была здесь в ловушке. На закате этот неблагодарный негодяй ударил меня кулаком по лицу. После того, как я его исцелила.

Я должна был позволить ему погибнуть на мосту Нёф. И его другу.

Вина лентой обвивает мои ребра. Так сделала бы мама. Но мы должны защищать людей и заботиться о них. Мы должны быть лучше Людовика XIV. И я пообещала себе, что испытаю противоядие, если Лесаж высвободит свою магию. Что он и сделал. И это сработало!

Я хихикаю, мое дыхание вырывается облаком над моим лицом. Прилив гордости, такой же теплый и сладкий, как чай с лимонной вербеной, который пил отец, наполняет мое тело, частично борясь с холодом. Это единственная искра света, надежды в этой мрачной ситуации — в этой сырой, мокрой пещере или темнице, или где бы они ни держали меня.

Я стараюсь держаться за эту грандиозную победу, но с каждым часом земля становится холоднее, а кожа влажнее. Лужи просачиваются сквозь тонкий шелк моего платья, и я промерзаю до костей. Мужчины сняли с меня плащ, и это жалкое платье не защищает. Каменный пол врезается мне в бедра и плечи, и вскоре меня охватывает дрожь. Мои зубы стучат, голова кружится, а мысли пугаются. Я замерзну до смерти до того, как мама найдет меня? Я *хочу*, чтобы она меня нашла?

Слеза катится по моей щеке и падает с подбородка. И еще одна. Они текут все быстрее, пока тяжелые рыдания не сотрясают меня. Я говорю себе, что так будет только на мгновение. Затем я соберусь и разработаю план. Но волны страха и сожаления продолжают бить меня так быстро, что я едва могу отдышаться между ними.

Я плачу по Грису, которого я оставила в хаосе процессии, где его могли затоптать копытами лошадей.

Я плачу по невинным людям, попавшим под перекрестный огонь молнии Лесажа или его тварей.

И я плачу по себе, потому что я дура, обманутая слишком много раз.

Такое ощущение, что пролежала здесь несколько дней, а то и месяцев, когда что-то далеко шуршит в темноте. Я поднимаю голову и прислушиваюсь. Медленно, как жуткая, бессвязная мелодия, звуки превращаются в шаги и голоса. Стучат и спорят. Приближаются.

Мои похитители вернулись, чтобы убить меня. Или мучать меня.

Я борюсь со своими путами с новой решимостью, извиваясь, напрягаясь и вытягиваясь. Но ничего не изменилось за часы или дни с тех пор, как они оставили меня. Веревки впиваются в мои запястья и лодыжки до крови. Мои плечи воют от боли — согнуты под неуклюжими углами, как у раненой птицы. Плача от боли, я прижимаюсь к капающей стене и молюсь об избавлении, хотя мои мольбы наверняка напрасны. Я сомневаюсь, что Бог благосклонно относится к убийце короля.

Вспышка света пронзает тьму. Он такой яркий на фоне удушающего мрака, что опалает мои зрачки. Я вскрикиваю и закрываю глаза, но отпечаток света продолжает плясать за моими веками. Шаги шлепают по лужам грязи, и голоса постепенно становятся различимыми.

— Прошел всего день. Не нужно ее пока что кормить, — сетует кто-то.

— Нужно, — отвечает другой голос. Я его узнаю. Постепенно мальчики с моста появляются из тени, пригибаясь на входе в длинный коридор с низким потолком. Единственный факел, который они несут между собой, подсвечивает их лица снизу, заставляя их выглядеть дьявольски и угрожающе. Мое сердце бьется так безумно, что пульсирует в горле. Я упираюсь пятками в пол и забиваюсь глубже в угол.

— Она не умрет через день без еды, — говорит мальчик, которого я исцелила. — Во всяком случае, это сделает ее более сговорчивой.

— Она спасла тебе жизнь. Она поест, — твердо говорит другой.

Они уже близко, примерно в двадцати шагах от того места, где я лежу. Кажется, я нахожусь в какой-то пещере, потому что они больше не сутулились, а стояли во весь рост, выглядят гигантами с того места, где я извиваюсь на полу. Я не хочу выглядеть как хныкающий червяк, поэтому приподнимаю подбородок.

Мальчик, которого я спасла, качает головой и сжимает кулак на рукояти меча.

— Если бы это было мое решение, она бы не ела, пока не вылечит девочек, и мы не получим известие от ее матери.

Вот, как. Они планируют продать меня Теневому Обществу?

— Это не тебе решать, ясно? — говорит другой мальчик сквозь зубы.

Первый мальчик взмахивает руками и мчится обратно по туннелю. Другой на мгновение смотрит ему вслед, прежде чем опустить свою шляпу-треуголку ниже и шагнуть ко мне. Он еще более изможденный и грязный, чем в последний раз, когда я его видела; даже нищие на улицах не выглядят такими опустошенными. Его каштановые волосы спутаны, камзол разорван, а бриджи покрыты толстым слоем грязи. Его щеки измождены, а на подбородке торчит щетина. Если бы я не знала лучше, я бы сказала, что он сам был заключенным.

Я отвожу от него взгляд и рассматриваю пещеру, отмечаю несколько деталей в свете факела — мокрые стены, ржавая решетка в дальнем углу, туннели, ведущие в разные стороны. Я должна была понять, где была, по влажности и запаху. Это не темница или пещера — это канализация. Даже бродяги не живут тут. Это означает, что мои похитители в отчаянии.

Мальчик неуклюже подбирается ближе, и я внимательно изучаю его, ища герб на его камзоле или какую-нибудь особенность, которая могла бы его идентифицировать. Он выше среднего роста, с сильным подбородком, зелеными глазами и тонким шрамом в уголке губы. И его друг упомянул исцеление «девочек». Какие девочки?

— На что ты смотришь? — мальчик сердито смотрит на меня.

Я опускаю взгляд, но отказываюсь съеживаться, ведя себя холодно и властно, как матушка. Она никогда не станет пресмыкаться перед этими хулиганами. С другой стороны, она никогда бы не оказалась в этой ситуации, потому что оставила бы их умирать на мосту.

Мальчик садится на корточки рядом со мной, и я вскрикиваю. Моя голова ударяется о стену пещеры, и вспышки света взрываются, как звезды в темноте. Он ждет, пока я успокоюсь, и говорит:

— Я подумал, что ты голодна, — он залезает в пальто и достает кусок хлеба.

Я смотрю на подношение и задыхаюсь от новой волны слез. Мой желудок так скручен от голода, что, кажется, что меч пронзает меня внутри, но я не могу принять ни кусочка еды. Несомненно, он отравлен. Они, наверное, считают себя умными — отравляют девушку, отравившую короля, — но я не буду есть.

— Разве ты не хочешь? — говорит он более решительно.

Я качаю головой и прижимаюсь к заплесневелой стене. Естественно, мой желудок решает заурчать в этот миг, звуки больше подходят корове, чем девушке.

Вздых юноши кажется таким же слабым и измученным, какой ощущаю себя я. Он придвигается ближе, и жар его тела пробуждает дрожь на моей обмороженной коже. Когда его пальцы скользят по моим волосам и развязывают мой кляп, я дрожу от неправильности его прикосновений. Это парализует меня с головы до ног, как будто я проглотила аконит. Проходят долгие болезненные секунды, и когда я, наконец, обретаю контроль, я смотрю сквозь мокрые, слипающиеся ресницы и обнаруживаю, что перед моими губами парит буханка хлеба. Он старый и несвежий, корка отслаивается хрупкими кусочками, но пахнет чесноком и розмарином, и мой пустой желудок рычит от желания.

Я не должна есть это. Я не буду есть это.

Юноша отрывает ломтик и протягивает его, и, проклиная свою слабость, я откусываю его с его пальцев, как будто я паршивая, голодающая дворняга. Он не произносит ни слова, отламывает кусочки размером с укус, подносит их к моим губам и не смотрит на меня. Когда я поднимаю взгляд, он осматривает пол, лужи, стены. Что-нибудь еще.

Слишком скоро хлеб кончается, юноша смахивает крошки с пальцев и встает. Мои внутренности все еще пульсируют от пустоты, и я испытываю искушение подползти вперед, как змея, и слизнуть каждую крошку. Но я сжимаю кулаки и остаюсь в углу. Он не увидит моего отчаяния.

— Ты спасла жизнь моему другу. Я отвечаю добром за это, — сухо говорит он. — Если будешь сотрудничать, думаю, мы сможем и дальше помогать друг другу. Есть и другие, нуждающиеся в исцелении. Спаси их, и, возможно, мы сможем договориться о твоей свободе.

Я решила не говорить, но его предложение настолько нелепо, что я не могу удержаться от смеха.

— Договориться о моей свободе? Думаешь, я настолько глупая? Я исцелила твоего ужасного друга, и посмотри, к чему это меня привело? Я никого больше не буду лечить.

Юноша скрипит зубами, его голос становится ниже:

— Тщательно обдумай свои действия. Если не сделаешь этого, у нас не будет причин пощадить тебя.

Я пожимаю плечами, как будто моя собственная жизнь не имеет большого значения, но, по правде говоря, я так напугана, мои руки дрожат за спиной. Я не хочу умирать, но я не

хочу и возвращаться к своей прежней жизни — обратно к матушке и Обществу, чтобы раздавать яд и смерть. Так что же мне остается?

Я зажмуриваюсь, сожалея, что не разработала зелье, чтобы сделать себя невидимой. Как было бы приятно исчезнуть, ускользнуть в другой город и жить другой жизнью. Сбросить шкуру Мирабель Монвуазен и стать кем-то новым, кем-то, кому не нужно жить в страхе перед своей матерью, соревноваться с сестрой и барахтаться каждую секунду, гадая, не перешла ли она черту. Или стояла ли она с самого начала на правильной стороне. В какой момент серый цвет стал черным?

Я прогоняю юношу. Он не может предложить ничего, что я хочу. Я сама не знаю ответа. Лицо мальчика мрачнеет.

— Ты поможешь нам, *La Petite Voisin*, — это проклятое прозвище заставляет меня вздрогнуть. Я больше не идеальная миниатюра мамы, и то, что кто-то так думает, даже этот юноша, вызывает желание кричать. Он идет в клубящиеся тени по туннелю, и моя ярость возрастает с каждым шагом между нами.

— Я не «*La Petite Voisin*», — кричу я.

К моему удивлению, он останавливается, его плечи напрягаются, как будто он забыл дышать.

— Как это понимать? Конечно, ты — она.

Может быть, еда в животе делает меня смелее. Или, может быть, в глубине души я знаю, что не имеет значения, что я говорю или делаю: я все равно мертва. Но я смотрю на него и качаю головой.

— Тогда кто ты?

— Мирабель.

Юноша прижимает ладонь ко лбу.

— Мне плевать, как тебя зовут. Это ни на что не влияет.

Но для меня это важно, и я кричу свое настоящее имя, Мирабель, снова и снова, пока он пропадает во тьме.

* * *

На следующий день юноша возвращается с хлебом. И на следующий день. По крайней мере, я предполагаю, что еще один день прошел. В темноте невозможно сказать, сколько времени прошло, но я заметила закономерность в распорядке дня. Каждый раз после еды до меня доносятся слабые звуки кашля и плача откуда-то в конце туннеля. Это длится, кажется, целую вечность — весь день? — затем становится тихо, как смерть, пока юноша не возвращается снова.

Он не потрудился вернуть мне кляп. Я перестала кричать несколько дней назад, потому что потеряла голос, да и это бессмысленно. Никто меня не слышит в этом сыром месте. После недели заключения мои бедра и спина покрыты мокрыми язвами, а пальцы рук и ног настолько замерзли, что, боюсь, их придется ампутировать.

Но я не сдавалась.

Каждый раз, когда юноша приходит покормить меня и умолять излечить девочек — я до сих пор не поняла, каких — я засыпаю его собственными вопросами, надеясь, что он скажет что-нибудь, что я смогу использовать против него.

— Кто ты? — спрашиваю я, жуя хлеб. — Я знаю, что ты — кто-то важный.

Ничего.

— Моя мать накажет тебя за это. Она будет охотиться и убьет тебя. Лесаж будет мучить

тебя дезинтегратором.

Все еще ничего.

Через несколько дней я выпалила:

— Твои девочки еще не умерли? А скоро должны. Видимо, в них не попал прямой огонь Лесажа, но у них не так много времени. Я видела, люди выживают так не дольше месяца.

Его взгляд скользит по туннелю — единственная реакция, которую я смогла вызвать. Значит, я на правильном пути.

— Они умрут ужасной мучительной смертью. Я могу ее предотвратить, если смогу доверять тебе...

Но юноша больше не смотрит на туннель. Он как камень: холодный и твердый.

Это почти убивает меня, но я отказываюсь от его хлеба и воды на следующее утро. Он хмыкает и хмурится, даже пытается запихать хлеб мне между губ, но я ничего не ем, а пью только из лужи подо мной. Вода на вкус как ил, железо и отбросы. С каждым глотком я ощущаю, как она загрязняет мои внутренности, отравляет меня. Болезнь собирается в груди. Лихорадка пылает на щеках. Конечности становятся все тяжелее, потом уже напоминают булыжники, не шевелятся. Моя голова — якорь, наковальня, пушечное ядро. Мне даже не нужно напоминать себе закрывать глаза и просто хрипло дышать при юноше.

После того, как я отказываюсь от еды четыре дня, парень даже не пытается кормить меня. Он вздыхает и бредет туда, где я лежу, толкает меня носком.

— Дура, — бурчит он. — Ты хочешь умереть?

Я не отвечаю, и он шагает по комнате, но после трех шагов замирает, его дыхание учащается. Я тоже это слышу — тяжелый топот сапог и искаженный поток проклятий. Я шурюсь ровно настолько, чтобы увидеть, как его ненавистный друг врывается в пещеру. Его черные волосы спутаны на лице, и он тяжело дышит, размахивая факелом в одной руке и распечатанным посланием в другой. Кусок пергамента с малиновой печатью двуглавого орла.

Печать матери.

Надежда разливается по моему обмороженному телу. Я не очень хочу вернуться в Лувр и в Теневое Общество, но это лучше, чем гибель от тюремной лихорадки в руках моих похитителей. Легкая улыбка изгибает мои губы при мысли о сухой одежде и сытом животе.

Но тут мальчик, которого я исцелила, начинает кричать:

— Она отказывается вести переговоры! — он протягивает письмо другому мальчику и указывает на меня. — Ла Вуазен не хочет ее.

«Что?».

Улыбка слетает с моих губ. Мое сердце перестает биться. Мне хочется вскочить с пола и потребовать показать послание, но я прикусываю язык в последнюю секунду и замираю, глотая горькую панику, скапливающуюся в моем горле.

— Невозможно, — кричит юноша, который меня кормит.

«Он лжет, — уверяю я себя. — Конечно, мама хочет тебя. Ты ей нужна в лаборатории», — только это уже не так. Меня лишили титула, не пускали к моим зельям. Она поймала меня с отцовским гримуаром.

— Дай мне это, — юноша выхватывает письмо у своего друга и шагает, читая, беззвучно произнося слова. Я хочу, чтобы он читал вслух, и в то же время благодарна, что он не озвучивает написанное.

Мать всегда вела Общество с энергией, граничащей с безжалостностью, но она всегда

была для меня матерью: учила меня и Маргариту искусству хиромантии и чтения по лицу, поддерживала нашу семью своим предсказанием судьбы, когда отец уклонялся от этой задачи, и даже после его смерти, когда ее глаза наполнялись слезами каждый раз, когда она смотрела на меня, она защищала меня, вводя более строгие правила в лаборатории. Я никогда не стану ее любимицей, но она никогда бы так от меня не отреклась. Она бы не стала.

Если это не было для «общего блага».

Юноша резко останавливается, сминает ужасное письмо в кулаке и бросает на пол. Это его не устраивает, и он хватается с головы треуголку и швыряет ее с ругательством. Его глаза дикие и маниакальные в свете факелов, пронизанные нитями расплавленного свинца. Его голос низкий и хриплый.

— Что же нам теперь делать?

Мальчик, которого я спасла, смотрит на потрепанную, промокшую шляпу.

— Что мы можем сделать? У нас нет рычагов, чтобы договориться о выходе из Парижа, и у нас нет союзников внутри.

— Мы должны что-то сделать, — кричит другой мальчик. — Анна и Франсуаза... — он прерывает себя и смотрит на меня. Я задерживаю дыхание, сдерживаю каждый мускул.

— Она мертва? — спрашивает мальчик, которого я исцелила.

— Возможно, — говорит другой.

Но я не умерла. И наконец, он сказал кое-что полезное. Анна и Франсуаза — это имена дочерей мадам де Монтеспан. Девочки, о которых он говорил, — внебрачные дочери короля. А без шляпы мне лучше видны выступающие скулы и крыжовниковые зеленые глаза мальчика, который меня кормит.

Когти дьявола, я хотела дать себе пощечину за то, что была такой слепой!

Уже несколько недель меня преследовало лицо Короля-Солнца, и мальчик — его точная копия. Не дофина, этот юноша прекрасен, как олененок, но, несомненно, внебрачный сын. И если трое братьев и сестер живы, держу пари, что дофин и мадам Рояль тоже рядом.

Все королевские дети здесь, в канализации.

И я им помогла.

Я прикусываю щеку изнутри, все сильнее и сильнее, пока теплая ржавая кровь не течет по моему горлу. Я бы кричала, если бы могла. Даже если бы я хотела вернуться в Лувр, сейчас это невозможно. Мама знает, что я была с членами королевской семьи. Единственный способ, чтобы она приняла меня, — это если я отведу ее в это убежище. Или если я убью их сама и вернусь в Лувр с их головами на блюде. Это был бы мой билет, мое убежище. Этим одним действием я закреплю за ней трон, стану ее любимой дочерью и героем Теневого Общества.

— Вариантов нет. Времени нет, — говорит мальчик, которого я исцелила. — Нужно бросить эту дыру и искать убежища и союзников в Савое. Вдвоем мы можем превзойти мятежников у блокад.

— Думаешь, мы можем одолеть дюжину стражей?

Юноша хитро улыбается.

— Я теперь капитан отряда.

Конечно, он капитан полиции. Только офицер был бы таким жестоким и хитрым. Крики его товарищей чуть не довели меня до слез во время осады Лувра, но теперь я с радостью представляю, как монстры Лесажа из дыма терзают этого мальчишку на миллион

кусочков. Вина медленно подкрадывается, и я ругаю себя за дурные мысли.

Принц-бастард бросает взгляд на туннель.

— Как думаешь, девочки могут уйти так далеко? Они с трудом могут сидеть прямо.

— Какой еще у нас выбор?

— Она могла бы им помочь, как она помогла тебе...

Офицер потирает затылок.

— Она ясно дала понять, что не поможет. Я говорю, что мы прикончим ее, бросим в Сену и уедем с первыми лучами солнца.

— С первыми лучами? — бормочет бастард. — У нас нет ни припасов, ни транспорта. И мы не можем просто сбросить ее в реку. Она нам помогла; я не хочу ее кровь на своих руках.

— Лучше ее, чем наша, — офицер разворачивается и бьет бастарда по плечу, уходит в туннель. — Как ты и сказал, она уже полумертвая. Это будет нашей виной лишь отчасти.

Я закрываю глаза и прижимаюсь к неровному полу, пока боль не расцветает во лбу. Если я ничего не сделаю, члены королевской семьи убьют меня с первыми лучами солнца. Если я вернусь в Лувр без их тел, мама сделает то же самое.

Это безнадежно. Невозможно.

«Нет ничего невозможного, — я вспоминаю вызывающий голос отца. — Думай!».

Мое сердцебиение учащается. Мои мысли путаются. В чем-то моя ситуация похожа на разработку новых зелий в лаборатории. Все, что мне нужно сделать, это провести расчеты, найти подходящие ингредиенты и заставить обстоятельства сложиться в мою пользу.

Алхимия в чистом виде.

Вот что я знаю: этот бастард не может позволить себе убить меня. Его сестрам нужно мое противоядие.

Выдохнув, я поднимаюсь с земли, как труп, поднимающийся из мертвых.

— Ваш план никогда не сработает, — говорю я. — Не без моей помощи.

8

ЙОССЕ

Дочь Ла Вуазен останавливает меня бездонными черными глазами. Алая кровь течет из пореза на ее лбу к подбородку. От этого волосы на моих руках встают дыбом.

— Т-ты жива, — лепечу я как дурак. — Я думал...

— Этот жуткий капитан полиции ушел, и нам стоит поговорить разумно, принц, — она делает акцент на титуле.

Я кашляю и пячусь.

— Как ты узнала...

Ее улыбка становится шире.

— Ты связал мне руки, не уши. Как жаль, что Анне и Франсуазе нездоровится. А дофин и королева в порядке? Ужасные условия убежища тоже не помогают.

Возмущение пылает на моих щеках, и я провожу ладонью по волосам. Я хочу кричать. Или что-то ударить. Почему я назвал их имена? Еще одна серьезная ошибка. Чем больше я нервничаю и бормочу, тем больше девушка улыбается. Я глубоко вдыхаю и выдыхаю носом. Спокойно.

— Я научился не вести переговоры с твоим видом, — я указываю на смятое послание ее матери. — Ла Вуазен тебя не хочет, значит, ты бесполезна.

Я разворачиваюсь, поднимаю шляпу с пола и опускаю на голову. Ручейки грязной воды текут по моему лицу и пропитывают мое пальто. Фантастика. Вдобавок ко всему, у меня будет сырая бессонная ночь.

— Я не бесполезна, — отрывистый голос девушки преследует меня по туннелю. — Я им нужна. Твоим сестрам.

— Нам от тебя ничего не нужно, — парирую я.

Мы оба знаем, что это ложь.

— Мы найдем лечение в другом месте, — говорю я.

— Нет. Не найдете.

— Да. Найдем, — рявкаю я на девушку. Мирабель. Но я не собираюсь называть ее по имени. Нет, если Дегре собирается убить ее утром. Это все равно, что назвать курицу, которую вы собираетесь зарезать на ужин. — Девочки сильные. Они смогут добраться до Савойи.

Она медленно качает головой.

— Обычный врач не может им помочь, и они никогда не доберутся туда. Никто из вас.

— Откуда тебе знать?

— Блокада вокруг Парижа защищена магией. Никто не входит и не покидает город без согласия моей матери.

— Магия? — кричу я, возвращаясь туда, где она лежит.

Она кивает.

— За этим стоит Лесаж, так что все прочно. И опасно.

— Ты лжешь, — торопливо говорю я. — Ты скажешь что угодно, чтобы спасти свою шкуру.

— Как думаешь, почему королевская армия еще не штурмовала город и захватила его?

Я стону и сжимаю кулаки, желая кого-нибудь задушить — в основном себя.

— Ты — сын короля, — продолжает она шелковистым и гипнотическим голосом. — Ты можешь делать то, что считаешь нужным. Освободи меня, и я помогу твоим сестрам.

— Я внебрачный сын короля. Я — никто.

Она закатывает глаза.

— У тебя много влияния. И ты дурак, если позволишь этому упрямому капитану полиции указывать тебе, что делать.

— Этот упрямый капитан полиции — мой лучший друг.

— Жаль, что это твой лучший друг. Твои сестры заслуживают жизни, и я тоже. По крайней мере, ты мне должен. Выбрось своего ужасного друга из головы и найди способ.

Выхода нет. Неужели она этого не видит? Мы все обречены.

Я поворачиваюсь и бреду по мутным лужам, выкрикивая ругань, которая гналась за мной по туннелю.

* * *

— Хлеб черствый, — ворчит Людовик, как только я вхожу в нашу комнату. Он ковыряет корку и бросает ее в лужу, где она мгновенно тонет в серой грязи.

Обычно я могу игнорировать его ворчание, но не сегодня. Не вдобавок ко всему. Я топаю туда, где он сидит, прислонившись к стене со скрещенными лодыжками, и выдергиваю оставшийся хлеб из его пальцев. Он затхлый — достаточно твердый, чтобы

отколоть зуб, — но даже если бы это было не так, Людовик пожаловался бы.

— Мои извинения, — бормочу я. — Я уберу это с глаз долой и скажу мадам Бисет, чтобы завтра приготовила сахарное печенье, — потом себе под нос добавляю. — Мы бы не застряли здесь и ели этот черствый хлеб, если бы ты выполнил свою роль во время шествия.

— Сколько раз я должен тебе говорить? Я попытался подвести тележку к кондитерской, но улицы были непроходимы. Меня раздавили бы. Не я виноват, а твой неадекватный план.

Я начинаю спорить, но признание девушки насчет защиты вокруг города останавливает мой язык. Людовик может быть прав. От этой мысли меня мутит.

Бросив на него взгляд, я прохожу через комнату, ломаю хлеб пополам и передаю половину Мари. Обычно она шепчет в знак благодарности и тихонько грызет, но теперь она заливается слезами. Конечно.

— Где, черт возьми, Дегре? — кричу я. Я хочу свернуть ему шею за то, что он оставил меня заниматься моей родней в одиночку.

— Он ушел наверх, — лепечет Мари. — Сказал, ему нужно выпить.

— Как и всем нам, — ворчу я.

— Сколько еще мы будем есть эти огрызки? — продолжает она. — Когда мы уйдем отсюда? — она смотрит на меня мокрыми голубыми глазами, и я не могу терпеть слезы. Я забираю хлеб — она даже не возражает — и иду к Франсуазе и Анне. Те, к счастью, молчат. Им не хватает сил, чтобы сесть, но они улыбаются, когда я опускаюсь рядом с ними.

Они берут хлеб рьяно, и Анна запикивает весь кусок в рот. Она не успевает проглотить, ее тело содрогается, и крошки летят мне на колени. Она сжимается рядом с Франсуазой и пропадает под их мокрым бесцветным одеялом.

— Это возмутительно, — вопит Людовик. — Мы с Мари не можем быть без еды.

— Поздно, — я жестоко улыбаюсь. — Черствый хлеб вам не по зубам. Думай об этом как о посте. Ты всегда был таким набожным. Что может быть более благородным, более христианским, более царственным, чем кормление бездомных бастардов? Отец гордился бы.

Тонкие губы Людовика сжимаются в линию, и он прислоняется к стене, неохотно фыркая. В отличие от меня, он всегда был набожным человеком, ходил на мессу с отцом с тех пор, как научился ходить. И, в отличие от меня, ему небезразлично, что подумает наш умерший отец.

Он переплетает пальцы, закрывает глаза и начинает молиться. Вслух. От его голоса у меня мурашки по коже, но, по крайней мере, его жалобы не адресованы мне. Хотя мне, вероятно, следует извиниться перед Богом — я сомневаюсь, что даже Его терпение бесконечно, чтобы выдержать стоны моего сводного брата.

Когда я снова смотрю на двух своих младших сестер, у меня перехватывает дыхание. Они почти неузнаваемы, с впалыми щеками и такой прозрачной кожей, что я могу видеть каждую синюю вену, тянущуюся по их рукам. Как до этого дошло?

Я провожу пальцами по их волосам. Не так давно они были густыми и сияющими, перевязанными лентами с бантами. Теперь они хрупкие и отлетают клочьями.

— Йоссе? — бормочет Франсуаза. Ее пальцы сжимают мои, так слабо, будто она привидение. Меня убивает мысль, что те же руки собирали бобы в саду, помогали Ризенде нести белье и дергали меня за волосы, когда она садилась мне на плечи. Свирепый кашель сгибает ее пополам, и ее рука ускользает. — Почему ты всегда должен покидать нас? — спрашивает она с тихим вздохом. — Так холодно без тебя...

Колючки вонзаются под моей кожей и проникают в мое сердце. Я бы отдал все, чтобы

занять их место, чтобы забрать их боль. Мои глаза горят, но я смахиваю слезы. Я нужен девочкам, должен быть сильным.

— Тише, я сейчас здесь, — я снимаю свой камзол и накидываю ей на плечи. — Я не хочу покидать вас, но я должен найти выход из Парижа и доставить вас к врачу.

Она прижимается ко мне.

— Людовик говорит, это безнадежно. Мы все тут умрем. Мы с Анной — первые.

— Что он сказал? — гнев вспыхивает во мне, и я хмуро смотрю на Людовика, который все еще молится в углу. — Вы не умрете, — обещаю я. Она смотрит на меня стеклянными голубыми глазами. Ее легкие хрипят с каждым слабым вдохом. — Я не дам вам умереть.

Я думаю о дочери Ла Вуазен в туннеле. Она может им помочь — я видел, как она спасла жизнь Дегре, — но она никогда не согласится.

— Расскажи нам историю, — Франсуаза дергает меня за рубашку.

— Хорошо. Что бы вы хотели? О заколдованном медальоне? Или лошади королевы фей? — я протягиваю руку поверх Франсуазы, чтобы коснуться Анны. — Я знаю, что это твоя любимая.

Анна не отвечает. Нахмурившись, я снова подталкиваю ее. Сильнее. Ее кожа под платьем кажется холодной, и она неестественно неподвижна. Не кашляет. Еле дышит.

Вдруг я тоже не могу дышать.

Я вскакиваю на ноги. Франсуаза с криком падает с моих колен, но нет времени ее утешать. Я приседаю рядом со своей младшей сестрой.

— Энни, проснись, — говорю я, мягко подталкивая ее. Ее лицо склоняется в сторону, как обвисшая, сломанная головка цветка. — Просыпайся! — я трясую ее сильнее. Мой голос кажется мне чужим, слишком высоким.

Людовик перестает молиться. Мари кричит и закрывает рот ладонью.

— Не дай ей умереть, — причитает Франсуаза, хватаясь за руку Анны. — Йоссе, не дай ей умереть! Ты обещал.

Мой взгляд отчаянно облетает комнату и останавливается на сумке с припасами, которую мы взяли у дочери Ла Вуазен. Я уже несколько раз пытался воссоздать лечебное средство — это не выглядело так сложно, когда она исцеляла Дегре. Но паста всегда разделяется и пахнет неправильно, и я не собираюсь разрезать сестер, чтобы проверить свою работу. Я стискиваю зубы, чтобы не зарыдать. Спасение моих сестер в пределах досягаемости, но ингредиенты в моих руках бесполезны.

Но не в ее.

Я подхватываю Анну, забираю сумку алхимических припасов и спешу в туннель. Пусть Дегре меня наказывает. Пусть Ла Вуазен найдет нас и пытает. Пусть я сгнию в Аду за то, что вру девушке и использую ее. Я не могу сидеть и смотреть, как Анна умирает.

— Что ты делаешь? — кричит Мари. — Дегре сказал...

— Мне плевать на его слова!

Мари закрывает лицо руками. Франсуаза продолжает визжать. Людовик становится белым, его глаза округляются от ужаса.

— Я не позволю! Если ты развяжешь отравительницу, она убьет всех нас.

Я не слушаю их, прижимаю тельце Анны к груди, спешу во тьму.

МИРАБЕЛЬ

Я почти спала, когда крики звучат в туннеле, а с ними шлепки ног по камню. Я поднимаюсь. Холод страха бежит ручейками по шее, и я дрожу, глядя во тьму. Бастард идет убить меня — или, точнее, офицер. Зачем ждать до утра? Единственное, что мне дали безрассудные переговоры, — это на несколько часов меньше жизни.

Шаги становятся громче. Ближе.

«Двигайся, Мира».

Я бьюсь о свои путы, но веревки глубже врезаются в мои запястья. Неблагодарные королевские особы! Исцеление капитана полиции должно было убедить их в том, что Теневое Общество не так уж и плохо — что некоторые из нас все еще разумны и способны на невероятные, спасающие жизнь новшества.

«Так тебе и надо, что ты предала нас», — шипит мама.

Разочарованный крик вырывается у меня из горла, но я не знаю, на кого я кричу: на мать за то, что она права, на членов королевской семьи за бессердечие или на себя за такую глупость.

— Ты! Девчонка! — голос бастарда эхом раздается из-за угла, грубый, напряженный и маниакальный. Секунду спустя он выходит из теней и бросается ко мне, как бык. Уверена, мерзкий офицер близко. Паникуя, я прижимаюсь к мокрой стене и вжимаюсь в камни. Я напрягаю каждый мускул, ожидая удара по голове или мечом по ребрам, но вместо этого чувствую свист воздуха. Мальчик падает рядом со мной на колени, неся вялый мешок с чем-то.

Нет.

Кого-то.

— Исцели ее, — умоляет он.

Я моргаю, глядя на него. У меня в ушах, должно быть, выросла плесень. Или, возможно, они отмерзли.

— Пожалуйста, — выдавливают он. В тусклом свете я могу разглядеть слезы, текущие по его лицу, и фигуру в его руках — маленькую девочку. Бледную и тонкую. Очень-очень тихую.

— Ты пришел не убивать меня? — шепчу я.

— Ты сказала, что можешь спасти ее, — он изо всех сил пытается говорить ровно, но его плечи вздрагивают, и он прячет лицо в лоскутках платья маленькой девочки. — Сделай это. Я дам тебе все, что ты хочешь.

Я поджимаю губы и жду, пока он встретится со мной взглядом.

— Ты знаешь, чего я хочу.

Бастард сглатывает, но кивает.

— Я отпущу тебя, клянусь. Только помоги ей. Быстро.

«Он врет, — голос матери трещит, как хлыст. — Ты знаешь, что он не выпустит тебя. Не давай одной жалкой девочке затуманивать твой разум и угрожать всему, чего мы достигли».

«И чего мы достигли?» — хочу я кричать на нее. Чем правление железным кулаком лучше Короля-Солнца, бросившего простых людей?

Я смотрю на девушку и трогаю атласный подол ее платья. Она не была заинтересована

ни в чем из этого — она попала под перекрёстный огонь. Как и я. Мы все — пушечное мясо на войне наших родителей.

Голос матери становится громче и отчаяннее: если они выживут, дворяне продолжают восстания против нас. Но я стискиваю зубы и изгоняю ее из головы. Я танцую, как марионетка на струнах Общества. Они отказались вести переговоры ради моей жизни. И запретили мне входить в лабораторию. Я им ничего не должна. Я предпочитаю придерживаться первоначальной цели Теневого Общества и полагаться на свои лечебные смеси — твердо придерживаться своих убеждений, как отец, — чем быть отравленным силой и амбициями, как матушка.

— Разрежь веревки, — говорю я. — У нас мало времени.

Приглушенно вздохнув, бастард кладет девушку на пол и разрывает мои путы. Сначала мои руки отказываются двигаться. После того, как я была связана столько дней, они хрустят, не слушаются, а мои плечи горят. Я стискиваю зубы и вывожу руки вперед, выкрикивая поток проклятий, которые посрамят даже Фернанда. Затем я ползу по луже туда, где лежит маленькая девочка. Она едва дышит.

— Хорошо... я могу работать здесь, но я бы предпочла лучшее освещение и более сухой пол.

Бастард смотрит то на сестру, то на меня, а затем на туннель, кусая губу.

Я раздраженно выдыхаю.

— Чем больше времени ты теряешь на недоверие ко мне, тем хуже ей становится. Я тебе не враг. Я ничего не знала о нападении на Версаль, я помогла тебе спастись от зверей Лесажа и исцелила капитана полиции, когда мне следовало его убить.

Он смотрит на меня, впервые за несколько дней смотрит мне в глаза, затем поднимает девочку и кивает мне идти за ними. Никто из нас не говорит, пока мы несемся в кромешной тьме. Мне нужна вся моя концентрация, чтобы перемещаться по покрытому слизью полу, благодаря моим затуманенным глазам и слабым, ноющим мышцам. По щекам стекает пот, но я приветствую влажность. Значит, у меня кончилась лихорадка.

Мы обходим несколько углов и поднимаемся в комнату, освещенную мерцающими факелами. Как только я прохожу под решеткой, тихий разговор прекращается, и три пары голубых глаз глядят на меня. Я киваю каждому из них, но члены королевской семьи не отвечают на мое приветствие. Мадам Рояль, которая выглядит примерно на мой возраст, смотрит на меня, как на ходячую чуму, морщит нос и щурится. Девочка рядом с ней, чуть более старшая копия той, что была в руках Йоссе, прячется за юбки своей старшей сестры, а дофин сидит в дальнем углу, его светлый парик свисает на его раздраженное лицо, его руки скрещены на сине-золотом камзоле.

Он вскакивает на ноги.

— Это безобразие! Она нас отравит. Или атакует нас злой магией.

Мари визжит и закрывает лицо руками.

— Достаточно! — кричит бастард. — Она никому не причинит вреда, — он смотрит на меня, осмеливаясь возразить ему. — Она здесь, чтобы помочь Анне и Фрэнни.

— Будь разумным, Йоссе! Ты не можешь поверить в это, — говорит Людовик.

— Должен, — бастард — видимо, Йоссе — отворачивается от дофина и ставит девочку на землю. Он поправляет ее платье и заправляет ее волосы цвета красного дерева за ухо, его пальцы удивительно нежно скользят по ее щеке.

— Это еще один из обреченных и безрассудных планов, — говорит Людовик опасным

голосом. — И я этого не допущу.

Йоссе приближается к нему.

— У тебя есть предложение получше? Нам дать малышам умереть? Или, может быть, тебе все равно, потому что мы бастарды?

Когда Людовик не отвечает, Мари выходит вперед, заламывая руки поверх покрытых грязью юбок.

— Конечно, мы не хотим, чтобы девочки умирали. Это просто... — она снова смотрит на меня и морщится.

Я поднимаю подбородок и сжимаю кулаки. Разве они не видят, что я пытаюсь помочь?

«Ты не всегда помогала».

Осознание этого заставляет меня отступить на шаг, и я внезапно не могу смотреть им в глаза. Людовик XIV был не просто королем. Он был их отцом.

И я убила его.

Не намеренно. Я не могла знать. Я вонзаю ногти в ладони, чтобы отогнать его раздувшееся лицо. А потом выдыхаю и киваю на принцессу без сознания.

— Нужно спешить...

Мари закрывает глаза и прижимает пальцы к ладоням — идеальная аристократка — но как только я прохожу к девочке, она оббегает меня и закрывает своим тонким телом младшую сестру.

— Прошу, не навреди ей.

Мои брови приподнимаются в шоке. Полнокровная принцесса жертвует собой ради бастарда. Маргарита не сделала бы так ради меня, а наша кровь идентична.

— Хватит глупостей, — рявкаю я, чтобы скрыть потрясение и долю вины. — Если будете мне мешать, девочка умрет. Не я тут в опасности.

Уже нет.

Мари смотрит на меня, ее глаза, полные слез, разглядывают каждое мое движение. От этого моя кожа покалывает.

— Принеси факел и чашу, — говорю я, чтобы она перестала пялиться, словно я — не человек, а что-то другое. — Живо!

Прикрывая вопль ладонью, она спешит по комнате, приносит мне факел. Йоссе добывает чашу, и я быстро смешиваю пасту. Они явно лазали в моих припасах. Мне хватало трав на шесть доз, но теперь хватит только девочкам, может, еще на одну.

— Кинжал, — говорю я Йоссе властным тоном.

— Нет! — кричит Людовик. — Ей нельзя доверять оружие, — но Йоссе достает кинжал и протягивает рукоятью ко мне. Он держится за рукоять дольше, чем необходимо, его глаза предупреждающе светятся.

Я выдергиваю кинжал, злясь из-за его неуверенности, и тем более тем, как его беспокойство проникает в меня. Мои пальцы дрожат, когда я наношу мазь на живот девушки. Лезвие соскальзывает, когда я прижимаю кончик к ее телу. Я делала это только один раз. Что, если это было удачей? Состояние этих девочек ухудшалось неделями, а не минутами. Что делать, если уже слишком поздно? Что, если я убью ее?

«Однажды ты станешь великим алхимиком — даже лучше меня».

При первом виде крови Мари хныкает и крепко сжимает плечи маленькой девочки. Ботинки Йоссе упираются мне в спину. Даже Людовик замолкает и наклоняется вперед, чтобы посмотреть.

Я тяжело сглатываю и задерживаю дыхание, пока кровь смешивается с густой серой мазью. Когда кожа девочки становится менее бледной, я выдыхаю с облегчением. Я хочу прыгать, танцевать и кричать от радости, но держу голову.

— Плотно прижмите ее платье к ране и постоянно давите, — я показываю Мари, как это делать. — И приведите другую девочку.

Мой голос стал сильнее. Мои руки устойчивы.

Это то, кем я являюсь, для чего я рождена.

Я представляю, как отец обнимает меня и кружит по лаборатории, как когда-то давным-давно — когда я впервые правильно сварила снотворное. Слабое эхо его смеха грохочет в моих ушах, когда я повторяю процесс со старшей девочкой, Франсуазой. Но ее лечение оказывается намного сложнее. Она корчится и пинается так сильно, что Йоссе приходится прижимать ее плечи к полу. Я работаю как можно быстрее, и, как только кровь пущена и раны у обеих забинтованы, я опускаюсь на ледяной пол. Несмотря на лужи и зловоние, мне хочется прижаться пылающим лицом к холодному камню и спать несколько дней.

Мари прислоняется к стене и обмахивает румяные щеки, смотрит на меня то с восторгом, то с недоверием. Йоссе ходит по комнате, как лев, сторожащий своих львят. А Людовик мрачно сверлит Йоссе взглядом, ворча и ругаясь под нос. Я знаю эти сжатые зубы и оскал — ту же горечь я сто раз видела на своей сестре. Хотя я сомневаюсь, что эти двое дружат, чтобы это поведение было приемлемым. Хоть мы с сестрой ссоримся чаще, чем ладим, это все еще пропитано любовью. Я так думаю.

«Что ты сейчас делаешь, Марго?» — она переживает за меня? Умоляла матушку забрать меня отсюда? Или рада, что осталась единственной дочерью Ла Вуазен?

Йоссе устает расхаживать и садится рядом с девочками. Его верность поражает: то, как он поправляет свой плащ на их дрожащих телах и приглаживает их тусклые кудри, как нежность его лица смягчает острые скулы и поджатые губы. Я разглядываю тонкий слой щетины на его подбородке, и как темные волосы падают на его глаза. Он младше, чем я думала — может, на год-два старше меня — и красивый, пока не угрожает меня убить.

— Нравится, что ты видишь, отравительница? — гнусавый голос Людовика звенит в комнате.

Я дергаюсь и отвожу взгляд.

— Я не знаю, о чем ты.

Смех Людовика жестокий.

— Ты практически пожираешь моего брата-бастарда глазами. Если хочешь, можешь забрать его. Он был бы весьма полезен в твоей работе, учитывая его кухонный опыт.

Йоссе скрипит зубами так сильно, что у виска подрагивают мускулы. Мари смотрит на Людовика.

— Хватит, — рявкает она.

— Что? — говорит Людовик. — Мне нельзя говорить правду? Он — не принц. Он — слуга с кухни. Наш отец никогда не одобрял его, поэтому я не вижу причин, по которым я должен.

Глаза Йоссе вспыхивают огнем.

— Я не хотел одобрения короля. Хотя понятно, кого он сейчас посчитал бы более компетентным. По крайней мере, я пытаюсь! Ты просто сидишь и жалуешься, пока Теневое Общество захватывает твой город. Даже отравительница полезнее, — он машет рукой в мою сторону. Я знаю, что он пытается ранить Людовика, но все равно вздрагиваю, ненавидя это

слово. Ненавижу то, что я сделала. Ненавижу то, что сколько бы раз я ни проявила себя, я никогда не выйду из тени матушки.

— Ты пожалеешь об этих словах, брат, — цедит дофин.

Смех Йоссе презрительный и злобный.

— Что ты сделаешь? Свяжешь меня шелковыми лентами? Будешь бить меня тапочками на красном каблуке? Или, знаю, задушишь меня своим крысиным паричком?

Щеки Людовика пылают, а рот открывается и закрывается.

— Я требую тишины, — бормочет он, наконец.

— С радостью, — Йоссе вытягивается на спине и закрывает треуголкой лицо. Мари сворачивается клубком на боку. Я очень хочу последовать ее примеру. Мои руки дрожат, как листья, и веки трепещут.

«Не засыпай, — приказываю я себе. — Неизвестно, что с тобой сделают члены королевской семьи», — но Мари не кажется такой уж плохой, просто чрезмерно опекающей. Людовик никогда не рискнет прикоснуться к немывтым паразитам. И Йоссе кормил меня. Он доверил мне исцелить его сестер. Он обещал освободить меня...

Серые пятна загуманивают края моего зрения. Сколько времени прошло с тех пор, как я хорошо спала? Дни? Недели? Тьма окутывает меня, и я тону. Невыносимо тяжелая. Я прижимаюсь к стене и сдаюсь в изнеможении. Члены королевской семьи вполне могут убить меня, но, по крайней мере, я пыталась искупить свою вину. Я доказала, кто я и где я стою, в своем последнем поступке. Удовлетворенная, я теряю сознание с крохотной улыбкой на губах.

* * *

Я просыпаюсь от звука, который давно не слышала: смех. Высокий, мелодичный и веселый. Я вскакиваю, и мое тело протестующе кричит. Шея затекла, и почти невозможно повернуть голову. Я моргаю в темноте, на мгновение ослепшая, вытирая сон с глаз.

Маленькие девочки сидят. Им приходится держаться за стену для этого, а меньшая, Анна, все еще ужасно бледна, но они живы. И больше не испещрены ужасными зелеными шишками. Йоссе сидит перед ними на коленях, рассказывая им историю. Он машет руками над головой и щелкает по носу Франсуазы. Ее восторженный визг приподнимает уголок моих губ.

Я так увлечена наблюдением за ними, что не слышу приближения Мари, пока она не опускается рядом со мной и не берет мои ладони в свои.

— Спасибо, — она краснеет. — Тысячу раз спасибо.

Йоссе поворачивается на звук ее голоса. Его улыбка сияет ярче, чем солнце в полдень, а глаза зеленее, чем холмы летом. Мою грудь сдавливает, и сквозь тело пробегает забавное покалывание. После всего, что я сделала, я никогда не думала, что кто-то будет смотреть на меня с такой надеждой и благодарностью. Я также не думала, что они будут прижимать мои руки к груди, смачивая мои пальцы слезами, как это делает сейчас Мари. Я даже замечаю усмешку Людовика в углу, и во мне растет волна эмоций.

— Это сработало, — кричит Йоссе. Он подбегает и душит меня в объятиях. Я вскрикиваю от удивления, а девушки хихикают. Звук наполняет мои кости теплотой, силой и правильностью. — Ты молодец, — продолжает Йоссе. Но его похвала, как пощечина, попадает по моей щеке, и мое тело напрягается.

Я не такая героиня, как они. Может, я и спасла маленьких девочек, но все же убила их отца.

Йоссе наклоняется ближе, прежде чем отпустить меня, его губы касаются моего уха.

— Я провожу тебя в целости домой. Клянусь.

Я отодвигаюсь на пару шагов. Я не хочу возвращаться в матери и Теневому Обществу. И это невозможно из-за их записки с выкупом. Даже если я скажу, что сбежала, матушка знает, что я была тут с королевичами, так что будет ждать, что я приведу Теневое Общество в их укрытие. Она убьет этих невинных *детей*. Вина все сильнее обвивается вокруг моей шеи, и во рту появляется неприятный привкус.

— Нет, — шепчу я.

Йоссе смотрит на меня так, будто я только что отказался от золота в сундуке Короля-Солнца.

— Но ты сказала...

— Я сказала, что хочу свободы.

Его зеленые глаза смотрят мне в глаза.

— Я найду способ сдержать свое обещание. Поверь мне, — он берет меня за руку и проводит к девочкам. — Что нужно сказать Мирабель?

Мирабель. Не отравительница. Не *La Petite Voisin*. *Мирабель*.

Франсуаза застенчиво смотрит вниз.

— Спасибо, что исцелила меня. Прости, что я подняла такой шум.

— Не надо извиняться, — я предлагаю ей пожать руку в знак перемирия, но маленькая Анна бросается в атаку. Она опускает меня на пол и забирается мне на колени, прижимаясь к моей груди. Такое ощущение, что меня пнули под живот, только не больно. Это скорее ощущение цветения и жжения. Прилив жара, который выбивает мое сердце и прижимает его к горлу. Медленно и с особой осторожностью я обнимаю Анну за плечи.

— Я рада, что тебе стало лучше, — говорю я, но мой голос становится хриплым. Она сжимает сильнее, и я закрываю глаза, отчаянно пытаюсь сохранить это чувство, эту целостность, пока резкий лязг металла не заставляет мои веки распахнуться.

Я отрываюсь от Анны, Мари ругается, и Йоссе вскакивает на ноги.

— Невероятно! — капитан полиции стоит на входе в канализационную камеру, его меч дрожит у его ног.

Все во мне сжимается.

Йоссе не успеет сдержать обещание.

Уже утро. И офицер вернулся, чтобы убить меня.

10

ЙОССЕ

— Может, объяснишь, почему твои сестры *обнимают* нашу пленницу? — Дегре кипит.

— Ты вовремя пришел, — вмешивается Людовик. — Это возмутительно. Бастард...

— Она исцелила девочек, — вмешиваюсь я, глядя голову Франсуазы, робко улыбаясь Дегре. Надеюсь, что этого объяснения ему хватит. Надеюсь, что он передумает.

Его лицо искажает гнев, да, но неожиданные эмоции мерцают под поверхностью. Обида блестит в его глазах. Предательство капает с опущенных уголков рта.

Это намного хуже.

Я ослабляю воротник, но не могу дышать. Сердце стучит так сильно, что мадам Бисет, наверное, слышит в кондитерской. Дегре медленно склоняется и поднимает рапиру. Когда он выпрямляется, у него стальное лицо. Он поправляет хватку на рапире и сжимает зубы. У

меня меньше десяти секунд, чтобы принять решение, прежде чем Дегре сделает это за меня.

Я бросаю взгляд на Мирабель, и она смотрит в ответ, ее глаза круглые, как блюдца. «Ты обещал», — кричит она, не говоря ни слова.

Губа Франсуазы за ней начинает дрожать. Анна хватается Мирабель за руку. Я знаю, что сделали бы мой отец или его министры: вырвали бы обещанную свободу из ее рук, как куски хлеба, которые они обещали крестьянам. Но не таким я хочу быть. Я из королевской семьи другого рода, и если я хочу, чтобы девочки последовали моему примеру, я должен быть первым. Выступить за что-нибудь.

«Будь сильным, Йоссе».

Я выдыхаю, вытираю липкие ладони о штаны и шагаю к Дегре.

— Мы можем поговорить наедине?

Он хмурится, но позволяет мне обнять его за плечи и увести в туннель. Было бы проще, если бы я позволил ему избавиться от Мирабель. Ее люди убили моего отца — хотя она и заявляла о своей невинности — и если я ее отпущу, она легко может выдать нас своей матери. Я должен думать о безопасности своих сестер.

Но моих сестер не было бы в живых, если бы не она.

— Ну? — Дегре отталкивает меня, как только мы поворачиваем за угол. — Что ты можешь сказать?

— Прости, — и я пинаю его и бью ботинком по его запястью. Когда его меч падает на землю, я бью кулаком по его виску. С его губ срывается тихий вопль, и он падает на мокрый каменный пол. Я смягчаю его падение, как могу. — Мне правда очень жаль, — шепчу я, прежде чем броситься обратно тем же путем, которым мы пришли. Он придет через несколько минут, если нам повезет. Секунд, если нет. — Нам нужно уходить сейчас, — кричу я, врываясь в комнату.

Людовик поднимается на ноги, его глаза дикие.

— Где капитан Дегре? Что ты наделал?

Он пытается встать на пути, но я отталкиваю его.

— Это не твое дело, — я протягиваю Мирабель руку и поднимаю ее. — Надеюсь, ты можешь бежать.

— Предатель! — кричит Людовик. Он вытаскивает рапиру из кучки своих вещей и направляет ее на меня. Его плечи вздымаются, пот выступает на лбу. Стальной клинок блестит в свете факела, острие вспыхивает. — Ты не можешь освободить ее.

— Отойди. У меня нет времени драться с тобой, — говорю я, но мы оба знаем, что я не смог бы победить его мечом, даже если бы у меня было все время на свете.

— Назад, — Людовик поворачивает запястье, и его клинок пролетает мимо моей щеки, останавливаясь чуть ниже моего подбородка. Анна и Франсуаза ахают, и Мирабель сжимается позади меня.

Я кричу от разочарования и хватаюсь за кинжал в сапоге. Против его рапиры это не поможет, но мы с Мирабель не можем находиться в этих туннелях, когда Дегре проснется. Он без колебаний убьет ее и заставит меня пожалеть, что я не умер. Я собираюсь сделать выпад, когда что-то белое пробегает сбоку. Мари бросается к Людовику с леденящим кровь криком, и они врезаются в каменную стену. Людовик стонет, и его рапира улетает в лужу.

— Идите! — выдыхает Мари. — Уводи ее!

Я смотрю на мадам Рояль полсекунды, затем сжимаю запястье Мирабель и бросаюсь в туннели. Мы слепо мчимся сквозь темноту, преследуемые эхом наших шагов.

«Что ты наделал? — слова стучат у меня в ушах. — Ты предал своего лучшего друга. Под угрозой твои сестры».

И все же я продолжаю бежать, и правильность моего выбора подстегивает меня. Жизнь за жизнь. Три жизни, если вести счет.

Я выхожу через люк в полу в кондитерскую, подтягиваю Мирабель за собой и киваю мадам Бисет, когда мы бросаемся к двери. Но старуха бросает взгляд на редкое платье Мирабель и кидается за нами.

— Вот и нет, хитрый гульфик! — она опускает люк, и мука взлетает в воздух. Пока я кашляю, она бросается сквозь туман, как волк сквозь снег. — Что я говорила о шляхах в моем магазине? — она ловит пальцами прядь волос Мирабель и фыркает. — Грязная вонючая шляха. Если она заразная...

Я вонзаю локоть в пухлый бок мадам Бисет и выбегаю на улицу Сент-Оноре. Ее крики преследуют нас, пока мы бежим по улицам, пока мы не добираемся до Площади Побед и прячемся за магазином свеч. Еще рано, магазины темные и закрытые, даже тележек с товарами нет на улицах. Я отпускаю Мирабель и сгибаюсь, упирая руки в колени. Она прислоняется к стене, издает звуки, похожие и на всхлипы, и на смех.

Воздух тут пахнет дождем, а не похлебкой, и брусчатка блестит в свете раннего утра. Я глубоко дышу носом, пока напряжение не отпускает мои плечи.

— Не верится, что мы смогли, — говорю я.

— Не верится, что ты освободил меня, — темные глаза Мирабель большие от шока.

— Я же обещал.

— Да, но... — она смотрит в сторону, откуда мы пришли, потом на меня и пожимает плечами. — Значит, мы квиты, принц.

Она отталкивается от стены, поправляет изорванное красное платье и идет по улице, не оглянувшись. Не сказав «спасибо». Довольно грубо, учитывая, что я рискнул всем, чтобы помочь ей. Но это только половина причины, по которой мне не по себе: если она уйдет, она может пойти куда угодно. Сделать что угодно. В этом и заключается свобода, напоминаю я себе. Но здесь, когда город тянется в тысячах направлений, свобода кажется слишком свободной. Предупреждения Дегре кажутся вполне реальными. И вероятными. Она могла солгать о том, что не вернется к матери. Она могла спасти девочек, чтобы завоевать мое доверие. Возможно, она хочет привести Теневое Общество в канализацию.

Нет. Я видел выражение ее лица, когда она исцеляла девочек. Я видел, как она вздрагивала и съеживалась, когда Дегре осуждал ее за отравление. Она нас не предаст.

«Готов ли ты поставить на карту жизни Анны и Франсуазы?».

Ругаясь, я вытираю вспотевшее лицо туникой и бегу за ней.

— Куда ты идешь?

Мирабель ускоряет шаг.

— Не вижу, чтобы это было твое дело.

— Допустим, но я бы чувствовал себя лучше, если бы...

Она поднимает руку и оборачивается.

— Ты похитил и угрожал убить меня. Меня не волнуют твои чувства.

— Да, но я и спас тебя...

Она бросает на меня сердитый взгляд.

— Как я уже сказала, мы квиты, — она поворачивает за угол и движется по наклонным улочкам к Монтемартру — району на склоне холма с видом на центр города. Я смотрю, как

она уходит, пальцы ног чешутся в ботинках.

«Ты не пойдешь. Ты больше ничего не можешь сделать».

Позади меня хрустят камешки, и я оглядываюсь. Волосы на шее встают дыбом, когда я смотрю на зловещие тени и затемненные углы. Дегре мог быть где угодно. Или ее мать Ла Вуазен. Даже если Мирабель не вернется в Лувр, Теневое Общество может схватить ее и заставить сообщить местонахождение моей родни.

Мои сестры в опасности, если она не будет надежно спрятана.

Я высоко поднимаю воротник, опускаю шляпу и слеую за ней на расстоянии. Мы поднимаемся мимо убогих игорных домов и рядов домов терпимости с выкрашенными в красный цвет дверями.

— Я знаю, что ты все еще здесь, — говорит Мирабель с раздраженным вздохом. Она поворачивается и скрещивает руки на груди. — Почему?

Я поднимаю руки и выхожу из тени.

— Я только пытаюсь помочь. Дегре будет охотиться на нас. А город наводнен слугами твоей матери...

— Я знаю. Я буду избегать их.

— Как?

— Опять же, я не вижу...

На мостовой раздаются шаги. Прежде чем мы успеваем даже подумать о том, чтобы поискать укрытие, группа адвокатов появляется из-за угла с полированными кожаными футлярами и напудренными париками. Мирабель расслабляется, но я остаюсь неподвижным, как камень, глядя в ее лицо, пока они не скрываются из виду, и она, наконец, смотрит на меня.

— Что? — шипит она.

— Если бы это был Дегре, ты была бы мертва!

— Что ты от меня ждешь?

— Что ты спрячешься. Как разумный человек, — я смотрю на дорогу, и мой взгляд останавливается на заброшенном магазине шляп между двумя игорными притонами. Там темно и скромно, окна заколочены, ступеньки рушатся. — Как на счет того места?

Брови Мирабель опускаются ниже, и она начинает качать головой.

— Только до вечера — чтобы Дегре нас не преследовал. Подожди, пока улицы не опустеют, и тогда ты сможешь раствориться в тенях полуночи.

— Солнце едва встало!

— Ладно. Не надо. Но мне придется за тобой идти. Для твоей защиты.

— Тебе больше нечем заняться?

— Я хотел бы увести сестер из этого города, мы не заберемся далеко, если Теневое Общество поймает тебя и заставит выдать наше убежище. Так что нет, у меня нет занятия лучше.

Мирабель запрокидывает голову и со стоном переходит дорогу к магазину шляп.

Я выжидаю, проверяю улицу и бегу за ней.

— Я слушаюсь, но ты все равно следуешь, — заявляет она, когда я догоняю ее на лестнице.

— Куда мне идти? Меня больше не ждут в канализации.

— В этом городе должен быть еще один заброшенный магазин. Желательно на противоположной стороне.

Я закрываю дверь магазина, и толстый слой падает стекает с изъеденных молью шляп и лент, свисающих над головой. Мы спотыкаемся в тумане, кашляем и задеваем друг друга. Я бьюсь коленом об длинную низкую стойку в центре комнаты, а затем врезаюсь в полки у задней стены. Они завалены пуговицами, нитками и загнутыми иглами, одна из которых впивается в мой палец. Даже полки меня не поддерживают.

Я так устал бороться — с Мирабель, с Дегре, с Людовиком и даже с мадам Бисет. Я до костей устал. Сильнее, чем после долгого дня мытья посуды в посудомойке.

Я падаю на пол у одного окна, вытягиваю ноги перед собой. Мирабель подходит к другому окну и смотрит в щель между досок.

Минуты идут медленно. Я смотрю, как розовые и оранжевые лучи восхода пересекают холм, озаряя соломенные крыши. Постепенно улицы заполняются телегами, экипажами и людьми, покупающими хлеб и сыр. В какой-то момент мне кажется, что я вижу человека в длинном черном пальто, идущего к магазину, и вскакиваю на ноги. Но потом я вспоминаю, что Дегре больше не носит свою форму, и опускаюсь.

Мирабель игнорирует меня с твердой решимостью, и я пытаюсь сделать то же самое, но мои мятежные глаза продолжают метаться к ней, блуждать по ее сжатой челюсти и скользить по ее длинной тонкой шее. Даже в грязном рваном платье и со спутанными волосами она одна из самых потрясающих девушек, которых я когда-либо видел.

«И тебе не стоит думать о ней так».

Но она говорит, что не была связана с нападением...

«Конечно, она так говорит».

Она смотрит на меня из-под темных ресниц.

— Что?

Мои щеки пылают. Я не собираюсь говорить ей, что восхищаюсь россыпью веснушек на ее носу, поэтому сразу перехожу ко второй части:

— Как ты могла не знать о нападении на Версаль?

— Я не входила в ближайшее окружение моей матери. Я понятия не имела, что она планировала отравить Короля-Солнца, штурмовать дворец или захватить Париж. Ничего подобного. Я была в таком же ужасе, как и ты.

— Я очень в этом сомневаюсь, — я вздрагиваю при воспоминании о крови, капающей из моих рук, о стене хищного пламени, о Ризенде, падающей на землю. Кошмары все еще преследуют меня.

— Я была достаточно напугана, чтобы бросить ей вызов, — говорит она своим рукам. — Отвернуться от семьи, Общества и всего, ради чего я работала всю жизнь.

«Ого, какая жертва. Как это, должно быть, ужасно — повернуться спиной к ведьме, крадущей трон...» — такой ответ сразу приходит на ум, но она выглядит такой несчастной, сидя там, обвив тощими руками колени, поэтому вместо этого я говорю:

— Ты не должна себя так чувствовать.

С ее губ срывается презрительный смех, и она смотрит на меня, приподняв бровь.

— Откуда ты можешь знать, что я чувствую, принц?

— Что ж, твоя мать оставила тебя умирать в руках своих врагов, и теперь ты в бегах без плана и защиты. Так что я могу представить, что ты чувствуешь себя брошенной, преданной, одинокой, обиженной. Продолжать? — она напрягается, но я не даю ей возразить и быстро добавляю. — Я ощутил такое, будучи нежеланным бастардом короля.

Она прикусывает губу и молчит так долго, что я думаю, что разговор окончен. Но затем

она мягко говорит:

— Я так старалась. Я делала все, что она просила — все, чтобы заслужить ее одобрение.

Когти дьявола, я была душой. Как собака, выпрашивающая объедки.

Я мудро киваю.

— Уловка в том, чтобы не переживать. Если не хочешь их признания, они не имеют над тобой власти. Они не причинят тебе вреда.

Мирабель поворачивается ко мне, свет из окна падает на ее недоверчивое лицо.

— Ты не хотел одобрения короля?

— Нет.

— Я тебе не верю.

Я напрягаюсь. Даже она считает меня пресмыкающимся.

— Я не хотел этого годами. Можешь спросить кого угодно при дворе. Я был проклятием Его Величества.

Мирабель поджимает губы и изучает меня.

— А как насчет твоих сестер?

— Что насчет них?

— Очевидно, ты заботишься о них.

— Какое это имеет отношение к моему отцу?

Она закатывает глаза.

— Почему ты думаешь, что ты такой заботливый? Как ты думаешь, почему ты сейчас так отчаянно пытаешься стать героем? Чтобы доказать, что ты лучше Людовика?

— Во-первых, я лучше Людовика — это не сложно. Во-вторых, я люблю Анну и Франсуазу, потому что они единственные, кто когда-либо любил меня. Их защита не имеет ничего общего с угождением Его Королевскому Величеству.

— Как скажешь, — лицо Мирабель выражает сожаление — как будто я такой же грустный и растерянный, как она, а это определенно не так. Этот хныкающий мальчик, которому требовалось одобрение отца, умер целую жизнь назад. Я сам его похоронил.

— Не знаю, почему я так беспокоюсь, — бормочу я. — Было глупо думать, что отравитель понимает.

Мирабель вздрагивает, но я не извиняюсь. Ее темные глаза впиваются в мое лицо, но я отказываюсь смотреть на нее.

Наконец, она фыркает и смотрит в сторону.

— Ты начал разговор.

— Что ж, не следовало.

— Ладно.

— Ладно.

Мы сидим в тишине, проходят часы.

Принц и отравитель.

Заперты в одной комнате, но на противоположных концах света.

11

МИРАБЕЛЬ

Я сжимаю юбку кулаками — чтобы не пересечь магазин и задушить бастарда — и смотрю, как солнце медленно движется аркой по небу. Утро переходит в полдень, затем в вечер. Как бы мне ни хотелось покинуть это место, он прав — это будет безопаснее под покровом ночи. Поэтому я барабаню пальцами по полу и считаю секунды, пока не стемнеет, и я смогу освободиться от него.

Никогда в жизни я не встречала никого настолько упрямого. Намеренно упрямого! Сидит там со своим наплевательским отношением.

«Я тебя вижу! — хочу кричать я. — Ты так же отчаянно нуждаешься в одобрении, как и я. Может быть, даже больше, потому что ты слишком слеп, чтобы это понять».

Я оглядываюсь и надеюсь снова увидеть его взгляд — чтобы сделать резкое замечание. Но он задремал. Его длинные ноги вытянуты перед ним, руки заправлены за голову, шляпа частично приподнята над глазами. Во сне он выглядит моложе — его челюсть уже не напряжена, и он уже не хмурится. Прядь темных волос выскользнула из пучка на затылке и свисает с лица. Мои пальцы дергаются, необъяснимо желая убрать волосы ему за ухо.

Он невозможен. И бесит. А еще в отчаянии, одинокий и страдающий.

Как я.

«Ты не должна так себя чувствовать».

Я хочу сказать ему его слова. Не для того, чтобы втирать соль в его раны, а потому, что они правильные. Мы больше похожи, чем любой из нас мог бы признать. В другой жизни мы могли бы быть друзьями.

Но не в этой.

Он может быть бастардом, но он все еще королевич. Он вырос при дворе, не обращая внимания на голод, болезни и бедность, с которыми я боролась всю жизнь. А еще неоспоримый факт, что я убила его отца. Не знаю, почему я упустила эту довольно важную

деталь, когда он спросил о Версале. Может, я не хочу принимать свою роль в этом; может, я менее виновата, чем мать и Маргарита, но вряд ли я безупречна. Или, может, причина корыстная. Он никогда бы не даровал мне свободу, если бы знал правду.

Йоссе настаивает, что не хотел ничего от Людовика XIV, но это ложь. В глубине души он любил отца. Отчаянно.

Потому мы пойдем разными путями. У меня есть план, и он не включает в себя скрываться, как трус, пока Теневое Общество разоряет город. Нет, если я могу помочь людям и успокоить нытье вины, толкающей меня в живот. Я встаю на колени и смотрю между досками, прибитыми к окну, ожидая, пока не пройдет половина ночи, и игорные залы по обеим сторонам умолкнут. Затем я собираю юбки и на цыпочках прохожу через магазин. В дверях я украдкой бросаю еще один взгляд на Йоссе — лунный свет танцует по острым граням его красивого, но раздражающего лица — и выхожу в холодную ночь.

Быстро осмотрев улицу, я направляюсь на юг, к реке. Точнее, в сторону Лувра.

Возможно, я не смогу изменить то, что сделала, но я могу попытаться искупить свою вину.

Я двигаюсь к центру города, мимо Пале-Рояль, который, без сомнения, наводнен сторонниками Теневого Общества, и собираюсь свернуть на улицу Сент-Оноре — улицу, граничащую с северной стеной Лувра, — когда чья-то рука вылезает из темной ниши и хватается меня за горло. Мгновение спустя пальцы скользят по моим губам, заглушая мой крик.

— Ты грязная мелкая лгунья!

Я ожидала увидеть Фернанда, Маргариту или другого высокопоставленного члена Теневого Общества. Но серо-зеленые глаза Йоссе смотрят на меня. Кончики его пальцев впиваются в кожу над моей ключицей.

— Невероятно, — бурчит он.

— Т-ты! — выдавливаю я, когда его рука соскальзывает с моих губ. — Ты спал.

— Нет. Я тебя проверял. И ты провалилась. Бежишь к матери, несмотря на твои милые обещания. Я должен был позволить Дегре убить тебя.

Я вырываюсь, но его хватка усиливается.

— Я не бегу к маме.

Йоссе прищуривается.

— Ты просто решила погулять мимо ее крепости?

— У меня есть план, — я снова отступаю, и на этот раз вырываюсь.

— И что это за план?

Я обвиваю грудь руками, потираю места, где его пальцы надавили на мою кожу.

— Не вижу в этом твоего дела, но я собираюсь дальше работать на Теневое Общество — как оно должно работать, — добавляю я, и он фыркает. — Убийство короля и захват города не были нашей целью. Мы всегда переживали за обычных жителей, варили лекарства и тоники от голода, любовные зелья.

— Не пойму, зачем для этого идти в Лувр. Ты же не думаешь, что последователи Ла Вуазен пойдут за тобой?

— Нет, но я могу украсть алхимические припасы.

Он притихает на миг. Его тяжелое дыхание вылетает паром между нами.

— Твои намерения благородны... если ты говоришь правду, — добавляет он после паузы. — Я не могу позволить тебе так рисковать.

— Почему? — я перебиваю его. — Обычные люди не стоят риска?

Его глаза вспыхивают.

— Я — простолюдин.

— Ты? Серьезно?

Он недовольно тянет за воротник.

— Мы ушли от темы. Я должен благополучно увести сестер из Парижа, прежде чем твоя мать найдет нас, поэтому я не могу позволить тебе поднимать шум, тебя не должны поймать. В любом случае это безумие — думать, что один человек может что-то изменить.

— Да, принц? — я делаю смелый шаг ближе, носки моих ботинок задевают его. Он на голову выше меня, но мое возмущение доводит меня до его уровня. — Разве я ничего не изменила, когда воскресила твоих сестер и Дегре?

— Да, но...

— Разве другие не заслуживают такой милости? — его рот приоткрывается, но я не позволяю ему говорить. — Я не прошу твоего разрешения. Я свободна делать, что хочу. Ты можешь продолжить свой путь, помочь мне или убить меня. И поскольку мы оба знаем, что третий вариант тебе не по вкусу...

Он срывает треуголку и проводит пальцами по взлохмаченным волосам.

— У меня нет времени помогать всему проклятому городу!

— И не надо. Беги обратно в канализацию, — я выхожу из ниши и продолжаю идти по улице Сент-Оноре к сторожке в стене дворца, хотя не совсем понимаю, как попасть внутрь. Возможно, когда будут меняться охранники...

Я останавливаюсь под навесом мясной лавки через дорогу и разглядываю ворота, их острые железные зубы вонзены в землю. Я запрокидываю голову и хмуро смотрю на валы, которые поднимаются выше крыш фахверковых домов.

— Ты хочешь смерти? — Йоссе материализуется рядом со мной, хватая меня за локоть и тянет по улице. — Тебя поймают в течение часа, если ты попытаешься там пройти. Идем. Я прожил здесь полжизни. Я проведу тебя внутрь.

— Я думала, у тебя нет времени помочь?

— Нет. Но у меня будет еще меньше времени, если тебя схватят.

Он ведет меня мимо дворца по мокрому берегу Сены, заводит в камыши. Холодная грязь проникает сквозь платье, и я дрожу от ночного ветра над рекой.

— Это не выглядит как дворец, — говорю я.

Йоссе хмурится и вытаскивает кинжал из ботинка.

Я с опаской смотрю на оружие, но не даю себе вздрогнуть.

— Ах, ясно. Ты все-таки решил меня убить.

— Мы оба знаем, что я тебя не убью, — он протягивает мне кинжал рукоятью вперед. — Обрежь волосы.

Я инстинктивно касаюсь кудрей.

— Зачем?

— А ты как думаешь? — он вертит руками вокруг своей головы, и это возмущает меня.

— Они не такие и растрёпанные.

— Тебя мгновенно узнают. Волосы — небольшая плата за спасение людей. Отрежь их.

Я нехотя беру кинжал и делаю, как он говорит, отрезаю кудри прямо над ушами. К тому времени, когда я заканчиваю, меня окружают кучки светло-каштановых волос — будто я постригла ягненка — и я молча оплакиваю длинные вьющиеся пряди, которые уносятся по

реке. Мои уши еще никогда так не мерзли.

— Что теперь?

— Теперь мы ждем.

Мы сидим, дрожим, промокшие, вечность, пока очертания Лувра не становятся серо-розовыми. Когда солнце поднимается над водой, группа дворцовых горничных спускается по набережной, снимает платья и прыгает в Сену.

Я злобно улыбаюсь бастарду-принцу.

— Осмелюсь спросить, откуда ты знаешь, когда служанки приходят к реке купаться?

— Молчи и возьми платье.

— Они тебя узнают?

— Только если ты продолжишь говорить и привлекать их внимание.

Мы скользим на животах туда, где девочки оставили свою одежду, и я с кряхтением тяну за колючий комок шерсти. Еще теплое от тела, а подмышки немного влажные. Я смотрю на реку. Какая-то бедняжка вылезет из ледяной воды и не найдет ничего, кроме камней и камыша, но у меня нет времени чувствовать себя виноватой, потому что, когда я смотрю налево, я вижу, что Йоссе каким-то образом втиснулся в серое платье горничной. Я смеюсь и зажимаю рот рукой.

— Ни слова, — говорит он, злобно завязывая шнурки чепчика под подбородком.

Путь от реки до дворца короткий, и мы в мгновение ока добираемся до задней сторожки. К счастью, часовые в масках слишком заняты игрой в карты, чтобы заметить пару горничных в плохо подогнутой форме, поэтому мы склоняемся и без проблем проходим внутрь.

Внезапно нас окутывает бурная деятельность. Члены Общества в масках снуют во внутреннем дворе. Некоторые маршируют, другие сражаются с рапирами и кинжалами. Полковники в сливовых ливреях шагают по навесной стене, выкрикивая приказы. От этого зрелища у меня перехватывает дыхание. Я знала, что Общество велико, но поразительно видеть их всех в одном месте. И еще более тревожно видеть, как они тренируются, как настоящая армия.

Йоссе озирается, потом бросает на меня взгляд. Как будто я в одиночку завербовала каждого из них. Или просто забыла сказать ему, что у матери легионы солдат. Но я шокирована не меньше. Мы не такие.

— Идем, — тихо говорит Йоссе. — Хозяйственные постройки для прислуги находятся за замком, — он ведет нас вдоль навесной стены и вокруг ближайшей сторожевой башни, но как только он выходит во двор, он резко останавливается. Я врезаюсь ему в спину и начинаю ругать его за то, что я чуть не разбила нос, но он уже ругается за нас двоих.

— Черт, черт, черт.

В центре площади возведена массивная стальная клетка. Грубые решетки толщиной с мою талию возвышаются над стенами замка. Внутри фыркают и рычат дымовые твари Лесажа. Их около десяти — половина из них была создана во время битвы с парижской полицией, а другая половина — из процессии. Их полупрозрачные тела скользят и скользят друг по другу, словно клубок переливающейся пряжи. Трава и булыжники вокруг загона опалены, и столб дыма поднимается в небо. Я задыхаюсь от зловонного запаха серы.

Я создала этих монстров. Без моей алхимии они рассеялись бы как дым. Но я дала Лесажу силу сделать их осязаемыми. Я так хотела проявить себя перед матерью, что не учла последствия. Как и не учла последствия создания яда, которым она убила короля. Может,

Йоссе прав. Если бы я не так жаждала признания, я была бы благоразумнее. По крайней мере, мне следовало изменить глоток крови, чтобы и я могла контролировать животных. Они наполовину мои.

«А это значит, что когда Лесаж снова их отпустит, вина будет наполовину твоей».

Мы бежим по узким тропинкам вокруг клетки, меня кусают за пятки стыд и сожаление. Звери стреляют огнем нам в спины, пытаюсь сжечь все, что движется, и мы едва уклоняемся. Мои ноги горят, как будто их заклеили горячей кочергой. Ботинки Йоссе шипят, когда он бежит по луже, но, похоже, мы легко отделались. Длинная очередь слуг с покрытыми волдырями руками и опаленными нижними юбками ковыляет в замок через скрипучую деревянную дверь возле кучи мусора.

Мы встаем в очередь, и я нервно смотрю на других слуг, тяжело нагруженных бельем, тачками и посланиями. Мы будем выделяться, как фиалка среди белладонны без обязанностей.

— Расслабься, — шепчет Йоссе. Он хватает ведро с водой, ожидающее за дверью, и прижимает его к бедру. Затем он ведет нас по коридору и мимо кухонь, от которых пахнет рожью и жареной уткой, к угловой лестнице.

Я беру на себя инициативу, веду нас в глубины дворца. По мере того, как мы спускаемся, воздух становится холоднее, пощипывая мою кожу, ощущаясь сырым и тяжелым в моих легких. Пахнет гнилью и мочой, я закрываю рукавом нос и ускоряю шаг. Хотя я скучаю по своей работе и Грису, я не скучаю по этому жалкому месту.

Двери расплываются мимо, разветвляясь на камеры содержания и камеры пыток, и какофония несогласованной музыки следует за нами по извилистым коридорам: звон железных наручников, крики охранников и вопли боли заключенных. Меня охватывает дрожь, и последние несколько шагов я практически пробегаю к знакомой серой двери.

Я приседаю и проверяю щель, чтобы убедиться, что комната пуста — даже Грис не должен работать в такой ранний час — и врываюсь в лабораторию. Ноги несут меня прямо к доске, и я провожу пальцами по дереву, касаясь каждой бутылки, склянки и ложки. Ожидая, что они встретят меня, как старых друзей. Но все кажется холодным и незнакомым. Теплый, едкий воздух нападает на меня, как букет ужасных воспоминаний: пенящиеся губы Людовика XIV, создание Яда Змеи для матери, рука Лесажа, истекающая кровью по всей поверхности.

Это место — жестокая издевка над моей садовой лабораторией. Оскорбление Теневого Общества.

Я ненавижу это.

— Очаровательно, — говорит Йоссе, рассматривая полки. Он наклоняется, чтобы осмотреть аханор, распахивает дверь печи, а потом закрывает.

Я хлопаю его по тыльной стороне ладони.

— Ничего не трогай. Стой там и наблюдай.

Он ворчит, но направляется к двери. Я достаю из шкафа несколько пустых ранцев и приступаю к работе, стремясь убрать их этого места. Я зачерпываю пригоршни свежей зелени и убираю банки сушеной в мешки, а затем беру ступки, пестики и пузырьки. Все, что мне нужно, чтобы возобновить исцеление. Будет очевидно, что лаборатория разграблена, но я должен собрать как можно больше.

Очки Гриса зовут меня из-за гвоздя у очага, и я провожу пальцем по кожаному ремешку, больше всего на свете желая его помощи. Но я оставляю очки в покое. Лучше, если он не

вовлечен в это безумие. Было бы эгоистично просить его пойти на такой риск. И я не уверена, что он будет на моей стороне. Я могу быть его лучшим другом, но мама его спасительница. Не говоря уже о том, что я работаю с королевской особой — пусть он и внебрачный, но и другим я тоже помогала.

Через несколько минут меня ждут три набитые сумки у двери, и я балансирую на табурете, тянусь за еще одной веточкой можжевельника, когда Йоссе ругается и ныряет за скопление котлов в углу.

Только такое предупреждение я получаю.

Через секунду дверь распаивается, и Грис входит в лабораторию, как будто мое желание вызвало его. Он сразу же замечает меня на табурете, и мешок очанки в его руках падает на пол.

— Знаешь, что происходит с горничными, которые воруют у Общества?

Его голос гремит по полкам, как грохот пушки, и я стою, парализованная, впервые видя его таким, каким видели другие. Не как моего умного и доброго лучшего друга, но кого-то, кого следует опасаться; он высокий, как дом, и толстый, как бык, с мускулистыми руками и широкой вздымающейся грудью. Его руки сжимают мое запястье, но прежде чем он успевает сбросить меня с табурета, я сбрасываю чепец и кричу:

— Грис! Это я!

Его глаза расширяются, и он отпускает меня, пятясь к столу.

— Мира?

Вблизи я вижу, что его обычно загорелое лицо смертельно бледно, а туника такая помятая и в пятнах, что я сомневаюсь, что он менял ее за несколько недель. Мешки под глазами цвета нового синяка: пурпурно-красные, переходящие в синий. Мать заставляет его работать без отдыха.

— Ты жива, — выдыхает он. — Как? Где ты была? Почему ты одета как горничная?

— Думала попробовать свои силы в уборке, — я усмехаюсь, но Грис продолжает моргать, словно я собираюсь исчезнуть. Он осторожно касается моей щеки. Я наклоняюсь, нежное прикосновение кончиков его пальцев посылает по моему телу волны шока. Я кладу свою руку на его, и из моего горла вырывается вскрик — облегчение, утешение и то, что я не могу выразить словами. Это как пробудиться от ужасающего кошмара в мире яркого золотого солнечного света.

— Ты жива, — снова говорит он, обнимая меня. — Все будут счастливы. Ла Вуазен сказала, что члены королевской семьи отказались вести переговоры за твою жизнь и убили тебя, чтобы отправить нам сообщение. С тех пор Общество в ярости, планирует ответный удар.

Ложь. Как всегда.

— Мать отказалась вести переговоры ради моей жизни.

Грис приподнимает тяжелую бровь и ведет меня к табурету.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда члены королевской семьи сообщили, что схватили меня, она разрешила им убить меня.

Он втягивает воздух и качает головой, его медовые кудри развеваются.

— Нет. Она бы не...

— Ты уверен?

После долгой паузы он падает на табурет рядом со мной, как пустой мешок.

— Я уверен, что она думала, что это единственный вариант. Или что твое спасение подвергнет Общество слишком большому риску. Или, может быть, это была демонстрация веры — она знала, что ты можешь сбежать. Кстати, как тебе это удалось? Члены королевской семьи никогда бы не отпустили тебя, если... — в его голосе появляется нотка удивления. — Ты убила их?

— Я позаботилась о них, — твердо говорю я, сжимая пальцы, чтобы избавиться от дискомфорта в животе. Технически это правда, но Грис никогда бы не догадался, что я буквально позаботилась о наших врагах.

— Так зачем приходиться в лабораторию? Почему бы не пойти прямо к Ла Вуазен и не рассказать ей хорошие новости? Было неправильно с ее стороны бросить тебя, но теперь, когда от королевской семьи избавились... — Грис вскакивает на ноги. — Это все изменит.

— Я не вернусь в Теневое Общество, — вставляю я.

— Почему нет? Тогда зачем ты здесь? — его взгляд блуждает по разрушенной лаборатории, останавливаясь на переполненных сумках.

— Мама так одержима захватом города, что забыла, что наш самый важный долг — перед людьми. Пока она занята раздачей яда и мести, я планирую возобновить приготовление настоек и лечебных средств, и мне нужны для этого припасы.

— Но волнения носят временный характер. Пока мы не успокоим несогласных.

— И когда это произойдет?

Грис впивается пальцами в волосы.

— Что ты ждешь от своей матери? Дворяне клянутся в верности, а затем предают ее направо и налево. Она попросила их внести средства на восстановление торговых лавок и домов, сожженных во время шествия. Они не только отказались, но и собрались против нее! Они не оставили ей выбора. Единственное, что мы можем придумать, — это пригрозить им Ядом Змеи.

Тихий вдох звучит за котлами. Грис прищуривается и поворачивается.

— Вот видишь! — я сжимаю плечо Грису и разворачиваю к себе. Он чуть не падает со стула. — Это никогда не прекратится! А что тем временем происходит с простыми людьми? О них забыли, как всегда. У меня нет желания участвовать в убийствах и кровавой бойне матери. Я хочу дарить жизнь, — и искупить вину, но я знаю, что лучше не признавать это вслух. Грис будет утверждать, что нам не о чем сожалеть. — Я не буду заставлять тебя помогать мне против твоей воли. Только не говори маме, где я. Или что я делаю. По крайней мере, пока что.

Грис поджимает губы и смотрит на меня, как в первый раз, когда я предложила изменить некоторые рецепты мамы.

— Я не сделаю ничего плохого Обществу, — заверяю я его. — Только то, что мы всегда делали. Подумаю о людях.

В конце концов, он кивает.

— Что мне нужно делать? И скажи, пожалуйста, что ты не собиралась со всем этим проходить мимо носильщиков? — он указывает на треснувшие ранцы.

— Это не так уж много...

— Хорошо, что я поймал тебя, иначе ты действительно погибла, — он зажимает переносицу и бросает на меня испепеляющий взгляд. — Я доставлю все необходимое, а также несколько чайников и котлов, чтобы ты не была ограничена небольшим количеством лекарств. Просто скажи, где тебя найти.

— Спасибо! — я обнимаю его и целую в щеку. — Можешь есть мою порцию мяса в течение месяца.

Это заставляет его смеяться; это глупое обещание я давала, когда хотела, чтобы он вычистил мою долю котлов, когда мы были детьми. Я с обожанием смотрю на его лицо. С этой широкой улыбкой в глазах, он выглядит почти как прежде, если не обращать внимания на фиолетовые мешки под глазами.

Грис взъерошивает остатки моих волос.

— Мы семья. Я на все готов ради тебя, Мира. Ты знаешь это.

Его нежные слова проникают мне под ребра, словно кинжал, и улыбка тает на моих губах.

«Как ты можешь так его предавать?».

Но это не предательство, просто я умолчала, что была связана с королевичами — и это для общего блага, как всегда говорит матушка.

— Я работаю в заброшенном магазине шляп на улице Наварин в Монтмартре. Между двумя игорными домами.

Он склоняется к столу и делает запись.

— Собери все, что тебе нужно, и я принесу это ночью. Я должен сейчас идти к Ла Вуазен в комнату, чтобы обсудить заказ этой недели, — он пересекает комнату и замирает на пороге. — Иди отсюда по лестнице слуг, там не так людно. И, Мира? — он ловит мой взгляд. — Будь осторожна. Я не перенесу, если потеряю тебя во второй раз.

Как только лакей Ла Вуазен уходит, я вскакиваю на ноги и запутываюсь в платье.

— Ты слышала его? — требую ответа я, выходя из-за котлов.

— Он поможет мне принести припасы, — Мирабель хлопает в ладоши. — Это прошло куда лучше, чем мы могли надеяться.

— Это прошло ужасно! Твоя мать хочет казнить оставшихся аристократов. Я мало знаю об алхимии, но что-то под названием Яд Змеи не может быть приятным.

Мирабель отводит взгляд, ее вдруг заинтересовывает прибор на прилавке.

— Так и есть.

— Мы должны остановить ее. Или помочь знати. Что-то сделать, — я жду, что Мирабель согласится, выразит праведный гнев и предложит — настоят — чтобы мы бросились к ним на помощь, как она хотела помочь обычным людям. Но она просто смотрит, как я хожу туда-сюда. — Ну? Ты притащила меня в этот дворец, полный отравителей, ради народа. Разве это не должно включать в себя как бедных, так и богатых?

Мирабель скрещивает руки на груди.

— Конечно, я бы помогла им, если бы могла, но противоядия от Яда Змеи нет.

Я смотрю на лабораторию, на сотни разноцветных бутылочек вдоль стен, отказываясь поверить, что ни в одной из них нет необходимого эликсира.

— Ничего?

— Ничего.

— Тогда сделай что-нибудь. Ты ведь алхимик? Разве это трудно?

— Яд Змеи — самый сложный яд, известный человеку. Мой отец, который был лучше как алхимик, чем я, разработал состав, и его гримуар, полный заметок, заперт в сейфе моей матери. В ее спальне. Если она его не уничтожила.

Она озвучивает последнее оправдание так, словно это маловероятно. У Ла Вуазен есть

книга. Нам просто нужно ее украсть. Я смотрю на потолок.

— Насколько сложно подняться наверх и взять книгу?

— Это не обсуждается. Это слишком опасно.

— Слишком опасно? Мы уже во дворце! Что такое немного больше риска?

— *Намного* больше риска, — отвечает она. — У меня есть все, что мне нужно, чтобы возобновить производство лечебных средств. Достаточно. Я не вижу причин...

— Тебе все равно, что станет с дворянством, — я бью кулаком по столу, склянки гремят.

Мирабель бьет кулаком с такой же силой.

— Почему ты вдруг так сильно забеспокоился? Я думала, ты презираешь дворянство. Ты всегда упрямо говоришь, что не принадлежишь к их числу.

— Я не... Во всяком случае, не полностью, — я стону и провожу рукой по лицу. — Я не знаю, кто я, но я знаю — как бы я ни ненавидел знать — если мы позволим Ла Вуазен истребить их, у нас больше не будет достаточно сил, чтобы свергнуть ее, что закрепит ее власть над городом и сделает невозможным побег для меня и моих сестер.

— Ах, вот оно что. Настоящая причина в этом, — Мирабель с сочувствием хлопает меня по щеке. — Тебе, может быть, сложно поверить, принц, но нужно учитывать других, не только твоих сестер. Сотни тысяч других.

— Вот именно! Твоя мать в отчаянии, она опасна. Для людей под властью Теневого Общества не лучше, чем при моем отце. Может, он и игнорировал нищих в пользу богатых, но как это отличается от истребления знати? Половина города все еще заброшена. Больше половины! Ты воруеть припасы для алхимии, потому что бедными пренебрегают.

Она открывает рот, чтобы возразить, и я быстро добавляю:

— Сколько ты надеешься достичь — один алхимик, работающий в одиночку в укрытии?

Мирабель склоняет голову и громко выдыхает.

— А что ты предлагаешь делать? Решения нет.

О, решение есть. Но оно такое нелепое, что я боюсь, что она рассмеется. Надо мной смеялись всю жизнь.

— Мы сделаем то, что мой отец и твоя мать не смогли. Мы объединим знать и обычных людей, — и она хохочет. — Это может сработать! У семей аристократов все еще достаточно власти и влияния, чтобы свергнуть Ла Вуазен, но только с силой простых людей за ними. А потом, когда Теневое Общество будет убрано от власти, мы вернем монархию.

Мирабель фыркает.

— Только аристократии это будет выгодно. Если нужна поддержка людей, им нужен голос, влияние. Представители, которые сообщат об их проблемах королю с гарантией того, что он ответит на них быстро и выгодно для них.

— Я уверен, что Людовик открыт для этого... — говорю я, хотя совсем не уверен. Если мы дойдем до этого момента, я сделаю его открытым для этого.

Мирабель прикусывает губу и изучает меня.

— Я думала, ты не заинтересован в помощи всему проклятому городу.

— Я не сказал, что мне это неинтересно — я сказал, что у меня нет времени. Но если объединение людей и возвращение города означает, что мои сестры будут в безопасности в Париже, я с радостью выберу план, который принесет пользу большинству. Если ты хочешь помочь людям, как ты утверждаешь, то и ты это выберешь. Или тебя устраивают текущие события?

Что-то вспыхивает в ее глазах, и я знаю, что я задел ее. Я кладу руки ей на плечи.

— Если мы потерпим неудачу, ты все равно сможешь делать лечебные средства в тайне, так почему бы не попробовать? Тебе нечего терять.

— Кроме моей головы, если мама нас обнаружит, — она нервно смотрит на дверь, как будто Ла Вуазен слышит наше предательство на другом конце дворца.

— Это будет намного эффективнее, чем раздавать целебные средства одно за другим и игнорировать более серьезную проблему. Ты не стала бы лечить кашель человеку, если бы он умирал от Белой Смерти.

— Хорошо, — говорит она. — Но я главная. И если кто-то обнаружит, что мы бредем по дворцу, я говорю им, что сбежала и привела тебя как своего пленника.

Я хихикаю, но Мирабель ко мне не присоединяется. И тогда я понимаю, что она серьезна.

— Я провел тебя во дворец. Ты бы не бросишь меня так легко!

— Тогда убедись, что нас не поймают, — она бросает на меня остроумный взгляд и выбегает из лаборатории.

Мы возвращаемся в конец коридора и крадемся вверх по винтовой лестнице, мимо пьянящего запаха свежее испеченного хлеба, доносящегося из кухни, в позолоченный бальный зал наверху. Затем еще выше, в королевские резиденции на самых верхних этажах дворца. Мне никогда не разрешали входить в эти комнаты, когда отец собирал двор в Лувре, но я доставил достаточно подносов с чаем, чтобы узнать приемную — белую дверь с резными пионами и ласточками, ведущую к комнате королевы. А этажом выше — длинный коридор с высокими потолками и масляной булатной бумагой возле покоев королевы.

Мирабель мчится по коридору и прячется в нишу с окном возле высоких двойных дверей. Она притягивает меня к себе и укрывает нас бархатной шторой.

— Что мы здесь делаем? — спрашиваю я, но ужасный запах сула застревает в моем горле, и мои слова поглощаются кашлем.

— *Тихо*, — шипит Мирабель. Как будто я нарочно кашляю. — По утрам мама завтракает с Лесажем, Маргаритой и Фернандом в большом зале, а это значит, что нам не придется долго ждать, чтобы проникнуть в ее комнату.

Я киваю, и мы молча наблюдаем за дверью, мои пальцы стучат по моим бокам. Минуты проходят мучительно медленно. Здесь не хватает места; все тело Мирабель прижато к моему, что в другой ситуации может быть приятно, но она дрожит и ерзает, а ее локоть все время вонзается в мои ребра. Не говоря уже о том, что она всасывает весь воздух своими быстрыми тревожными вдохами.

Когда мне кажется, что я задохнусь, далекие колокола звонят, и двери распахиваются. Ла Вуазен выходит из своей комнаты, похожая на восходящее солнце, в впечатляющем золотом платье с разрезанными рукавами и крошечными кремовыми жемчужинами, пришитыми на шее. Ее малиновый плащ довершает ансамбль, и стайка служанок сопровождает ее по коридору, чтобы подол не зацепился за мебель и не волочился по грязному полу.

Я втягиваю воздух, когда она проходит мимо нашей ниши. Я видел ее раньше, но только издали, и не знаю, чего я ожидал вблизи, но она выглядит старой. И уставшей. Ее шаги медленные и тяжелые, ее глаза опухшие и с синяками, несмотря на толстый слой пудры. Прежде чем завернуть за угол, она поправляет плащ, заставляя двуглавых орлов вспыхнуть, и приподнимается, как будто она марионетка, чьи нитки натянуты. Затем она выдыхает, на ее

лице появляется маска совершенного спокойствия, и она снова ускользает, несравненный лидер Теневого Общества.

Но теперь я увидел трещины под маской.

Я тянусь к краю шторы, но Мирабель хлопает меня по запястью и поднимает руку. Она считает дальше пятидесяти, прежде чем, наконец, сдвигается.

Мы осторожно отодвигаем штору и спешим к богато украшенным двустворчатым дверям. Они сделаны из позолоченного черного дерева и стонут, открываясь внутрь. Комната огромна, с зеркалом от пола до потолка вдоль задней стены, что делает пространство еще больше. В центре комнаты стоит высокая кровать с роскошным зеленым пологом, а у стен стоят розовые диваны. Неожиданная боль ударяет меня по животу и останавливает мои ноги.

Моя мать-служанка никогда не жила в покоях королевы, конечно. Но это не мешало ей мечтать. Ризенда рассказывала, как моя мама торговалась с другими служанками, убирала лишний раз или резала овощи, чтобы приносить завтрак королеве каждое утро и проводить хоть миг в этих покоях, представляя, как было бы, если бы король признал их отношения.

— Ну же, — Мирабель подталкивает меня и направляется к туалетному столику, на котором стоит ящик средних размеров из черного лакированного дерева. Она пытается открыть крышку, но она заперта, поэтому она роется в миниатюрных мисках с пудрой и духами.

— Ключ не здесь. Так и знала, — она бьет кулаком по коробке и смотрит на меня. — Это была пустая трата времени.

— К счастью, заниматься тем, что я не должен делать, — одна из моих специальностей, — я беру у нее коробку, нахожу на туалетном столике шпильку из слоновой кости и вставляю ее в замок. После нескольких поворотов и покачиваний замок щелкает, и я откидываю крышку с торжествующей ухмылкой. Передо мной сияет маленькая книга с потертой красной обложкой. Сдавленное рыдание срывается из губ Мирабель, и она хватается за него со скоростью, не уступающей карманникам в Лез Аль. Затем она прижимает книгу к груди и глубоко вдыхает.

Она выглядит такой уязвимой, сжимая книгу так, будто это самое драгоценное сокровище во дворце. Я переминаюсь. Было нечто интимное в том, чтобы видеть, как кто-то так сильно любит что-то — как открывать окно в самую сокровенную часть их души — и это заставляет меня чувствовать себя так неловко, что я выпаливаю что-то раздраженное, чтобы она перестала.

— Ты все еще думаешь, что это было пустой тратой времени?

Она хлопает меня по плечу книгой, засовывает ее в лиф и, наконец, идет к двери.

Горничная выходит из смежного гардероба, когда мы в середине комнаты, и врывается в Мирабель. Кто в свою очередь врывается в меня. Служанка роняет кувшин с водой, который несла с собой, и он разбивается с таким громким треском, что кажется, будто все оконное стекло во дворце разбивается. Людовик и мои сестры, вероятно, слышат это из канализации. Что уже плохо, но тут девушка начинает кричать.

Я бросаюсь вперед, чтобы заткнуть ее, но Мирабель опережает меня. Она берет со столика у кровати графин воды и поворачивается. Кувшин разбивается о голову девушки, и она падает в воду и осколки фарфора, лежит неподвижно, руки и ноги замирают под неудобным углом.

Мы оба ошеломленно смотрим на нее.

Мирабель падает на колени.

— Пожалуйста, не умирай, — бормочет она, поднося ухо к губам девушки. Через несколько мучительных секунд она расслабляется. — Она дышит. Немного белокопытника для раны на голове и...

Мирабель продолжает говорить, но я больше не слушаю. Я проверяю дверь комнаты, затем снова смотрю на потерявшую сознание девушку. Я не хочу показаться бесчувственным, но Ла Вуазен прикажет опустить решетки и перевернуть все уголки дворца, если она найдет тело в своей спальне. И мы не можем вернуться в лабораторию за белокопытником — чем бы он ни был.

Я наклоняюсь, осторожно поднимаю девушку на плечо и выношу ее из комнаты.

— Что ты делаешь? — спрашивает Мирабель.

— Что нужно, — я запихиваю горничную в нишу в коридоре и скрываю ее шторой.

— Мы не можем просто оставить ее.

— Можем и оставим, — я хватаю Мирабель за локоть и тащу ее обратно к лестнице слуг. — Это просто удар по голове. С ней все будет в порядке.

Мирабель сердито смотрит на меня.

— Ну, у нее может быть сильная головная боль в течение нескольких дней, но это ее не убьет. Я же, с другой стороны, буду казнен в тот момент, когда меня обнаружат, и, поскольку ты заставила меня взять на себя обязанность не допустить, чтобы нас поймали, я этим и занимаюсь.

Мирабель снова оглядывается на нишу, но, в конце концов, вздыхает и следует за ней.

— Ты можешь заглядывать вину за то, что почти убила ее, исцелив кого-то, — говорю я, пока мы спускаемся по лестнице.

Мирабель пинает меня по лодыжке, и я спотыкаюсь и чуть не разбиваю нос о каменные ступени. Пожалуй, я это заслужил.

Мы спешим мимо кухонь, женщина в черном платье с седым пучком замечает нас и настаивает, чтобы мы шли за ней, но я начинаю бежать. Я не хочу попасться сейчас, когда мы так близко к завершению. Мы расталкиваем слуг, входящих во дворец, замедляемся до ходьбы, опускаем головы и идем по людному двору и мимо стражей на входе.

Даже после того, как я сбросил маскировку, и мы растворились в суеде оживленных улиц, мы продолжаем идти мимо тележек с овощами и владельцев магазинов, размахивающих багетами, детей, продающих цветы, пока не становится видно старый магазин шляп. Это странно напоминает бег по улице накануне, когда я освободил ее из канализации. Та же напряженная энергия. Та же правильность, танцующая на моей коже, теплее полуденного солнца. Наши ботинки идеально стучат по булыжнику. Воздух между нами кажется наэлектризованным. Я такой хриплый и нервный, будто всю ночь проигрывал в карты.

— Похоже, у нас талант к побегам, — говорю я.

Мирабель слегка улыбается, и ее пальцы касаются передней части платья, где скрыт гримуар ее отца.

— Видимо, да.

МИРАБЕЛЬ

Я не могу перестать смотреть на гримуар отца. Не могу перестать водить пальцами по крошащемуся кожаному переплету. Он в моем распоряжении — его мысли, его почерк, сладкий аромат шалфея. Я зарываюсь носом в ломкие страницы и глубоко вздыхаю. Держу книгу. Представляя коварную ухмылку отца. Как бы ему понравилась эта интрига!

«Это моя девочка, которая рискует всем во имя алхимии!».

Я ложусь на груды обрезков в углу магазина и собираюсь уснуть. Мне нужно хорошо отдохнуть и быть готовой приступить к созданию лечебных средств, как только Грис принесет мои припасы.

Но у Йоссе другие планы.

— Я не знаю, как ты можешь спать! — говорит он, расхаживая по магазину с широкими красными глазами и румяными щеками, как ребенок на Первомай. — Так много нужно сделать, так много нужно спланировать.

— Это просто. Закрываешь рот, закрываешь глаза и лежишь неподвижно — хотя я начинаю понимать, что для тебя это может быть непросто...

Он смеется, как будто я шучу.

— Ты всегда такая спокойная и практичная, отравительница?

— Ты всегда такой шумный и пылкий, принц?

Он хмурится и гладит подбородок.

— Да. Я делаю то, во что верю. И ты должна поблагодарить меня за это. Без меня ты не добилась бы и половины.

— Я убедила тебя пробраться в Лувр! Ты потребовал, чтобы я пряталась в этой пыльной лачуге.

— Я? — он машет рукой. — Я ведь не имел в виду вечность.

— Ясное дело, — отзываюсь я. Но мои губы подрагивают в намеке на улыбку. Он немного похож на щенка: буйный, возбудимый и очень взволнованный, но такой бойкий и энергичный, что нельзя не похлопать его по голове. Эта мысль делает мою улыбку шире, и я поворачиваюсь к стене, чтобы скрыть это, засыпая.

* * *

После полуночи звучит тихий стук в дверь, и я поднимаюсь на ноги. Йоссе вскакивает, но я отмахиваюсь, жестами прошу его скрыться за стойкой. Грис мог не узнать его сразу, но Йоссе и его большой рот что-нибудь раскроют, а Грису нельзя знать, что королевичи живы. И нельзя знать, что я работаю с ними. Может, он и готов не замечать меня, тайно варящую лечебные средства, но он никогда не упустит из виду то, что я на стороне королевских детей. Бастардов или нет.

Я приоткрываю дверь и смотрю в темноту.

— Грис?

— Кто еще будет доставлять припасы в такое время? — высокая фигура в плаще снимает капюшон, и алебастровый лунный свет превращает песочные волосы Грису в золото. Он поднимает рюкзаки.

— Входи, входи, — говорю я.

— Не самое модное заведение, да? — он хмурится, глядя на затянутые паутиной углы и изъеденные молью занавески. Я слежу за его взглядом и с ужасом вижу треуголку Йоссе, свисающую с края прилавка. У меня сжимается горло, и я изо всех сил пытаюсь придумать

оправдание, но взгляд Гриса скользит по шляпе, как будто она не является чем-то необычным.

Так и было в магазине шляп.

С моих губ срывается нервный смех.

— Что тут смешного? — спрашивает он.

— Ничего такого. Ничего.

Грис приподнимает бровь.

— Просто... этот магазин намного лучше той высасывающей души лаборатории в подzemелье во дворце.

— Не могу с этим поспорить, — Грис поднимает два других мешка на прилавок и начинает выгружать склянки.

— Не беспокойся. Время позднее. Я сделаю это.

— Я не против. Как ты сказала, было бы неплохо снова делать лечебные средства для разнообразия.

Он обходит стойку рядом с местом, где прячется Йоссе, и я кричу:

— Нет!

Грис спотыкается, ударяется бедром об угол стола, затем поворачивается и смотрит на меня.

— Я у-устала от проникновения во дворец, — объясняю я. — Я не в состоянии что-то варить. И было бы глупо забирать тебя из Лувра надолго. А если кто-то заметит, что ты ушел?

— Середина ночи.

— Когда это останавливало матушку? Ты ее знаешь, — я беру его за руку и мягко тяну к двери. — Я не хочу, чтобы она задавала вопросы.

Челюсти Гриса двигаются.

— Я все еще не понимаю, почему...

— Всего слишком много. Ты-то понимаешь, что я пережила от рук королевичей. Мне нужно время, чтобы прийти в себя, — я судорожно вдыхаю и выдыхаю с бульканьем.

Лицо Гриса тут же смягчается, как я и рассчитывала. Он прижимает меня к своей широкой груди и засовывает мою голову себе под подбородок, шепчет успокаивающие слова, глядя мои рваные пряди волос. От этого хочется плакать, потому что я самая жалкая лгунья во всей Франции. И самый жалкий друг на свете. Использую его. Манипулирую им. Но какой у меня выбор? Я бы сказала ему, если бы могла, если бы подумала, что есть шанс, что он поймет. Но он видит израненное и разбитое лицо своего отца, висящего на виселице, когда смотрит на любого члена знати. Все они кавалеры Лотарингии. И мама спасла его. Он всегда будет защищать ее, и я не могу его винить в этом.

— Отдохни, — мягко говорит он. — Я сохраню твой секрет и буду оберегать тебя, пока ты не будешь готова вернуться.

Я слезливо улыбаюсь ему и следую за ним до двери, не напоминая ему, что я никогда не вернусь.

Как только он исчезает за углом, я бегу к столу и открываю мешки, стремясь заполучить припасы. Настойки и тоники успокоят ворчание моей совести. Это позволит мне помогать людям. Это ответ на все. Так было всегда.

Йоссе появляется из-за прилавка, качая головой.

— Вот почему тебе нельзя доверять: в один момент ты плачешь, а в следующий

хихикаешь от радости. Бедный пацан, — он смотрит на дверь и цокает языком.

— Я должна была позволить Грису найти тебя, — ворчу я, развязывая пучок листьев ежевики и начиная нарезать их на идеальные квадраты. — И все же по какой-то причине я обманываю ради *тебя* своего лучшего друга.

— Не для меня. Ради «дела». Которое важнее, чем все мы. С чего же нам начать? — Йоссе наклоняется через прилавок и открывает гримуар моего отца, пачкая его грязными пальцами, листая страницы, как будто они содержат общие кухонные рецепты.

У меня звенит в ушах, и во мне поднимается волна гнева. Я врезаюсь в него и вырываю книгу из его рук.

— Не трогай!

— Можно было просто так сказать, — он отряхивает штаны и смотрит на меня, словно я попыталась его укусить. — Я просто... — он тянется к мешку, и в этот раз я сдерживаюсь. С трудом.

— Не надо!

Он взмахивает руками и раздраженно выдыхает.

— Как мне помочь тебе, если мне ничего нельзя трогать?

— Ты не помогаешь.

— Но я думал...

— Ты ошибся.

Он проводит пальцами по волосам.

— Как нам объединить людей, если мы не можем объединиться между собой?

— Просто. Ты исполняешь свою сторону сделки, а я — свою. Как только ты убедишь Людовика относиться к простому народу так же, как к знати, я начну работать над противоядием от Яда Змеи. А пока буду делать лекарства. Как и хотела.

— Если ты помнишь, я предал своего брата и лучшего друга, чтобы вытащить тебя из канализации, а это значит, что мне не стоит возвращаться в ближайшее время.

Я устанавливаю котелок в камине и собираю грустные остатки полусгоревших поленьев. Затем я ударяю по кремню, чтобы разжечь огонь.

— Тебе все равно придется столкнуться с ними, если наш план сработает.

— Я знаю это. Но я думаю, что они будут более склонны слушать, если мы сначала заложим фундамент — если мы сможем показать им, что простолюдины открыты для идеи восстановления королевской семьи. Я не знаю, почему ты так все усложняешь. Я думал, мы все это прошли.

— Ты думал, мы все это прошли? — я поворачиваюсь к нему лицом, скрестив руки, и понижаю голос. — Всего несколько дней назад меня связали в канализации, и ты был готов убить меня.

— Но я этого не сделал. И мы были...

— Затем, когда я предположительно стала «свободной», ты последовал за мной, потому что все еще не доверял мне, хотя я дважды проявила себя, исцелив твоих сестер и Дегре. Прости, но я не готова передать свое самое ценное имущество и секреты своего дела. Доверие идет в обе стороны.

Йоссе открывает рот и тут же закрывает его. Бьюсь об заклад, впервые в жизни он потерял дар речи.

— Если я не могу тебе помочь и не могу вернуться в канализацию, что ты от меня ждешь?

Я достаю чайник из мешка и протягиваю ему.

— Мне нужна вода. Я видела корыто за одним из игровых залов. И как только ты это сделаешь, можешь собирать дрова.

— Что-то еще? — его голос становится холодным, он забирает у меня чайник.

Вина втыкает палец в мой бок, когда он выходит из магазина. Было подло с моей стороны дать ему роль слуги, но и он не относился ко мне, как к равной. Почему я должна первой подчиняться?

Я начинаю нарезать кресс-салат и листья фенхеля для тоника от голода, ожидая, что знакомая работа затмит мир и убаюкает меня своими чарами, как всегда, но мой взгляд все время возвращается к двери. И невидимый палец продолжает тыкать меня в ребра.

В конце концов, Йоссе возвращается, стучит по столу полным чайником и бросает охапку дров у маленького камина. Затем он проходит к дальней стене и с глухим стуком опускается.

— Это достаточно далеко? Или я все еще слишком близок?

— Ничего страшного, — говорю я. Затем добавляю мягче. — Я не против, если ты будешь смотреть.

— Какая щедрость.

Я опускаю пестик и смотрю на него.

— Я не пытаюсь быть жестокой. Мне сложно кому-либо доверять. Ты же это понимаешь?

Он смеется.

— Боюсь, твои слезливые истории и дрожащие губы не подействуют на меня.

— Я пыталась извиниться.

— Да? Извинения обычно включают слово «прости».

— Возможно, тебе следует прислушаться к своему собственному совету — ты тоже виноват, — я беру пестик и продолжаю толочь. Представляю там голову принца.

Мы молчим больше часа. Я допиваю тоник от голода, разливаю его по склянкам и начинаю глистогонное средство из репейника и чеснока.

— Что ты делаешь сейчас? — спрашивает Йоссе. — Вонь до небес.

— Я думала, тебе это не интересно.

— Ну, мне больше нечего делать — ты постаралась.

Я подавляю еще один укол вины. Когда мы только вернулись из Лувра, он был переполнен волнением, а теперь он сидит в углу, как побитый мул. Я вздыхаю и предлагаю ему немного информации.

— Это глистогонное средство.

— И что это?

— Убирает червей из живота.

Он кривится, встает на ноги и медленно проходит к прилавку.

— Это объясняет запах. А другое лекарство?

— Тоник от голода. Мы даем его бедным, чтобы ослабить пустоту в их животах и не дать им умереть от голода, — Йоссе долго молчит, смотрит, как я помешиваю вонючее средство. Мои руки болят, пот стекает по щекам. Я вытираю лицо рукавом, поправляю ладонь, но уже поздно. Мозоли появились на моих ладонях.

— Алхимия — тяжелый труд.

— Я в состоянии справиться, — уверяю я его.

Он поднимает руки.

— Я и не говорил, что это не так. Я не думал, что Теневое Общество предоставляло настоящие лекарства. Я думал, там были только любовные зелья.

— Ясное дело. Королевичам проще считать нас ведьмами.

— Но и ты считаешь всех королевичей заносчивыми эгоистами, — я хмурюсь, но он выдерживает мой взгляд, бросает мне вызов. Когда становится понятно, что никто из нас не ответит взгляда, он говорит. — Ла Вуазен научила тебя всему этому?

— Нет, мой отец.

— Лесаж? Волшебник? Он не кажется целителем.

— Лесаж *не* мой отец, — я мешаю средство с такой силой, что капли падают на прилавок. — Это один из любовников моей матери. Мой настоящий отец, Антуан Монвуазен, был ювелиром, хотя не покупал золото и серебро, если ты понимаешь меня.

— Он трансмутировал его. Он был алхимиком, как ты.

— Лучшим во всей Франции, — гордо говорю я. — Намного лучше фальшивых чеканщиков или охотников за бессмертием. Его истинным талантом была спагирия — алхимия растений. Это было делом его жизни; он разработал сотни веществ... — я благоговейно кладу ладонь на гримуар, как будто сердце отца все еще бьется на его страницах. — Он взял меня в ученики, когда мне было всего семь лет. Мама сказала, что я слишком юна, но отец настоял на том, что я была готова. Он протянул мне веревку и посоветовал мне спуститься из окна моей комнаты той ночью и присоединиться к нему в лаборатории. После этого я делала это каждую ночь, и к тому времени, когда мама обнаружила наш обман, я научилась делать простые мази и тонизирующие средства, так что было легче убедить ее позволить мне продолжить. Я уже приносил пользу Обществу. Отец всегда подбадривал меня, а иногда подталкивал к действию. И так до сих пор.

Воспоминание заставляет меня одновременно улыбаться и ощущать боль. После смерти отца мать пыталась исказить мое мнение о нем своим негодованием и болью — и я так отчаянно нуждалась в ее одобрении, что чуть не поддалась. Но теперь, когда я чувствую, что решимость отца поднимается во мне, он повсюду. Его дух пронизывает все. И я знаю, что он мной гордится.

— Моя мать тоже была в некотором роде нарушителем спокойствия, — говорит Йоссе с задумчивой улыбкой. — Ну, технически она не была моей матерью, но она приняла меня, когда мою настоящую мать — посудомойку, которую я никогда не встречал — уволили вскоре после моего рождения. Ризенда относилась ко мне как к своему ребенку. Когда мне было десять, я начал слушать уроки Людовика через окно, потому что дети аристократов высмеивали мою неспособность читать. Однажды я чихнул, и учитель обнаружил меня. Он ударил меня по ладоням тридцать раз, и когда Ризенда увидела кровоточащие раны, она направилась во дворец, выкрикивая такие грязные слова, что даже конюхи краснели. «Он больше не будет касаться тебя, мой мальчик. Обещаю», — сказала она, вернувшись, вытирая руки о фартук, как она делала после снятия шкуры с кролика. На следующее утро за завтраком у того человека глаза были темно-сливового цвета, и он говорил всем, что упал с лошади!

Я смеюсь.

— Она грозная.

— Была. Но и веселая. Мой отец был Королем-Солнцем, но Ризенда сияла ярче всех во дворце. Она озаряла даже комнаты слуг своим очарованием и остроумием.

— В этом вы похожи, — слова срываются из-за легкости нашего разговора. Я сжимаю крепче ложку и надеюсь, что он не услышал. Когда я поднимаю взгляд, принц улыбается, как лис.

— Ты считаешь меня очаровательным?

— Как змея, — бурчу я средству, чтобы скрыть пылающие щеки. Проклиная принца за то, что он проник под мою защиту. И себя за то, что позволила это.

Я поворачиваюсь к камину, но Йоссе следует за мной, прислоняется к стене.

— Где сейчас твой отец?

— Мертв, — сухо говорю я.

Через миг он отвечает:

— Ризенда тоже мертва. Она получила ножевое ранение во время нападения на Версаль, ее бросили истекать кровью на обочине дороги. Она отвлекла повстанцев, чтобы мы могли бежать.

Кажется, земля уходит из-под ног, и меня мутит. Я прижимаюсь к стене.

— С тобой все в порядке? — Йоссе изучает мое лицо, его глаза полны беспокойства. Ком раскаяния в моем горле мешает ответить. В тот день он потерял все — и мать, и отца.

Из-за меня.

Я отравила короля. Я позволила Теневому Обществу захватить его дом и нанести удар Ризенде.

«Скажи ему».

Он увидит, насколько на самом деле невозможно наше партнерство. Это будет самый быстрый и простой способ избавиться от него. Мне больше не придется беспокоиться о том, что он постоянно смотрит через мое плечо и сверлит взглядом мою спину с подозрениями, преследуя меня, как будто он мне не доверяет.

«Он не должен тебе доверять».

Я облизываю губы и поворачиваюсь, но он смотрит на меня с самым странным выражением лица. Задумчивый и далекий.

— Станным образом ты напоминаешь мне Ризенду. Одержимая горшками и рецептами — она была хозяйкой кухни — и всегда всем приказывала. Притворялась колючей, чтобы скрыть мягкость.

— Уверена, мы не похожи, — яростно говорю я. Но теплое, тающее чувство появляется в моей груди, и я вонзаю ручку ложки в живот, чтобы остановить это.

«Скажи ему, прежде чем он сделает еще более нелепые сравнения».

Но когда я озираюсь и пытаюсь представить пространство без него, я не могу. Тишина удушает.

— Я выйду, — сообщаю я.

— Но уже поздно...

— Мне нужно подумать.

— О чем?

«О факте, что я убила твоего отца и ощущаю вину за это — и еще больше за то, что привыкла к твоему обществу...».

— О Яде Змеи! — почти кричу я. Он не будет спорить с этим. Я хватаю гримуар отца и иду к двери. — Одна, — добавляю я, слыша его шаги. — Я предпочитаю работать со сложными зельями одна.

— Я все равно не смог бы помочь. Я останусь тут и... не буду ничего трогать, — голос

Йоссе игривый и слишком знакомый, и от него бабочки летают в моем животе.

Я делаю единственное, что могу, чтобы остановить их. Я захлопываю дверь и погружаюсь в работу.

14

ЙОССЕ

Я стараюсь не мешать, правда, но после пяти дней помощи Мирабель с ее лекарствами от рассвета до заката и экспериментов ночью в работе над противоядием от Яда Змеи, мне скучно, я ощущаю себя бесполезным. Будто вселенная смеется надо мной. Я предложил ей спрятаться и ничего не делать, и теперь я занимаюсь этим.

И я хочу увидеть сестер. Прошла почти неделя. Они не знают, жив ли я, вернусь ли я. И

я не знаю, как у них дела. Мирабель уверяет меня, что они уже должны были вернуть силы, но я не успокоюсь, пока не увижу сам. И я не могу вернуться в канализацию без хороших новостей для Людовика и Дегре. Значит, нужно покинуть этот убогий магазин и начать распространять настойки и тоники.

— Я знаю, что ты не хочешь, чтобы другие трогали твои принадлежности, но, может, если я помогу, работа пойдет в два раза быстрее, — предлагаю я еще раз, только теперь решив попросить. — Я сделаю так, как ты говоришь. Ты даже сможешь измерять количество трав и передавать мне подходящие пузырьки, чтобы я ничего не испортил, — хотя у нее нет особого порядка. По столу рассыпаны травы, а половина склянок опрокинуты.

Мирабель останавливается, помешивая какой-то настой от лихорадки, и вытирает лоб рукавом. Это приводит в беспорядок ее коротко стриженные кудри.

— Разве что-то из этого будет быстрее, чем если бы я сделала это сама?

— Если бы ты только позволила мне...

— Какие есть четыре жидкости? В чем разница между фьюжном и фиксацией? Как управлять перегонным кубом?

— О, черт, только не вопросы! Ты знаешь, я не знаю ответов.

— Значит, ты не готов работать алхимиком. Это точная наука, требующая обучения на протяжении всей жизни. Это не то, что ты можешь...

Я ударился лбом об стену.

— Значит, ты почти закончила? Не то чтобы я торопил тебя, — добавляю я, когда она бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Я никогда не закончу. Всегда нужно будет больше целебных средств.

— Да, да, конечно. Я хотел сказать, достаточно ли ты сварила, чтобы приступить к исцеляющей части нашего плана?»

— Тебе надоедает мое общество, принц?

В такие моменты я хочу громко крикнуть «ДА!». Но я прикусываю язык, потому что, судя по тому, как она подчеркивает титул, это явно не пренебрежение. Это ни в коем случае не комплимент, но я совершенно уверен, что она все меньше устает от моей компании. И, кроме того, что я чувствую себя совершенно бесполезным, я почти получал удовольствие, наблюдая за ее работой. Удивительно наблюдать, как, казалось бы, обычные ингредиенты объединяются в мощные эликсиры. Почти так же увлекательно, как наблюдать за самой Мирабель. Ее глаза приобретают это стеклянное, сказочное качество, и она становится частью лаборатории: ее руки — ложки, руки — пузырьки, и с каждой щепоткой трав она добавляет немного себя в эликсиры.

Спустя еще три дня варки и накопления, шкафы наполняются целым набором целебных настоек и тоников, и Мирабель, наконец, удается приготовить противоядие от Яда Змеи.

— Мы не узнаем, насколько оно эффективно, пока средство не введено, — говорит она, поднося склянку к свету и рассматривая сине-черную жидкость, будто это алмаз.

— Так что же нам делать? Ждать, пока мы не услышим слухи о смерти знати?

— Есть предложение получше?

Я ворчу, но качаю головой.

— Я пришью пузырек с противоядием к подолу юбки, так что мы будем готовы в любой момент.

— А что насчет остального? — я киваю на огромную коллекцию бутылок.

Губы Мирабель растягиваются в ухмылке, и она, наконец, произносит два великолепных

слова, которых я так долго ждал:

— Мы готовы.

Я вскакиваю с пола, где слишком хорошо знакомился с пылью, и кричу:

— Слава святым! Я начал думать, что умру от старости, прежде чем мы действительно чего-нибудь добьемся.

— Бедный, заброшенный принц, — она делает вид, что утирает слезу. — Возможно, ты ничего не добился, но я сделала за неделю больше, чем многие алхимики могли бы сделать за месяцы. Ты не видели тележку с молоком возле коттеджа в конце улицы?

— Видел, — я провел столько часов, глядя в эти окна, что знал каждый камешек на дороге.

— Хорошо. Иди и одолжи.

— Ты имеешь в виду украсть!

— Это не воровство, если мы планируем вернуть ее.

— А что, если меня поймают?

Мирабель сердито смотрит на меня.

— Ты неделю просил позволить помочь, а когда я, наконец, поручаю тебе задание, ты жалуешься. Глубокая ночь, и тележка стоит там. Если ты не справишься, ты заслуживаешь того, чтобы тебя поймали.

Полагаю, она права. Я выскальзываю за дверь, крадусь по залитой лунным светом улице и возвращаюсь через несколько минут со скрипящей тележкой на буксире. Мирабель описывает содержимое каждой бутылки, добавляя ее в корзину.

— Означает ли это, что мне разрешат прикасаться к ним, чтобы раздать лекарства?

— Если повезет, — она хитро улыбается мне. — Теперь помолчи и оставайся рядом, — она выходит на улицу, держится теней, пока мы идем от здания к зданию.

Я толкаю грохочущую тележку вперед и стараюсь не отставать. Небо по краям начинает сереть — так поздно, что гуляки, наконец, удалились, но достаточно рано, чтобы рыбаки еще не установили свои сети. Прохладный весенний ветер треплет мои волосы и щекочет шею, заставляя дрожать. Или, может быть, это озноб от возбуждения.

— Далеко еще? — шепчу я.

Мирабель выглядывает из-за угла и указывает мне идти вперед.

— Лагерь впереди, на улице дю Темпл. Именно здесь мы начали лечить бедных и больных и укреплять репутацию Теневого Общества. Мы помогаем им годами.

— Тогда не будут ли они верны Ла Вуазен?

— Ты никогда не был голоден, да? — она смотрит на меня так, будто я надел камзол Людовика, инкрустированный драгоценными камнями, и напудренный парик. — Они верны тем, кто помог им недавно. И, к счастью для нас, мама была слишком занята подавлением восстаний, чтобы помогать им.

Мы проходим еще две улицы. Огни десятков крошечных костров пронзают тьму, но незадолго до того, как мы пересекаем последний перекресток, группа солдат Общества заворачивает за угол.

Я бросаю тележку и ныряю в невероятно маленький промежуток между домами. Мирабель врзается в меня сзади. Пространство слишком узкое, чтобы считаться переулком, и ее бешеное сердце бьется у моей груди. Ее горячее дыхание задевает мою шею. Мои руки прижимаются к кирпичам по обе стороны от ее лица, она зажмуривается, впиваясь ногтями в раствор.

— Тот дом, — говорит один из солдат, а остальные бормочут в ответ. Каждый мускул в моем теле напрягается, и я сжимаю кулак. Без боя нас не возьмут. Я смотрю на вход в переулок в поисках малиновых плащей и лиц в масках, но в нескольких домах от меня хлопает дверь, и женщина кричит.

— Где королевичи? — кричат они ей. — Ваш сосед доложил о фигурах в капюшонах, ходящих посреди ночи. И кулон с геральдической лилией вылетел из вашего заднего окна.

— Ложь! — воет она. — Я ничего не слышала! Я такое не видела!

Солдаты продолжают кричать, и женщина вопит, а потом их шаги стучат по улице.

Я выглядываю, женщина сидит на пороге, всхлипывая, держась за дверную раму.

Лицо покрывает холодный пот, ноги подрагивают. Я хочу пойти к ней, забрать ее и сказать ей, как мне жаль. Я знал, что Теневое Общество будет охотиться за Людовиком и моими сестрами, но я не знал, что это будет включать в себя выбивание дверей и обращение к невиновным людям. Сколько человек страдает вместо нас?

Мирабель нежно касается моего плеча. Ее темные глаза смотрят на меня, и она натягивает мой плащ. Я беру тележку и следую за ней последний квартал до улицы Темпл. Но тут еще одна волна ужаса сбивает меня с ног, как только мы входим в лагерь. Вонь экскрементов и немых тел настолько сильна, что мне приходится стиснуть зубы, чтобы не заткнуть рот, а несколько ветхих укрытий — всего лишь груды гнилого дерева и осыпающегося камня. Большинство людей лежат, растянувшись в сточных канавах, в их рваной одежде видны изможденные ребра и тонкие как кости конечности.

Условия слишком убогие для крыс, не говоря уже о людях.

Как мог отец быть таким бессердечным и невидящим? Как он мог позволить людям жить в таком убожестве? Но затем приходит более отрезвляющая мысль: я едва ли лучше. Я был доволен тем, что прятался во дворце, устраивал ад и жалел себя, вместо того, чтобы думать о том, что могло происходить за воротами. Я бастард, но я гораздо более привилегирован, чем некоторые.

— Я-я не знал, — я медленно поворачиваюсь по кругу, к горлу подступает тошнота.

— Поначалу это сложно понять, — Мирабель ободряюще улыбается мне и тащит меня по улице. Мы сворачиваем к куче горящих поддонов в центре дороги — кажется, это центр активности. Старики греют руки над огнем, а женщины средних лет сушат промокшие нижние юбки. Группа девочек-подростков готовит на палочках непонятные куски мяса.

Я чувствую их взгляды на нас — особенно на тележке.

— Мы пришли помочь, — говорит Мирабель, вынимая банку и держа ее в воздухе. — Мы принесли тоник от голода и другие лечебные средства, — без тени колебаний она поворачивается к ближайшему мужчине, откупоривает бутылку водянистого зеленого тоника от голода и предлагает ему ложку.

Он склоняется и нюхает. А потом медленно подносит ложку к губам. Люди ерзают, а он глотает. Их мышцы напряжены, словно они — коты, готовые к прыжку.

Мужчина чмокает губами и вздыхает. Слезы текут по его лицу, прорезая каналы сквозь грязь.

— Это действительно тоник от голода.

Это все, что нужно. Ветхие лачуги стонут, и к нам спешат десятки людей, как термиты из деревянных конструкций.

— Готовься, — Мирабель сует мне в правую руку пузырек с сиропом от кашля, а в левую — с тоником от голода.

— Я не знаю, как...

— Это просто. Просто помоги им.

В следующее мгновение нас окружает толпа. Люди носятся вокруг нас, как бушующая река, и я с трудом удерживаю голову над течением. Тысячи разных рук хватаются за меня; сто голосов умоляют. Ночь морозная, но я внезапно весь в поту.

С чего мне вообще начать?

Я широко раскрытыми глазами смотрю на Мирабель, и это зрелище заставляет меня остановиться. Толпа толкается, кричит и машет вокруг нее, но ее лицо безмятежно. Ее руки уверенные, когда она наклоняется вперед, чтобы предложить покрытому грязью ребенку ложку тоника от голода. Она поворачивается к ним по одному, лаская их щеки и беря их за протянутые руки. Она такая хрупкая, что должна затеряться в суматохе многолюдной улицы, но горит ярче их всех. Свеча пылает в темноте.

Она оглядывается, как будто чувствует, что я смотрю, и вспыхивает улыбкой, наполненной такой непреодолимой радостью, что что-то развязывается во мне. Она ободряюще кивает мне и снова поворачивается к людям. Я сглатываю и делаю то же самое.

Сначала я робок, но озираюсь, пока не нахожу лицо, которое кажется почти знакомым — старую беззубую женщину с белыми, как снегопад, волосами. Это, конечно, не Ризенда, но сходство позволяет проявить смелость. Она держится за грудь и сжимает промокший носовой платок, поэтому я притягиваю ее к себе и с робкой улыбкой даю ей сироп от кашля.

Она улыбается в ответ и небрежно целует меня в щеку. Я замираю на кратчайший миг, затем раздражаюсь смехом и возвращаю поцелуй. Толпа одобрительно ревет, и я поворачиваюсь к женщине справа от нее — матери, держащей двух вопящих младенцев. А потом к бородатому мужчине вдвое больше меня. Снова и снова, пока мои бутылки не пустеют, и я больше всего на свете хочу как-то наколдовать больше.

Мирабель была права, когда сказала, что ее работа никогда не будет завершена. Так много людей, которым нужна помощь. Я не думал об этом до сих пор.

Стыд за это тянет меня за плечи.

Когда я впервые предложил использовать лечебные средства Мирабель для объединения крестьян и знати, я думал исключительно о своих сестрах, желал сохранить их в безопасности. Я не заботился о бедных. Я был не лучше своего отца.

— Мы приготовим еще лекарства и сразу же вернемся, — кричу я множеству людей, которые все еще ждут. — Даю слово.

Мое обещание встречает хор аплодисментов.

— Наша благодарность Ла Вуазен, — кричит голос. Другие подхватывают крик, и мне приходится забраться на тележку с молоком, чтобы успокоить их.

— Эта добрая воля исходит не от Ла Вуазен, — заявляю я. — Она и ее Теневое Общество оказались не лучше, чем бывший король, забыли о своем долге перед людьми, как только они получили власть.

Люди шепчутся миг, а потом согласный гул пролетает над толпой.

— Эти лекарства от королевской семьи.

Кто-то презрительно хохочет.

— Конечно. Они хотят нарядить нас в шелка и привести в свои дворцы?

Десятки воплей и смешков вторят голосу.

— Это правда! — кричу я. — Людовик, дофин, жив и хочет извиниться.

— Для этого нужен не просто сироп от кашля!

— И он готов это дать. В обмен на вашу поддержку, он продолжит давать лечение и помощь, но он хочет и дать вам голос — представителей, которые будут озвучивать тревоги обычных людей ему, и вместе вы придумаете приемлемые решения. Союз обычных людей и аристократов!

— Ложь! — тут же кричит несколько голосов. — Кто ты, чтобы давать такие обещания? Я выдыхаю и выпрямляюсь.

— Я даю слово, как Йоссе де Бурбон, бастард покойного короля. На меня смотрели свысока, как на вас. Ненавидели и прогоняли. Я не такой королевич, который бросит вас замерзать на этой улице, и если вы доверитесь мне, я обещаю, что вы получите уважение, которого заслуживаете. Моя мать была служанкой. Я один из вас. Я буду биться за вас, если позволите.

Никто не вопит, но и не ворчит на меня, и это ощущается как чудо после моей первой речи. Люди разделяются на группы и шепчутся. Кажется, проходит вечность, и женщина выходит вперед и спрашивает:

— Если он — бастард, то кто ты? — она указывает кривым пальцем на Мирабель.

— Я... — голос Мирабель утихает. Она не может назвать свое имя, это долетит до ее матери. Она смотрит на меня с паникой в глазах.

— Ла Ви! — выпаливаю я первое, что приходит в голову. — Это мадемуазель Ла Ви, — я протягиваю Мирабель руку и поднимаю ее на тележку рядом со мной. — Это она создала мази и настои. Она рассказала мне о вашей проблеме. Она — ваша истинная спасительница, лидер этой революции. Скажите всем, кто послушает.

Мирабель смотрит на меня, повторяя имя, словно я сказал нечто чудесное. Мужчины и женщины скандируют имя, оно становится громче, мы спрыгиваем с тележки и идем по улице дю Темпл.

— Ла Ви! Ла Ви! Ла Ви!

«Жизнь, жизнь, жизнь».

— То имя... — благоговейно говорит Мирабель. — Я его не заслуживаю.

— Конечно, заслуживаешь. Ты гениальна, — слова вылетают раньше, чем я их осознаю. Мирабель резко вдыхает. Я не использовал насмешливый тон или дразнящую ухмылку. Я никогда не хвалил ее всерьез, и мой рот открывается и закрывается, как у трески.

Она толкает меня в бок.

— Ты и сам не так уж плох, принц. Тебе подходит исцеление. И люди тебя обожают, — она указывает на мужчин и женщин, собравшихся вокруг, и их благодарные улыбки превращают мои кости в воду. Их приветствия наполняют мой живот, как теплый суп холодной ночью.

Это чудесно.

И ужасающе.

Я не герой.

Я наклоняю голову и крепче сжимаю тележку для молока.

— Они рады не мне. Они приветствуют приготовленные тобой лекарства. Я всего лишь посыльный.

— Обычно курьеры не произносят таких страстных речей. Знаешь, заботиться — это нормально. Тебе не нужно играть для меня. Или для них.

«Что играть? — хочу возразить я. — Есть только я — Йоссе. Бастард. Озорник».

«Целитель, — шепчет новый голос. — Брат. Лидер».

Я пытаюсь прогнать эти мысли, но они возвращаются, как слепни. Кусают меня. Настаивают, что они всегда были там — но спрятаны. Легче досадовать, чем быть уязвимым. Безопаснее отталкивать людей, чем быть отверженным. Менее болезненно оправдать низкие ожидания, чем пытаться подняться над ними и оказаться в затруднительном положении. Я был настолько убежден, что никогда не заслужу одобрения отца, что притворился, что не хочу этого.

И теперь у меня этого никогда не будет.

«Ты не должен этого хотеть, — ругаю я себя. — Осмотрись. Посмотри, что он допустил».

И я смотрю на людей, которые хлопают меня по спине и зовут меня по имени. Впервые в жизни я скорее успех, чем разочарование.

Мне хочется радоваться, но меня и тошнит.

А если я окажусь плохим?

«А если ты окажешься хорошим?».

Эхо последней мольбы Ризенды гудит в моих ушах, и дрожь пробегает по моим рукам. Не поэтому ли она всегда била меня ложкой и игнорировала мои жалобы? Она пыталась сказать мне, что я могу использовать свое положение во благо — если я захочу попробовать? Возможно, я не смогу заслужить одобрение короля, но у меня уже было одобрение Ризенды. И я мог уважать это, заботясь о ее людях.

Моих людях.

Когда мы доходим до конца улицы дю Темпл, мы с Мирабель в последний раз машем рукой и ускользаем в тень. Бархатное небо над головой стало вересково-серым, а мягкие розовые мазки озаряют нижнюю часть облаков. Продавцы отодвигают шторы и открывают двери. Я вдыхаю сладкий аромат теста, восхищаясь свежестью города. Новый. Возрождается с возможностью. Как будто я стою на вершине башни Нотр-Дам и наблюдаю, как наши следующие шаги разворачиваются, как точки на карте.

Если мы немедленно приготовим еще лекарства, возможно, мы сможем вернуться на дю Темпл уже завтра вечером. Как только мы поможем всем бедным, мы сможем сосредоточиться на знати.

Мой план сработает. Теперь я в этом уверен.

Я бросаю взгляд на Мирабель, и она быстро встречает мой взгляд. Как будто ожидая этого. Даже надеясь на это. Никто из нас не говорит, но по обнадеживающей улыбке на ее лице я могу сказать, что она тоже это чувствует — как воздух между нами гудит, как тетива, вибрируя от энергии и возможностей, пока мы возвращаемся к магазину шляп.

Как только мы благополучно оказываемся внутри, Мирабель возвращается к стойке, а я забираюсь в свой угол, не беспокоясь о ее работе. Но она стучит кулаком по столу.

— Не сиди так, принц. Есть работа».

Мои брови приподнимаются.

— Я думал, мне нельзя помогать тебе.

— Рецепты, конечно, тебе не доверить. Но я полагаю, тебе можно немного порубить. С таким же успехом можно применить твои кухонные навыки, — она дразняще улыбается и подвигает нож к краю прилавка.

Остаток дня проходит в суматохе неистовой деятельности. Я измельчаю горы мелиссы и тысячелистника, в то время как Мирабель перегоняет еще больше тонизирующего средства от голода, сиропа от кашля и настойки от Белой Смерти. Одно средство за другим, пока

воздух не становится густым от пара, и мои конечности не ощущаются как переваренная капуста. Даже тогда мы продолжаем двигаться вперед, наполненные огнем, который горел в глазах бедняков. Огонь, который вспыхивает, потрескивает между мной и Мирабель. Надежды, восторг и еще кое-что. Товарищество и соблазн, которые заставляют наши взгляды встречаться через всю комнату.

Две ночи спустя мы возвращаемся на дю Темпл и раздаем бездомным еще лекарства. И через три ночи после этого мы направляемся в Отель-Дьё, старую, разлагающуюся больницу на острове Сите, которую мой отец позволил разрушить, так как ее «наводнила» чернь.

Прискорбное зрелище; камни в трещинах и в ямках, а из решетчатых окон свисает черная плесень. Воздух внутри затхлый и влажный, как в пещере, и пахнет гниющими листьями и болезнью. Мой живот сжимается от слишком знакомого негодования, и я бросаюсь в ближайшую палату.

Крошечная комната забита десятками проржавевших кроватей, на каждой по два, а то и по три человека. Я снимаю шляпу, чтобы поприветствовать их, но прежде чем я успеваю сказать хоть слово, женщина приподнимается на локтях и кричит:

— Мадемуазель Ла Ви! Слава святым! Мы молились, чтобы ты пришла.

Мирабель громко хрипло смеется и смотрит на меня. Ее глаза наполняются слезами, когда имя звучит по комнате, и она все еще тяжело дышит, ее глаза затуманены, когда мы выходим из Отель-Дьё несколько часов спустя.

— Они знали. Они слышали. И так быстро! — выпаливает она. — Ты можешь в это поверить?

Я верил, что она способна на все, когда она так улыбается. Ее улыбка настолько ослепительна, что может воспламенить мир. Я должен внимательно следить за дорогой, чтобы не врезаться в нее. И Мирабель определенно ближе ко мне, чем когда-либо. Я ощущаю, как ее пурпурный плащ задевает мою ногу. Зачарован ее рукой, которая раскачивается близко к моей. В ответ тепло ее пальцев вызывает у меня покалывание. Было бы так легко протянуть руку и взять их.

Йоссе неделю назад не осмелился бы.

Сегодняшний Йоссе не сомневается.

15

МИРАБЕЛЬ

Бастард держит меня за руку.

И я не ненавижу это.

Части меня это даже *нравится*.

Я смотрю на наши соединенные руки, крича себе, чтобы я вырвалась, но мои мятежные пальцы сжимаются. Его руки не такие мягкие, как должны быть у королевских особ, и мне нравится, как его мозоли скользят по моей ладони, как они идеально сочетаются с моими.

— Ла Ви, — шепчет он. Мое сердце бьется быстрее, бьется в такт этому славному имени.

Это самый красивый звук в мире — быть жизнью вместо смерти. Чтобы тебя любили, а не боялись. Я чувствую себя такой же легкомысленной и невесомой, как когда отец возил

меня на плечах, и мы кружились по лаборатории в вихре золотой пыли и листьев шалфея.

Йоссе останавливается и поворачивается ко мне, подносит другую руку к моему лицу. Его легкие как перышки кончики пальцев скользят по моей скуле и заправляют своенравный локон за ухо. Я умоляю себя не смотреть вверх, но, как и мои пальцы, мои глаза отказываются подчиняться. Они разглядывают его обнадеживающее лицо; его сильную квадратную челюсть и полные губы; темные пряди волос, вырывающиеся из-под треуголки; как его глаза отражают солнечный свет на мокрых сланцевых крышах — серых, зеленых и золотых. Наглый и красивый.

И так пугающе похож на Короля-Солнца, что я внезапно не могу дышать.

Не могу двигаться.

Не могу это сделать.

Я быстро отхожу, нога попадает в сточную канаву и пропитывает мое платье внизу.

Ладонь Йоссе визит в воздухе миг, а потом рука опускается. Его лицо мрачнеет.

— Что такое? Я думал...

— Нечего думать, — это абсурд. Невозможно. Йоссе согласился бы, если бы знал, что это я отравила его отца. Он был бы в ужасе от мысли, что между нами может быть что-нибудь. Так что я сжимаю губы, машу рукой, словно прихлопывая муху, и топаю по дороге.

— Я знаю, что ты что-то почувствовала, — кричит он мне вслед.

— Я не буду говорить об этом здесь, — я нигде не буду об этом говорить, но я знаю, что лучше не озвучивать это, иначе мы будем спорить здесь весь день. — Мы должны немедленно вернуться в магазин, — я показываю на улицу, на зажженные свечи в нескольких окнах. — Не говоря уже о патруле Общества, который может завернуть за угол в любой момент.

Йоссе рывком толкает пустую тележку вперед.

— Только если ты скажешь мне, что изменило твое мнение.

— Разве ты не можешь просто насладиться нашим достижением и не портить его всем этим? — я указываю между нами.

— Нет.

— Отлично. Тебе нужна причина? — я ломаю себе голову над оправданием, поскольку признаться, что я боюсь этих чувств и что я убил его отца, не могу. — Потому что ты королевич, — выпаливаю я. — Это все средство для достижения цели. Как только Людовик вернется на трон, ты вернешься в свои роскошные дворцы со своими сестрами и никогда не пожалеешь тысячи людей, которые все еще нуждаются в помощи. Или меня.

Эти слова кажутся мне ядом, капающим из моих губ. Ужасная, отвратительная ложь. Но было бы хуже признать правду и увидеть на его лице боль и отвращение. Больше не удастся скрывать. Больше не нужно будет притворяться или забывать. Мне пришлось бы столкнуться с ужасом того, что я сделала. Признать, что я виновата так же, как и все остальные члены Общества.

Йоссе стискивает зубы, бросается вперед, но через два шага бросает тележку и поворачивается.

— Это то, что ты честно думаешь обо мне? А слова, что исцеление мне подходит, а люди меня обожают, были ложью?

Я вонзаюсь ладонями в свои волосы и отклоняю голову. Я хочу кричать. Или выпалить правду и покончить с этим, с ним. Но на середине улицы скрип двери нарушает тишину, и мы оба ныряем за пустые бочки из-под вина, стоящие рядом с особняком. Бочки слишком

малы, и нам приходится сидеть низко и близко, чтобы спрятаться. Неровные булыжники кусают мои колени, и когда я поправляю положение, Йоссе делает вид, что мы не касаемся друг друга. Требуется вся моя сдержанность, чтобы не вытолкнуть его на дорогу.

Бросив на него раздраженный взгляд, я подвигаюсь и смотрю из-за бочек, шурясь. Одинокий мужчина выходит на дорогу. На нем прекрасный изумрудный сюртук и бриджи из кожи, к груди крепко прижата трость. Его глаза разглядывают улицу, мечутся, как у кролика, и он почти бежит, ленты на его сюртуке тянутся за ним.

Через несколько секунд после того, как он завернул за угол, дверь таверны на противоположной стороне дороги с грохотом распаивается, и из нее выскакивает еще один мужчина. По большей части он спрятан под черным плащом, но я вижу яркий блеск его сапог. Развратные дворяне, шатаясь, возвращаются к своим женам и детям после ночи распутства. Этот человек движется в том же направлении, что и первый, и я не хочу смотреть на него во второй раз, но есть что-то в его болезненно худом росте и необычной походке — в том, как он больше крадется, чем ходит — от чего шею покалывает.

Я знаю эту походку.

Я подползаю к краю винных бочек, чтобы посмотреть, как он идет. Сквозь пышные складки его капюшона я вижу замысловатую черную маску, обрамленную прядями длинных жирных волос.

Фернанд.

Мое тело напрягается, и булыжники подо мной внезапно становятся холоднее. Тверже.

Достигнув перекрестка, он быстро оглядывается через плечо, затем продолжает идти по соседней улице намного быстрее, чем несколько минут назад — все следы пьянства исчезли.

— Скорее! — я подталкиваю Йоссе. — За ним.

— Зачем нам преследовать пьяницу, идущего домой из таверны?

— Потому что это жених моей сестры, и я подозреваю, что он не пьян. Он что-то затевает, — я вылезаю из-за бочек, и Йоссе следует без жалоб. Чудо!

Улицы извилистые и узкие, и к тому моменту, когда мы доходим до перекрестка, Фернанд исчезает на другом. Я сжимаю кулаки и бегу трусцой. Мы поворачиваем, оставляя позади многолюдный центр города и попадая в буржуазные кварталы. Лимонно-желтые и полынно-зеленые виллы стоят вдоль дороги, каждая с огороженным садом, изящным чугунным балконом и висящими растениями.

Йоссе бросает на меня многозначительный взгляд, и мы ускоряем темп.

Темные тени нависают над стеной, окружающей самый большой замок в конце дороги. Фернанд такой быстрый, будто он бездомный кот или облако, проносящееся перед луной.

Мы с Йоссе спешим к замку и прижимаемся к стене.

— Подними меня, — шепчу я. Йоссе складывает руки и поднимает меня, чтобы я могла заглянуть в сад и дом за ним. Это высокое каменное чудовище с башенками по обеим сторонам и острой, остроконечной крышей. Железные ворота украшены орнаментом в виде фамильного герба — красного креста в окружении синих орлов. Я сразу их узнаю. Эти транспаранты развевались во многих экипажах перед нашим домом на улице Борегар: уважаемый герцог Люксембургский — маршал Франции и, возможно, самый известный клиент матери, помимо мадам де Монтеспан. Хотя их высокий статус, в конце концов, принес им мало пользы.

Звук разбивающегося стекла доносится откуда-то изнутри, а через мгновение звенит ледящий кровь крик и быстро утихает.

Я хватаюсь за верх стены и перепрыгиваю, приземляюсь на болотистую землю.

— Скорее! — шиплю я Йоссе. Пока он преодолевает стену с гораздо большим трудом, чем Фернанд, я сдвигаю юбки и срываю склянку с ядом, вшитую в подол платья горничной. Если Фернанд использовал Яд Змеи, нужно будет быстро ввести противоядие.

Мы крадемся вдоль внешней стороны замка и ждем у входа для слуг. Крошечный пузырек у меня в кулаке дрожит. Мой пульс ревет в ушах, так громко, что я теряю счет времени. Мы не можем рискнуть до того, как уйдет Фернанд. Никто из нас не мог победить наемника в бою.

Я не вижу Фернанда, но слышу малейшее движение гальки на дороге и киваю Йоссе. Он толкает дверь плечом, и мы врываемся внутрь. Мои ботинки скользят по полированному паркету, как по льду.

— Монсье герцог! — коридор широкий и высокий, и мой голос отражается от деревянных панелей, кричит мне в ответ. Я замираю, чтобы прислушаться к ответу. Когда его нет, я поднимаюсь по ближайшей лестнице.

Стены наверху украшены тяжелыми шелковыми гобеленами, которые вздымаются, пока мы мчимся в большой зал. Он тоже пуст. Или выглядит пустым. Я чувствую, как десятки глаз наблюдают за нами из-за колонн и шпионят за углами. Дом кишит слугами, но на наш зов никто не отвечает. Никто не приходит на помощь хозяину. Я их не виню. У них нет возможности узнать, миновала ли опасность.

Я кричу снова, и на этот раз раздается тихий хрип.

— Там! — Йоссе указывает на что-то, похожее на груды грязного тростника в углу, но теперь я вижу человека. Герцог лежит на спине. Его руки хлопают по бокам, но его узкие глаза неподвижны и открыты, настолько широко, что кажутся торчащими из его головы.

Я падаю рядом с ним на колени и зубами вырываю пробку из своего флакона с ядом.

— Пейте, — я подношу склянку к его губам. Он смотрит на меня, и с его губ вырывается низкий гортанный крик. Он яростно бьется, и Йоссе наклоняется, чтобы удержать его за плечи — как он это сделал, когда я исцеляла Франсуазу. — Я не моя мать, — рычу я. — Пейте, если хотите жить.

Он уже не борется, замирает, и противоядие течет по его губам.

Мой пульс считает секунды.

Я понятия не имею, сколько времени это займет.

Когда я дохожу до шести, рот герцога открывается, и гадкая смесь крови и мокроты стекает по его подбородку. Я пытаюсь повернуть его на бок, но он воет и выгибается, спина оказывается под жутким углом.

— Почему не работает? — лепечет Йоссе. Его лицо такое же бледное, как полоса лунного света под окном. Его вот-вот стошнит.

— Сработает, — я сжимаю склянку. По моим подсчетам, мужчине должна была понадобиться только половина, но я кладу его себе на колени, засовываю пузырек ему в губы и выливаю ему в рот все до последней капли.

«Ты не умрешь».

Я не знаю, думаю я об этом, шепчу это или кричу. Но в моей голове слова грохочут как гром. Я почти не знала герцога, а то, что я знала, мне не особенно нравилось, но теперь мне нужно, чтобы он жил так же уверенно, как мне нужно дышать. Мне нужно, чтобы противоядие было эффективным.

Я так крепко сжимаю рюши воротника, что они отрываются от рубашки, когда его

сотрясает новая дрожь, еще более сильная. Он вертится и стонет, его кости ломаются, как от удара кнута. Его рука сжимает мое предплечье, а его ногти пронзают мою кожу, как пять крошечных лезвий. Они режут все глубже и глубже, пока внезапно давление не исчезает. Его ноги дергаются в последний раз, и он застывает. Растягивается у меня на коленях.

Я трясу его, хотя знаю, что это бесполезно. Я трясу его, в то время как другие жуткие, кровоточащие лица мелькают в моей голове: Король-Солнце, мадам де Монтеспан, герцог де Вандом и его люди.

Сколько еще?

Я скулю в тыльную сторону ладони, и герцог соскальзывает с моих колен. Его вялая щека прижимается к полу.

— Это должно было сработать. Почему не сработало? — я не знаю, говорю я с герцогом, с Йоссе или с собой, но слова льются из меня, как кровь изо рта герцога. Обливают меня, и я дрожу, раскачиваюсь вперед и назад, прижав ладони к глазам.

Вытяжки из оленьего рога, камфоры и крепкого соляного раствора. Сваренные на медленном огне пять часов и пропущенные через сито. Я мысленно пересматриваю рецепт снова и снова.

Я все сделала правильно.

— Мира? — Йоссе касается моей руки, но я не отвечаю. — Нам нужно идти. Здесь мы больше ничего не можем сделать.

Я склоняюсь над телом герцога, как стервятник. Это еще не все. Я смогу сделать больше. Если бы я только могла...

Что? Я могу быть алхимиком, но у меня нет эликсира жизни или панацеи. Я даже не могу сварить достойное противоядие. Я неудачница. Позор.

Йоссе умоляет, подталкивает и толкает, но я сижу на полу, мои юбки впитывают кровь герцога Люксембургского, пока Йоссе не теряет терпение. Бормоча ругательства, он приседает рядом со мной и кладет руки мне на спину и под мои руки.

— Я не веду себя неприлично. Я просто помогаю тебе встать.

Я не могу двигаться и отбиваться. Он поднимает меня с пола, и я прислоняюсь к его боку, спотыкаюсь, пока он ведет меня по коридору. Какая-то далекая, далекая часть меня огорчена, но та часть меня, которая не смогла спасти герцога, слишком пуста, чтобы думать об этом.

Мирабель ощущается как труп в моих руках — словно она умерла от Яда Змеи. Ее стеклянные глаза смотрят в пустоту. Ее руки висят, свинцовые, раскачиваются, пока я спускаюсь по лестнице и иду в сад.

Я переносу ее через стену и веду по улице. Все время она будто идет во мне. Я кашляю и поглядываю на нее каждые несколько минут, прося ее этим посмотреть на меня. Я не знаю, что сказать, но какой-то признак жизни успокоил бы меня. Она выглядит хрупкой, как осиное гнездо. Опустошенная горем.

Начинает капать легкий дождь, и я опускаю шляпу ниже, чтобы прикрыть лицо. Мирабель делает обратное, запрокидывая голову, так что струйки воды стекают по ее щекам. Они почти похожи на слезы.

— Ты не должна быть такой строгой к себе, — выпаливаю я, когда больше не могу терпеть молчание. — Ты спасла множество людей. Подумай о бедных на дю Темпл и о больных в Отель-Дьё. Это всего лишь небольшая неудача.

— Небольшая неудача? — кричит она, оборачиваясь. Мы оба вздрагиваем и смотрим на дорогу. Она подходит ближе и продолжает яростным шепотом. — Как ты можешь так говорить, когда видел, на что способна моя мама? То хорошее, что мы сделали, не имеет значения. Этого недостаточно.

— Так мы сделаем больше...

— Я не могу больше, — ее голос срывается на словах «не могу». — Мой отец верил, что я стану великим алхимиком, но я не могу даже сварить простое противоядие.

— Противоядие от Яда Змеи — непростое дело! Ты сама так сказала.

— Забудь все, что я сказала. Понятия не имею, о чем говорю, — она бросается вперед, ее кулаки сжаты по бокам, и мне становится легче дышать, когда я бегу, чтобы догнать ее. Возможно, я не утешил ее, но гнев лучше, чем пустое ничто.

Гнев означает, что она не сдалась.

Наконец-то в поле зрения появляется магазин шляп. Я с трудом тащу тело, почти истекая слюной при мысли о моей куче обрывков. Мое тело кажется безвольным, как фазан без костей, и я собираюсь провалиться в дверь и проспять несколько дней, но что-то хрустит под моими ботинками, когда я поднимаюсь по ступенькам. Я смотрю, щурясь, сквозь тени на то, что кажется крошечными кусочками потрескавшейся белой краски. Мирабель тянется к двери, когда я понимаю, откуда взялась краска. Я бросаю руку, чтобы остановить ее.

— Нет!

— Клянусь честью отца, если ты попытаешься...

Я прижимаю палец к своим губам и указываю на коричневую дыру в центре перемычки двери, потом на краску, будто снег покрывшую ступени.

— Кто-то внутри, — я с трудом могу пройти в дверь, не потревожив старую краску, так что тот, кто вошел, выше меня и все еще внутри, иначе он смел бы ногами крошку краски.

Мирабель белеет, и мы отступаем, смотрим на магазин. Он выглядит так же, как когда мы ушли — почерневшие окна, забитые досками, плотно закрытая дверь. Но крошка краски кричит: «Не ходите дальше».

— Жди там, — я указываю на переулок между магазином шляп и игорным домом.

Мирабель скрещивает руки.

— Мне не нужна твоя защита.

— Я этого и не говорил. Но я послушался тебя на дю Темпл и Отель-Дьё. Теперь твоя очередь слушаться.

Мирабель хмурится, но подчиняется.

Как только она безопасно скрыта, я вытаскиваю кинжал из ботинка и двигаюсь к двери. Скорее всего, бродяга решил укрыться в заброшенном магазине. Не о чем переживать. Или это патруль Теневого Общества. А если это Ла Вуазен? Или Лесаж?

Трепет пробегает по мне. От ужаса, да, но и от жуткого голода. От горящей надежды, что это кто-то из них. Мои кости жаждут мести — за Ризенду, которая приняла удар за меня. За моих сестер, которые заслуживают жизни под солнцем. За Мирабель, которую отвергли и бросили врагам. И за моего отца — хоть мне больно это признавать — у которого никогда не будет шанса увидеть во мне что-то, кроме бастарда.

Я расправляю плечи и ударяю ногой по двери.

Я так стремлюсь найти Ла Вуазен, окутанную ее плащом двуглавого орла, что не сразу понимаю, кто стоит передо мной.

— Дегре? — паника выводит меня из равновесия, и мой кинжал с грохотом падает на пол.

— Ты знал, что, в конце концов, я найду тебя, — его голос льдом распространяется под моей кожей, и я отступаю. Он стоит в центре комнаты, широко расставив ноги, скрестив руки на другой маскировке — на этот раз рваной коричневой рясе священника.

— Дегре, — говорю я снова, проклиная дрожь в моем голосе. — Я могу объяснить.

— Что тут объяснять? Ты лжец и предатель. Ты напал на меня и убежал с отравительницей. Ты бросил своих сестер.

— Я никого не бросил. И я не предал тебя без причины. Ты мой лучший друг...

Он смеется — быстро и невесело.

— Ты мне не друг, — он хочет ударить меня своими словами, но в его голос закрадывается нотка эмоций, и он кашляет, чтобы прогнать ее.

— Я говорю, что все делал не просто так. У нас есть план, как вернуть Париж.

— Ты себя слышишь? Говоришь о себе и отравительнице как «мы»! Да, я уверен, она поможет тебе передать город своей матери. И твоих сестер вместе с ним. Где она?

— Мирабель не хочет и близко подходить к своей матери или Теневому Обществу, — я запускаю пальцы в свои волосы. — Если ты просто слушаешь...

— И ты глупо ей веришь?

— Она давала нам повод сомневаться? Она увела нас в укрытие во время шествия, она исцелила девочек, исцелила *тебя*. Или ты это удобно забыл?

Дегре фыркает.

— Я восстановился бы сам.

— Ты был при смерти.

— Лучше мертвый, чем предатель.

— В миллионный раз говорю: я не предатель!

— Если ты не предатель, то что, скажи, все это? — он указывает на прилавок, заваленный пузырьками, пинцетами и пакетиками с травами. — Похоже на проклятую лабораторию ядов.

— Это часть нашего плана. Если хочешь послушать, а не рычать, как химера на вершине башни Нотр-Дам, я с радостью объясню.

Дегре скрещивает руки и сердито смотрит — это, как по мне, почти приглашение.

— Мы варим лекарства, а не яды, — говорю я решительно, — которые распространяем среди простых людей от имени королевской семьи, чтобы заслужить их расположение и поддержку. В дополнение к лекарствам, мы предлагаем людям право голоса в правительстве после восстановления Людовика на троне — выбор представителей, которые будут озвучивать проблемы королю. И мы разрабатываем противоядие для оставшихся дворян, которых Ла Вуазен планирует погубить, так что они тоже будут в долгу перед нами. Это будет союз простых людей и аристократов, чего не смогли осуществить ни отец, ни Ла Вуазен. Мы сможем свергнуть Теневое Общество с помощью единого города позади нас.

Я торжествующе смотрю на Дегре. Я довольно хорошо умею произносить речи.

Он молчит бесконечно долго, затем запрокидывает голову и смеется. Такое ощущение, что тысячи игл вонзаются мне в уши.

— Бедный глупец! Пожалуйста, скажи мне, что отравительница что-то добавила тебе в воду или бросила на тебя дьявольский порошок, и что ты не веришь, что этот смехотворный план сработает.

— Это сработает! — выдавливаю я. — Это хороший план!

— Возможно, так кажется, если верить словам из ее лживого рта.

— Она невиновна. Мать использовала и предала ее — как и нас, — Дегре делает вид, что вытирает глаза и качает головой, и мои пальцы сжимаются в кулаки. — Перестань смеяться, — говорю я рычанием.

— Я перестану смеяться, как только ты начнешь пользоваться головой. Меня не волнует, что она тебе сказала. Она врет. Она все еще одна из них. Она всегда будет одной из них.

Мое сердце бьется о ребра, как птица в клетке, и мое зрение темнеет по краям, сужаясь на взбешенном лице Дегре.

— Ты невозможен! — кричу я. Затем я делаю что-то очень глупое — бросаюсь вперед и бью Дегре плечом в грудь, что, как я знаю, плохо кончится, поскольку именно он научил меня драться. Он опрокидывается назад и врезается в стойку, но каким-то образом ему удается зацепиться ногой за мою лодыжку, когда он падает. Прежде чем я успеваю понять, что происходит, я затылком трескаюсь о пыльный пол.

Дегре забирается на меня. Я пинаю его ногой, и мой ботинок вонзается ему в живот. Он сгибается пополам, хрипит, и я пытаюсь откатиться, но мне некуда двигаться, и я врезаюсь в прилавок. Чайник с лязгом падает на пол, отражаясь, как колокол, за которым следует грохот, по крайней мере, дюжины стеклянных флаконов.

— Что, черт возьми, здесь творится? — Мирабель врывается в магазин. Она смотрит сначала на свое разбитое оборудование, а затем на Дегре. — Ты.

Дегре приподнимается на локтях, его голубые глаза весело сияют.

— Какая прелесть, Йоссе. Твоя отравительница пришла спасти тебя.

— Скажи ему, — говорю я Мирабель, потирая пульсирующую голову. — Скажи ему, что он может тебе доверять. Что ты никому не причинила вреда и не имела никакого отношения к нападению на Версаль.

Она моргает, как будто я говорю на чужих языках.

— Что?

— Скажи ему то, что ты сказала мне.

Она медленно отступает и упирается в дверь. Глаза у нее широкие и тревожные, щеки белоснежные, как луна.

— Я не понимаю. Я не могу... — она хватается за лоб. Капельки пота стекают от ее волос. Ее рот открывается и закрывается, но она, кажется, не может найти голос.

У меня по спине пробегает холод страха.

— Мирабель?

Я ощущаю взгляд Дегре. Его взгляд мечется, словно он смотрит увлекательный теннисный матч.

Я поднимаюсь на ноги, сердце колотится в моей груди.

— Что ты пытаешься сказать?

— Прости, — ее плечи дрожат. — Мне очень жаль.

— Почему тебе жаль? — она долго молчит, и я хочу пересечь комнату и встряхнуть ее. — Ответь мне!

Наконец она опускает взгляд. Ее взгляд так же пуст и так же далек, как и в замке герцога Люксембургского.

— Это все моя вина, — тихо говорит она.

— Я не понимаю, — повторяю я.

Всхлип вырывается из ее горла, и ее голос срывается.

— Моя мать передала отравленную петицию в руки Королю-Солнцу, но я сделала яд. Я в ответе за его смерть.

Прилив ледящего кровь холода распространяется по моей груди и обвивает пальцами мое горло. Я мотаю головой.

— Нет. Это невозможно. Ты сказала, что не имеешь никакого отношения к нападению на Версаль.

Мирабель говорит в пол, ее голос звучит ровно и сухо:

— Я сказала, что ничего не знала о планах матери, я и не знала. Но вряд ли это делает меня невиновной. Я знала, что она даст кому-нибудь яд. И я создала кровавое зелье, чтобы сделать магию Лесажа тактильной: его молния, дымовые твари — ничего из этого не существовало бы без меня. Я причина того, что Теневое Общество смогло захватить город.

Звон в ушах заглушает конец ее признания. Из-за нее мои сестры чуть не погибли. Она убила моего отца. И Ризенда...

Я смотрю на Мирабель, сторбившуюся в дверном проеме, пытаюсь связать девушку, которую я видел, с любовью применяющую лечебные средства, с монстром, которого она описывает. И не могу. Это невозможно.

— Прости меня, — выдавливает Мирабель.

— Вот видишь! — Дегре вскакивает на ноги и указывает пальцем. — Она сама признает! Она убила короля, твоего отца. Это уже ужасное преступление. Но она еще и в ответе за смерти половины знати и полиции Парижа. И ты с ней решил объединиться, — он скалится, глядя на меня, — но я не буду совершать такую ошибку, — он вытаскивает рапиру

из коричневой мантии и идет к Мирабель. — На колени.

Дверь открыта. Она могла попытаться сбежать. Но она смотрит на Дегре полными слез черными глазами и подчиняется. Ее губы дрожат, а дыхание становится прерывистым и частым. Она не просит пощады. Не смотрит в сторону.

Дегре подносит свой клинок к ее горлу и поворачивает острие так, чтобы оно вонзилось в плоть под ее ухом. Лента из малиновых змей спускается по ее шее. Я смотрю, как она стекает ниже. Каждый удар сердца бьет о мои виски. Мой кинжал лежит на полу в пределах досягаемости, но я не могу пошевелиться. Не уверен, хочу ли.

Мирабель сглатывает, преодолевая давление клинка Дегре, и поднимает подбородок выше.

— Сделай это, — выдыхает она. Но в этот же момент с улицы доносится скрежет. Как меч, волочущийся по булыжникам. Звук приближается, становится громче, и мой нос заполняет ужасная вонь — как тухлые яйца и порох. Волны маслянисто-голубого дыма вливаются в магазин и обвивают наши лодыжки.

Дегре отшатывается, выкрикивая ругательства. Мирабель падает на пол и хватается за шею. Я быстро встаю на ноги. И мы все смотрим в дверь, на огромного зверя из дыма цвета индиго, который появляется в поле зрения. У него длинные кожистые крылья, когти длиной с мое предплечье и шипастый хвост, пугающе похожий на булаву. Он со скрежетом мечется в стороны, пока монстр неуклюже движется по улице Наварин.

Существо останавливается прямо перед магазином шляп и обращает на нас свои золотые глаза, зрачки сужаются, как у змеи. Он наклоняет голову и поднимает притупленную морду в воздух. Горячее прогорклое дыхание вырывается из его ноздрей.

Мирабель охает.

— Он выпустил их.

Дегре отталкивает ее, закрывает дверь и бросается в поисках чего-нибудь, что можно использовать в качестве баррикады. Я прыгаю, чтобы помочь ему, втыкаю стул под ручку. Что смешно. Дымовое чудовище могло прорваться одним движением когтя. Или сжечь весь магазин дотла.

Мы отступаем в дальний угол — я, Дегре и Мирабель прячемся за стойкой. Тяжело дышим. Дрожим. Ждем, когда огонь охватит магазин или огромный вес зверя сломает лестницу, ведущую к двери. Проходят секунды. Капли крови текут по шее Мирабель и покрывают пыльный пол. В конце концов, скрежет возобновляется, отчетливо удаляясь.

Мы бросаемся к окну, когда шипастый хвост зверя исчезает за углом де Наварин. Дегре вздыхает и прислоняется к стене. Я хватаюсь за подоконник. Но Мирабель бросается к двери и убирает стул.

— Нет, нет, нет, — бормочет она.

— Ты не убежишь от меня, — говорит Дегре. — Я легко тебя догоню.

— Ты меньше всего меня беспокоишь, — говорит она. Затем она распахивает дверь и летит по улице. За зверем, созданным из дыма, пламени и кошмара. Бежит, несомненно, к ее смерти.

17

МИРАБЕЛЬ

Только по одной причине дымовой зверь мог отступить. Только по одной причине он не уничтожил магазин и весь город, хотя Лесаж освободил их.

Мать хочет схватить нас живыми, чтобы она могла устроить кровавую публичную казнь королевской семьи и мое наказание, а существа Лесажа — ее охотничьи псы, посланные вынюхивать нас.

Я хватаюсь за железный забор, выскакиваю за угол и мчусь по извилистой улице. Существо движется лазурной волной. Его остроконечный хвост качается и вспыхивает, как фонарики в лунном свете, а его щелевидные уши поворачиваются, прислушиваясь к моим шагам. Но он не поворачивается, чтобы поразить меня своим огненным дыханием. Подтверждая мои подозрения.

Я сжимаю юбку в кулак и заставляю ноги двигаться быстрее. Каждый вдох прорезает мои легкие, как коса, и ледяные волны страха обрушиваются на мои конечности, но боль — ничто, ничто по сравнению с выражением лица Йоссе, когда я призналась. Как его глаза расширились от ужаса. Как он отшатнулся в полном отвращении. Как будто я монстр.

Может быть, так и есть.

Я делала ужасные, непростительные вещи. То, что я не могу изменить. Но я могу помешать монстру добраться до Лувра и раскрыть наше местонахождение Лесажу.

Я остановлю его.

Мы поворачиваем за другой угол. Когда мы пролетаем мимо, трепещут шторы на окнах и зажигаются свечи, но ни одна душа не решается выйти на улицу, чтобы помочь. Они увидели, на что способны эти существа, во время процессии, и я рада, что они держатся подальше. На моей совести меньше невинных жизней.

Я шагаю шире и ускоряюсь, но зверь все еще быстрее. Он несется вперед, фыркая, когда на берегу реки появляется Лувр.

Если я не остановлю его сейчас, я никогда не сделаю это.

В отчаянии я поднимаю вилы из тележки с сеном на обочине дороги, нацеливаю зубцы на дымящегося зверя и бросаю изо всех сил, посылая беззвучную молитву своим импровизированным копьём. Инструмент тяжелее, чем я думала, и моя меткость далека от совершенства, но стальным зубцам удается порезать заднюю ногу существа. Оно разворачивается и поджигает бульжники. Я резко останавливаюсь в шаге от выжженных камней и перекатываюсь в сторону, едва избегая второго удара.

Зверь бросается ко мне, сотрясая землю под моими ботинками, сотрясая каждую дрожащую кость в моем теле. Его золотые глаза останавливаются на моем теле, и крик вырывается из моего горла. Я искала оружие, идею. Что-нибудь.

«Думай, Мира!».

Река слева от меня. Я могу заманить его в воду. Звери, изрыгающие огонь, не должны любить воду. Или я могу побежать направо, к одному из оружейных складов. Если пламя зверя воспламенит порох, взрыв может убить его.

И полквартала невинных душ!

Существо шипит и выпрямляется во весь рост. Его зловонное дыхание обливает меня, как кипящая вода. Я поворачиваю налево. Недостаточно быстро. Огонь задевает мое платье, и я снова проклинаяю себя за то, что не изменила зелье Лесажа, чтобы и я могла управлять монстрами. Боль обжигает ногу, но через секунду ее уже нет. Руки обвивают мою грудь и тащат по улице. Мы катимся в сточную канаву, мои юбки шипят, когда грязная вода гасит пламя.

— Ты ненормальная? — кричит Йоссе.

— Ты пошел за мной, — я моргаю, не уверенная, что он настоящий.

— Немного помощи! — кричит Дегре. Он прыгает у дверей на улице, делает дикие выпады в сторону монстра между вспышками огня.

Не глядя на меня, Йоссе поднимается на ноги и нападает на монстра сзади. Он

вынимает кинжал из ботинка и умудряется вонзить его в левую заднюю лапу дымового зверя. Существо кричит и разворачивается. Его похожий на булаву хвост врежется в деревянную колонну, чуть не обезглавливая Дегре.

— Если подумать, может, тебе и не стоит помогать, — Дегре прячется за ящиком, и Йоссе пересекает дорогу, чтобы присоединиться к нему.

Тяжело дыша, я поднимаюсь на колени и собираю камни в юбку. Затем я прячусь за тележкой с овощами и кидаю камни в дымового зверя. Когда он поворачивается, чтобы зарычать на меня, Йоссе и Дегре выпрыгивают из своих укрытий и бьют его по лапам и шее. Им удается нанести несколько приличных ударов, их лица и туники покрыты брызгами густой черной крови, но существо не отстает. В следующий раз, когда я швыряю камни, оно поворачивается в другую сторону и выбивает лезвие Дегре из его руки. Рапира крутится на дороге, и когда Йоссе пытается схватить ее, дымовой зверь чуть не поджигает его руку.

Измученные и безоружные, Йоссе и Дегре прячутся за деревянными колоннами, удерживающими фахверковые дома. Зверь отступает и рычит. Он сожжет их — и дом тоже. Я бросаюсь вперед, камешки падают с моей юбки, я с криком бегу на существо.

Над головой проносится огонь. Я охаю, полагая, что зверь выдохнул на соломенную крышу. Но вместо того, чтобы вспыхивать вверх, огонь льется на монстра — маленькие огненные шары, сделанные из связанных веток. Дымовой зверь визжит и кренился на противоположную сторону дороги, но шквал огня спускается и с этой крыши.

Ниже из переулка выбегают две маленькие фигурки, размахивая руками. Дымовой зверь бросается на них, но прежде, чем он успевает броситься, кто-то свистит, и с крыш разворачивается увесистый сверток. Похоже, это какая-то сеть, которая падает на спину зверя и запутывается на его бьющих крыльях. Пока существо борется, из переулков выскакивает больше скрытые фигуры и спускается по сточным канавам. Половина из них бежит к голове зверя с кинжалами и огненными кочергами, которыми они пронзают его ноги и низ живота, а другая половина суетится вокруг его спотыкающихся лап, как муравьи, пытаясь закрепить веревку.

Дымовой зверь рычит и мотает головой, но прежде, чем он успевает выдохнуть смертоносный огонь, появляются новые фигуры с горшками с водой, которую они плещут в лицо зверю. Обжигающие клубы пара взмывают в небо, и смертоносный запах серы и серы настолько ошеломляет, что я задыхаюсь. Пока существо сопротивляется, сеть затягивается. Зверь пытается повернуться, но спотыкается о веревку и падает на колени.

Я ошеломленно наблюдаю, как группа прижимает его к земле, а мальчик — неуклюжий, вооруженный шестом мальчик — поднимает топор и отрывает голову дымового зверя от его шеи.

Он смеется, его лицо залито липкой кровью.

— Какого черта! — голос Дегре затихает, когда мальчик приближается к нам, вытирая топор о грязную тунику. Его соломенные волосы спутаны в кучья, а глаза дикие и голодные. Ему не больше четырнадцати, но он держится властно — плечи расправлены, брови приподняты, лоб серьезно сморщен. Он свистит, и фигуры, которые держали сеть, спешат к нему. Они продолжают выходить из трещин и спускаться с балконов, как пауки. Все они худые, с взлохмаченными волосами, до зубов вооружены кинжалами, кочергами и дубинками.

Дрожь пробегает по моим рукам, и я пячусь.

Уличная банда. Париж переполнен ими — детьми, которые сбегают из приютов,

выбирают выживание на том, кто они забирали из карманов. Это жестокая жизнь, по словам Грися, который был с одной из банд, пока матушка не нашла его. Он говорит, что дети такие же жесткие, как и любой настоящий преступник. Что они с радостью ограбили бы самого Людовика XIV, если бы заметили его карету по улице.

Они окружают нас, как стая волков, и я прижимаюсь ближе к Йоссе и Дегре, хотя не совсем уверена, что они снова защитят меня. Ни один из них даже не смотрит в мою сторону.

Мальчик прислоняет топор к плечу и говорит:

— Вы были бы мертвы, если бы не мы, и наша защита не бесплатна, — Дегре шагает к своей рапире на обочине дороги, но мальчик с соломенными волосами метает топор в булыжник. Зазубренные куски камня взлетают в воздух, и он смеется, когда Дегре отпрыгивает. Что вызывает смех у остальной части группы. — Я бы не стал этого делать, месье.

— Пропустите нас, — говорит Дегре.

— С удовольствием. Если заплатите, — мальчик наклоняет голову и усмехается, просовывая язык в дырочку, где должен быть один из его передних зубов.

— У нас нет денег, — Йоссе хлопает по своей грязной тунике и бриджах.

— Но у вас ведь есть что-то стоящее?

— Мы не просили вашей помощи», — говорит Дегре. — Вы не можете держать нас в заложниках.

— Разве? — мальчик снова размахивает топором. Йоссе и Дегре чудом уклоняются, но я достаточно далеко, чтобы заметить, как у мальчика ломается голос, когда он смеется. Как он вздрагивает, когда кладет топор себе на плечо.

Я приглядываюсь к нему. Его глаза больные, шея опухшая, а кожа мокрая и тусклая. За его нахальной улыбкой хриплое дыхание.

Лихорадка золотухи.

И его товарищи не лучше, потные и кашляющие, их кожа в струпьях.

— Вы нас пропустите, — кричит Дегре. — Или...

Я бегу вперед и касаюсь руки Йоссе. Он отскакивает с шипением, словно мое прикосновение обжигает.

— Чего ты хочешь? — говорит он, не глядя мне в глаза.

Я убираю руку и сглатываю.

— О-они больны, — шепчу я. — И я могу им помочь.

Йоссе молчит, но обвинение в его глазах звенит в тишине: «Так, как ты помогла моему отцу? Зачем мне верить словам из твоего лживого рта?».

— Если мы поможем им, мы сможем привлечь их к нашему делу...

Йоссе напрягается, и я уверена, что он вот-вот сообщит мне, что в этом нет смысла, но, наконец, он коротко кивает мне, сжимает ткань на спине Дегре и оттаскивает его от мальчика, прежде чем их спор может перейти в драку.

Глубоко вдохнув, я обхожу Йоссе и Дегре и подхожу к детям, как к раненым животным, протягивая руки на всеобщее обозрение.

— Когда ты начал кашлять?

Глаза мальчика сужаются, и дети позади него смотрят на меня с подозрением.

Я продолжаю:

— Сколько дней назад появились пустулы? Важно, чтобы ты точно вспомнил.

Мальчик все еще молчит, но несколько его товарищей по группе смотрят вниз и тянут за туники.

— Я могу помочь, но мне нужно знать, насколько далеко зашла болезнь.

Двое детей хмыкают и толкают мальчика в спину. Парень с соломенными волосами смотрит на меня каменным лицом.

— Первый из нас заметил язвы на прошлой неделе.

— Тогда еще есть время. У меня нет с собой лечебного средства, но...

— Ты знаешь лекарство.

— Да. Я могу его дистиллировать и сегодня вечером принести вам.

Мальчик качает головой.

— Ты сделаешь это сейчас. Под нашим наблюдением, — он показывает топором на дорогу, как тюремщик, ведущий заключенных к лагерям. Я подавляю улыбку. Этот мальчик непоколебим. Именно такой союзник нам нужен.

— У меня одно условие, — начинаю я, но Йоссе с кашлем встает передо мной.

Он указывает на тело дымового зверя.

— Это был впечатляющий подвиг.

Мальчик пожимает плечами, но удовлетворенная улыбка изгибает его губы.

— Это уже третий, которого мы убили на этой неделе. Раньше мы грабили экипажи и телеги, прибывающие в Лез Аль и обратно, но после того, как чудовища сожгли берег реки, люди готовы дорого платить за защиту.

— Очень умно, — говорит Йоссе.

— Ага, — мальчик расправляет костлявые плечи. — Мы отрубаем головы монстрам и прогоняем патрули в масках. А до смерти короля полиция Парижа дрожала от упоминания нас.

Йоссе разглядывает мальчика, словно давно потерянного брата.

— Как тебя зовут?

— Гаврил.

— Как насчет сотрудничества, Гаврил?

— Зависит от предложения.

— Зачем нам что-то им предлагать? — вмешивается Дегре. — Это группа дикарей.

Гаврил плюет на дорогу и закатывает рукава рубашки.

— Обладают очень полезным набором навыков, — торопливо говорит Йоссе, вставая между Дегре и Гаврилом. — Что, если бы я сказал, что в обмен на продолжение охоты на дымовых тварей и преследование патрулей Теневого Общества я мог бы предложить тебе не только лекарства от болезни, но и всю пищу, которую ты можешь съесть? И настоящую крышу над головой. Больше не надо бродить по улицам — если, конечно, ты хочешь этого.

Дети возбужденно шепчутся, но Гаврил поднимает руку.

— Кто вы такие, чтобы предлагать такие вещи? И с какой целью?

— Я Йоссе де Бурбон, внебрачный сын покойного короля. Мой брат Людовик жив и планирует выступить против Теневого Общества и вернуть себе трон. Но для этого ему нужна помощь простолюдинов. Нам нужна твоя помощь.

— Нам не нужен король! — кричит один из детей, и несколько других соглашаются. — Что он сделал для нас?

— Дофин будет другим королем, — говорит Йоссе. — Он будет слушать голос народа. У вас будут представители при дворе, а также надлежащая еда и кров. Как и лекарства.

Дети усмеваются и закатывают глаза. Я их не виню. Каждый раз, когда мы произносим эти прокламации, в моем животе закипает небольшая доля сомнения. Я хочу верить, что наш план сработает, но мы даем очень много обещаний от имени человека, который меня ненавидит. Который хочет меня убить. Который, наверное, никогда не задумывался о существовании этих сирот. Я не могу представить, что Людовик захочет работать с ними или с кем-либо из наших новобранцев.

Гаврил кусает щеку изнутри, и в его глазах появляется озорной блеск.

— Что, если я скажу, что наша цена — Пале-Рояль? Вы бы позволили нам жить там?

Он знает, что это огромное требование.

Как и Йоссе. Он тянет за воротник, сглатывает пару раз и говорит:

— Считайте, что это сделано.

Дегре кашляет так сильно, что я удивляюсь, почему у него не выпали глаза.

— Йоссе, будь разумным! Это резиденция герцога Орлеанского, уступающая по величине только Лувру! Герцог и дворянство никогда этого не потерпят.

— Если он жив, герцог будет вынужден принять это. В эту новую эру мы все должны приспособиться. Пале-Рояль — небольшая цена за такой выгодный союз.

Восторженная улыбка озаряет грязное лицо Гаврила, и он смотрит на бастарда как на короля.

Как Йоссе это делает? Заставляет человека почувствовать себя нужным и уверенным, независимо от его статуса. Заставляет захотеть помочь ему, потому что он искренне желает помочь взамен. Я думаю о том, как он вытащил меня из канализации и привел в Лувр, как страстно он убеждал меня присоединиться к нему в этом безумном предприятии по объединению людей, и тепло поднимается во мне, как жар в кузнице.

Мой взгляд падает на его лицо, но он напрягается и стискивает челюсти, отказываясь поворачиваться.

Гаврил плюет в ладонь и предлагает ее Йоссе, который с удовольствием отвечает на рукопожатие. То, что настоящий королевич никогда бы не сделал.

— Приятно иметь с вами дело, мастер Гаврил, — с поклоном говорит Йоссе. Дети хлопают и радостно свистят.

— Теперь о лекарстве... — говорит Гаврил.

— Это нужно говорить с ней, — Йоссе через плечо показывает на меня, и после преднамеренной паузы он, наконец, встречает мой взгляд и бормочет. — Мадемуазель Ла Ви.

Комок эмоций скапливается у меня в горле. Какое-то время я не могу говорить. Это далеко от отпущения грехов, но если он все еще хочет меня так называть, это дает мне надежду, что когда-нибудь я смогу выбраться из-под груза своих преступлений. Это дает мне силы выпрямиться, приподнять подбородок и сделать несколько необычную просьбу:

— Конечно, — говорю я, делая реверанс Гаврилу. — У меня есть одна небольшая просьба. Если мы все пойдем в одном направлении, не могли бы вы помочь мне нести тело? — я указываю на неповоротливого дымового зверя, и веселье угасает. Дети смотрят так, будто я сошла с ума.

Дегре, который не переставал ворчать с тех пор, как Йоссе начал переговоры с Гаврилом, хлопает ладонью по лбу и стонет.

— Что тебе нужно от тела существа?

— Что хотелось бы любому хорошему алхимику, — яростно говорю я. — Я хочу

18

ЙОССЕ

Гаврил и его банда уходят со своей настойкой, и в магазине наступает гнетущая тишина. Треск огня заставляет меня подпрыгивать; капание крови дымового зверя на пол проделало дыру в моем мозгу.

Я бы ушла с ними, но большинство сирот дали понять, что им пока неудобно общаться с королевской семьей. И я не мог вернуться в канализацию с Дегре, чтобы проверить, как там мои сестры, несмотря на то, как я отчаянно хочу их увидеть. Очевидно, Людовик не готов увидеть мое «предательское лицо». Я тоже не готов увидеть его надменное свирепое лицо. Значит, я заперт здесь, внутри этих четырех сужающихся стен, с Мирабель.

Мы оба отступаем в разные уголки и сразу же засыпаем — долгожданная передышка. Но как только она просыпается, я чувствую, как она смотрит на меня. Она изображает, что не делает этого, сгорбившись над причудливым телом существа на прилавке. Похоже на выпотрошенную рыбу на пристани, точнее на кита. Ей пришлось разрезать его на части, чтобы оно пролезло в дверь. Большинство частей все еще сложено в переулке за магазином. Часть его живота растопырена на прилавке, и, несмотря на то, что она по локоть в грязных черных внутренностях, она поглядывает в мою сторону каждые несколько секунд. Надеется поймать мой взгляд, как она это сделала на улице.

«Смотри сколько хочешь, — хочу рявкнуть я. — Это не поможет», — но для этого потребуется говорить с ней, чего я тоже не хочу. С громким вздохом я поворачиваюсь к стене и опускаю на лицо треуголку. Это легкий выход, но я не знаю, что она ожидает от

меня. Я не могу притвориться, что меня не беспокоит тот факт, что она убила моего отца — да и Ризенду тоже в некотором роде — а затем удобно опустила эти подробности, когда я спросил ее о Версале.

И я устраиваюсь в углу и притворяюсь измученным. Что не требует особых усилий. Мои конечности все еще напоминают пудинг, и я весь в порезах и синяках от дымового зверя.

Существо продолжает нападать на меня даже после смерти. От его высыхающей чешуи пахнет тухлыми яйцами, и оно издает ужасные хлюпающие звуки, когда Мирабель проводит ножом по центру его кишки и сдирает мясистую кожу.

Желудок сжимается, меня тошнит. Это самое отвратительное, что я когда-либо видел. Хуже, чем помогать Ризенде потрошить овец. Я утыкаюсь носом в тунику и закрываю глаза. Но после еще трех тошнотворных разрезов я не могу больше это терпеть.

— Тебе мало частей? — я указываю на части плоти на столе.

Мирабель смотрит мне в глаза, но ей явно не нравится выражение моего лица — да, оно ощущается враждебно — потому что она быстро вытирает потный лоб рукавом и поворачивается к зверю.

— Мне нужно понять их внутреннюю работу. Звери наполовину мои, и я должна уметь управлять ими, как это делает Лесаж, — она сдувает локон с глаз, отрезает еще кусок мяса и бросает в ближайший котелок.

— И как ты собираешься это сделать?

— Сварив его до бульона, который я затем выпью — если смогу проглотить, — добавляет она, увидев мое испуганное выражение лица, — в надежде, что он свяжет меня с этими монстрами, — я вздрагиваю и отвожу взгляд.

— Я до сих пор не понимаю, почему мы не можем позволить Гаврилу и сиротам позаботиться о них. У них это хорошо получается, и, кажется, им это нравится.

— Этого не достаточно. Независимо от того, сколько они убили, Лесаж всегда может вызвать больше. Чтобы победить Теневое Общество, нам понадобится командовать монстрами.

— А если твое гнилое мясо не подействует?

Она смотрит на котелок с настороженным, но решительным выражением лица.

— Тогда я попробую превратить его кожу в амулет или измельчить кости в порошок.

— Просто прекрасно, — стону я.

— Если хочешь, можешь уйти, — говорит она, и я вскакиваю на ноги быстрее зайца. Но прежде чем я подхожу к двери, она добавляет. — Или можешь помочь.

— Думаю, я пройду.

— Конечно, ты не хочешь помочь со зверем.

— А что? — я поворачиваюсь и хлопаю руками по бокам. — Мне не разрешается делать что-либо, кроме измельчения трав, и как бы мне это ни нравилось...

Мирабель поджимает губы и подталкивает ко мне красный гримуар отца через стол.

— Помоги мне приготовить еще одно противоядие от Яда Змеи.

Мой смех резкий и циничный.

— Я думал, мне нельзя доверять рецепты твоего отца, — и я решил, что меня устраивает. Я тоже не доверил бы их себе. Я видел, как Мирабель, опытный алхимик, не смогла создать надлежащее противоядие. — Я ничего не знаю об алхимии.

— К счастью для тебя, я отличный учитель. Я буду руководить каждым шагом. У меня не хватает рук, чтобы рассекать дымного зверя и одновременно дистиллировать

противоядие. Ты мне нужен, Йоссе. Пожалуйста, — то, как она говорит «пожалуйста» — так мягко и умоляюще, — больше похоже на извинение, чем на просьбу. Но меня еще больше ошеломило то, как она меня назвала — мое имя, а не «принц». Я с трудом могу смотреть на нее, но мои предательские уши упиваются звуком моего имени на ее губах.

— Хорошо, — ворчу я и иду к прилавку. — Но если все пойдет ужасно...

— Ты не будешь виноват, — обещает она. — Теперь возьми галлипот и поставь его на огонь, затем налейте две меры иссопа в ступку и измельчи листья до состояния мелкой кашицы. Я думаю, этого не хватало в предыдущем противоядии.

— Две меры чего? — я смотрю на пучки трав и инструментов, большинство из которых я не могу описать, не говоря уже о том, чтобы управлять ими. Я вытираю ладони о штаны, но они холодные и липкие, как сельдь.

— Записи отца должны ответить на все вопросы, — ее губы сжаты, а рука колеблется, но Мирабель, в конце концов, открывает гримуар и кладет его на крошечный угол прилавка, который не испачкал ее зверь.

Я смотрю на строчки неаккуратного почерка и надуваю щеки, снова чувствуя себя неумелым мальчиком, слушающим уроки Людовика. Мирабель делает серьезный ход, включая меня в это, поэтому я не собираюсь просить ее прочесть мне это, но я чувствую себя еще более неловко и неуместно, чем среди придворных в Версале.

«По слову за раз. Представь, что вы на кухне с Ризендой и ее рецептами. Как трудно это может быть?» — но от мысли о Ризенде у меня скручивает живот от ярости и горя. Она умерла из-за Мирабель.

Боль по-прежнему острая, как кочерга обжигает мою плоть, но когда я начинаю пятиться, меня наполняет воспоминание о морщинистом лице Ризенды. Запах ее лавандового мыла щекочет мне нос, а ее хриплый голос наполняет магазин.

«Будь сильным, Йоссе».

Злоба не поможет. Это не то, чего она хотела.

Я закатываю рукава и беру пестик и ступку.

Несмотря на то, что я с трудом читаю, за час я прилично продвинулся в создании противоядия. Оказывается, алхимия очень похожа на работу на кухне, и я более опытен, чем мог надеяться. Я знаю это, потому что Мирабель постоянно проверяет мои успехи и удивленно хмыкает. Или в шоке приподнимает брови.

Так мы работаем несколько часов. Мы почти не говорим, но тишина не вызывает дискомфорта, как раньше. И я больше не стою на расстоянии вытянутой руки, как будто у нее оспа. Я даже прошу ее передать мне ложку для перемешивания, и никто из нас не отшатывается, когда наши пальцы случайно соприкасаются.

Когда солнце опускается за здания и тает, как кусок масла в реке, Мирабель зажигает свечи, расположенные по всей комнате. Она делает паузу после того, как зажгла последнюю рядом со мной, и шепчет:

— Спасибо.

— Пока не благодари меня. Есть хороший шанс, что я все испортил.

— Это не может быть хуже, чем моя первая попытка, — она натянуто улыбается. — Во всяком случае, я не за это благодарю — по крайней мере, не только за это. Спасибо, что пришел, когда я побежала за чудовищем. Я бы умерла, если бы вы с Дегре не последовали.

Она ждет моего ответа, но я не решал следовать за ней. Ноги просто понесли меня, словно невидимая нить была привязана к ее талии, а другой конец был завязан на мне. Я не

хочу говорить ей об этом, так что невнятно бубню и принимаюсь разливать противоядие по пробиркам.

— Почему ты пошел за мной? — говорит она, глядя на меня большими черными глазами. — Ты мог позволить мне умереть и отомстить так.

Я стучу по склянке сильнее, чем необходимо, частично чтобы отогнать ее, а частично — чтобы сосредоточиться.

— Ты можешь быть лгуньей, но объединение с тобой по-прежнему является лучшим шансом для моих сестер обрести свободу. И наш единственный шанс забрать город у Теневого Общества.

Мирабель напряженно кивает и уходит за прилавок, кусая губу, чтобы скрыть их легкую дрожь. Я хочу проигнорировать это, я приказываю себе игнорировать это, но это так душераздирающе, что слова срываются с моих губ.

— И я полагаю, что небольшая часть меня может понять, почему ты скрыла правду.

Ее нож стучит по столу, и она смотрит на меня из-под своих взлохмаченных кудрей, каштановый цвет стал золотым в свете свечей.

— Да?

Я вздыхаю и вытираю лицо рукой. Простым людям было бы легко обвинить меня в халатности отца, но они были готовы выслушать меня и судить по моим собственным достоинствам. Разве Мирабель не заслуживает того же?

— Мы оба были слепы, — медленно говорю я. — Возможно, ты приготовила яд, но у тебя не было возможности узнать, как твоя мать планировала его использовать. Ты делала то, что считала правильным. Если бы я осудил тебя за это, мне пришлось бы осудить и себя. Я знал, что веду себя как жалкий негодяй. Я пытался устроить как можно больше хаоса. Если бы я потратил немного меньше времени на разжигание ада и немного больше времени на самообразование в важных вопросах, пытаюсь быть принцем, в котором нуждаются люди, возможно, я бы увидел, как мой отец подводил их. Возможно, ничего из этого не произошло бы.

— Эта ситуация важнее любого человека, — говорит Мирабель. — И ты не негодяй. Хулиган, конечно. Но уж точно негодяй, — она нежно ударяет меня по плечу, и наши бока соприкасаются. К моему удивлению, я не отклоняюсь. И она тоже. Мы дрожим рядом друг с другом мгновение, прежде чем дверь распахивается.

Мирабель вскрикивает и застывает. Я поворачиваюсь, все еще сжимая ложку в кулаке, ожидая, что Гаврил вернется с дополнительными требованиями, но это помощник Мирабель из Лувра.

Тот, который не знает, что я существую.

— Грис! — голос Мирабель на октаву выше обычного. — Какой приятный сюрприз. Я думала, мне придется подождать еще две ночи, чтобы увидеть твое улыбающееся лицо.

Это неправильные слова, поскольку выражение его лица вряд ли можно назвать улыбкой. Он скалится так, что напоминает рычащую собаку. И его брови сдвинуты, взгляд мечется между Мирабель и мной, как будто он видит крошечные невидимые нити, соединяющие нас везде, где мы соприкасались. Он крепче сжимает кожаную сумку, и его костяшки блестят, как кости.

— Кто это? — говорит Грис, оглядывая меня с головы до ног. — Я не знал, что ты наняла помощника, — судя по тому, как он рычит при слове «помощника», становится ясно, какую помощь, по его мнению, я оказываю.

Я кладу ложку на стол, невинно улыбаюсь и вытираю руки о тунику, прежде чем протянуть ладонь Грису.

— Приятно, наконец, познакомиться с вами. Мирабель постоянно говорит о тебе. Я Джо...

— Просто ученик кузнеца, — перебивает Мирабель. Она проходит мимо меня, берет Грису за руку и тащит его в магазин — решительно подальше от меня. — Один из котелков треснул, и он пришел его починить.

— Что он все еще здесь делает? — спрашивает Грис. — Он ничего не чинит. Он даже инструментов не принес.

— О, он починил котелок несколько дней назад. Оказывается, он кое-что знает об алхимии, вот и предложил мне свою помощь, — натянуто смеется Мирабель, заправляя тот же своенравный локон за ухо.

Грис сердито смотрит на нее.

— Ты врешь. Ты так делаешь с волосами, когда врешь. Но почему ты врешь? — он смотрит на меня.

— Не вини ее, — говорю я. — Это общая проблема. Многие люди смущены, когда их видят со мной. Я — Йоссе де Бурбон.

— Внебрачный сын короля, — говорит Мирабель, подчеркивая, что у меня нет титула.

— Я знаю, кто он, — бормочет Грис. — Но я до сих пор не понимаю, что он здесь делает. Я рад помочь тебе, Мира, но это... Мне показалось, что он мертв. И что это все такое? — он белеет, когда он, наконец, замечает тушу дымового зверя на прилавке. — Это одно из созданий Лесажа? — он отшатывается, качая головой. — Что ты на самом деле задумала? — он бросает на меня еще один взгляд. Как будто я каким-то образом принудил ее ко всему этому.

— Я только лечу, как я уже говорила, — быстро говорит Мирабель. — И Йоссе помогает мне.

— Зачем королевской семье это делать?

Мирабель бросает на меня взгляд, говорящий, что она бросит меня в одну из своих кастрюль и сварит кожу с моих костей, если я заговорю.

— Принц разыскал меня после того, как я сбежала, потому что он хочет быть не таким королем, чем его отец. Тем, кто действительно заботится о людях. Он больше похож на нас, чем на любого из дворян. Его мать была посудомойкой. Королю было стыдно за него, и он прогнал его на кухни. Придворные отвергли и поносили его.

— Мне нравится, как ты превозносишь все мои достижения, — говорю я, делая вид, что меня задело. Что нетрудно, потому что я чувствую себя немного уязвленным. Я рассказал ей все это по секрету, а не для того, чтобы она обсуждала меня с незнакомцами. Я приоткрываю рот, но Мирабель бросает на меня еще один опасный взгляд.

— Йоссе разыскал меня, потому что он хочет исцелять людей. Кто я такая, чтобы отказывать в помощи? Ты знаешь, как такая цель может изменить человека, — она смотрит на него, пока он не вздыхает.

— А другие королевские дети? — спрашивает он. — Они тоже живы? До меня дошли слухи о дофине и каком-то непродуманном восстании, — и снова он сердито смотрит на меня, как будто мы с братом — одно и то же.

Мирабель на мгновение ловит мой взгляд, излучая страх и восторг. Новости о нашем восстании распространяются, как мы и надеялись. Но никто из нас не подумал, что может

случиться, если слухи дойдут до Теневого Общества.

Я поднимаю руки.

— Если дофин жив и возглавляет восстание, я буду последним, кого он наймет. Он ненавидит меня.

Ложь достаточно правдива. Если бы восстание было идеей Людовика, меня бы не включили. Так же, как он не входит в наши планы — пока что.

— Когда я сбежала, все члены королевской семьи болели в полуразрушенной лачуге, — добавляет Мирабель. — Им потребовалось бы чудо, чтобы выжить.

Еще одна умная полуправда. И восхитительно иронично, ведь она была нашим чудом.

— Я ничего не слышала о королевской семье или восстании, — продолжает она, — но дымовые твари вызывают беспокойство, — она искусно переводит разговор на тушу на столе. — Я нашла этого мертвым на дороге и решила изучить его, чтобы увидеть, как я могу помочь невинным людям, попавшим под перекрестный огонь их атак, поскольку они бродят по городу.

— Я не знал, что Лесаж их выпустил, — Грис озабоченно разглядывает зверя.

Мне хочется сказать, что он многого не знает. Но поскольку я уверен, что Мирабель убьет меня за такое признание, я держу свои губы плотно сжатыми.

— Спасибо, что принес больше припасов, — говорит Мирабель, тянется к мешку Гриса, но он отступает и держит его вне досягаемости.

— Я хочу помочь тебе, Мира, но ты ставишь меня в затруднительное положение.

— Я знаю, — тихо говорит она. — Я бы никогда не попросила тебя скрывать что-то от матери, если бы я не была уверена, что это правильно. И я уверена. Это лучше всего для людей — я уже вылечила множество людей на улице дю Темпл, а также немощных в Отель-Дьё — как раньше это делало общество. Я прошу тебя хоть раз поверить мне, а не ей. Выбрать меня в этот раз.

Грис смотрит на Мирабель, которая складывает руки перед грудью и делает умоляющее лицо. Бросив последний взгляд на дымового зверя, затем на меня, он со вздохом бросает мешок.

— Хорошо. Но только потому, что я немного боюсь за людей — вот почему я пришел сегодня вечером. Сегодня я слышал, как Фернанд и Маргарита шептались о массовом расстреле торговцев рыбой на набережной Грев. Я уверен, что Ла Вуазен только пытается успокоить массы, но...

— Как казнь ни в чем не повинных мужчин и женщин может быть лучшим способом добиться чего-либо? — случайно выпаливаю я.

Грис бросает на меня злобный взгляд, и Мирабель сильно наступает пяткой на пальцы моей ноги, прежде чем повернуться к Грису.

— Зачем матери нападать на торговцев рыбой? Это не похоже на то, что делает Общество.

— Она потребовала, чтобы они жертвовали две трети своего ежедневного улова для раздачи голодающим, но они отказались подчиниться.

— Отказались или просто не могут согласиться? — вмешиваюсь я. Грис хмурится, но я продолжаю. — Это правильный вопрос. Две трети — это ошеломляющая сумма. Они умрут от голода и разорятся, отдав так много.

Грис ничего не говорит, просто хмуро смотрит на пол.

— Как она собирается их убить? — спрашивает Мирабель, расхаживая перед

прилавком. — Когда?

— Яд Змеи, конечно. И это уже сделано. Я создал яд вчера, думая, что это для предателей-аристократов, но Маргарита забрала его из лаборатории, пока я обедал. Она испачкала их сети и ведра час назад, пока они ужинали. Рыбаки будут отравлены, когда вернуться, чтобы расставить сети на ночь.

— Всего час... — Мирабель касается наполовину наполненных пузырьков на столе.

— Мы успеем закончить противоядие? — спрашиваю я.

— Если будем работать быстро... и все вместе, — добавляет она и с мольбой смотрит на Грису.

Он начинает кивать, но прикусывает губу.

— Ты понимаешь, что она обвинит меня? Я хочу помочь, правда, но если торговцы рыбой выживут, Ла Вуазен предположит, что я сделал неправильный яд.

— Она, конечно, проверит твою работу, — соглашается Мирабель, — но, поскольку мы вводим противоядие, а не меняем яд, она не найдет ничего плохого. Только убедись, что проверять будут не на тебе.

Грис стонет и проводит пальцами по лицу.

— У нас нет времени для твоего смятения, — рявкаю я. «Либо помоги нам, либо уходи.

Грис разворачивается ко мне. Он на ладонь выше и вдвое шире меня. Он мог легко взять меня за шиворот и выбросить за дверь — похоже, именно это он и собирается сделать.

— Не веди себя так, будто от тебя будет какая-то помощь...

Мирабель стучит кулаком по прилавку.

— Каждая секунда может означать жизнь человека. Нам нужна каждая пара умелых рук.

Грис неохотно кивает.

— Ладно.

Мирабель надевает очки и управляет нами, а через полчаса мы запикиваем еще теплые бутылки с готовым противоядием в мешки и направляемся к двери.

— Хотел бы я сопровождать вас, — говорит Грис, когда мы выходим в холодный, пропитанный дождем вечер. — Но будет выглядеть подозрительно, если я пропущу ужин. Особенно после того, как твоя мать узнает о чудесном выздоровлении торговцев рыбой. Как ты думаешь, сможешь справиться самостоятельно?

Сама?

Он хуже, чем проклятые священники отца, которые смотрят на меня сквозь пальцы и делают вид, что меня не существует. Я преувеличенно машу рукой, но Мирабель встает между нами и обнимает Грису.

— Мы справимся. Спасибо, что пришел — и что рассказал мне о торговцах рыбой. Я найду способ сообщить, как они.

— И я вернусь, если услышу еще тревожные новости.

Мирабель встает на носочки и целует его щеку со щетиной. Почему-то я от этого напрягаюсь.

— Спасибо, друг мой. Береги себя.

Грис сжимает ее ладонь, поднимает капюшон и убегает под дождь, но успевает бросить взгляд в мою сторону.

МИРАБЕЛЬ

— Нам нужно сделать быструю остановку, — говорит Йоссе, когда мы мчимся к набережной Грев. Дождь льется хлесткими потоками, из-за чего трудно видеть, а мои ботинки тяжелы от зловонной воды из сточной канавы, текущей по улицам.

— Где? — спрашиваю я. — Нет времени.

— Это на пути. Нам нужно забрать Дегре из торгового района.

— Зачем нам это делать? Он ясно дал понять, что не хочет работать со мной. Он ушел еще до того, как мы переместили дымового зверя в магазин.

Йоссе вытирает лицо рукавом.

— Это исцеление может вернуть его к нашему делу.

— Нам не нужно, чтобы он был предан нашему делу!

— Поверь мне. Я знаю, что вы двое не совсем ладите, но думай о Дегре, как о дымовых тварях Лесажа — пылких и трудных, но, несомненно, полезных.

— У тебя есть двадцать секунд, — говорю я, когда мы подходим к таверне. Я начинаю считать вслух, когда Йоссе стучит в дверь. К моему удивлению, он возвращается на три секунды раньше, и Дегре даже не хмурится при виде меня. Он сует мне в руки серый шерстяной плащ и треуголку.

— Пожалуйста. Я выиграл их прямо со спины соперника.

— Для чего это?

— Для ношения — чего еще? Ты слишком бросаешься в глаза в форме дворцовой горничной. Если я присоединюсь к вам в этом бессмысленном начинании, я бы предпочел, чтобы меня не поймали. И у лидера восстания должно быть немного больше... размаха.

— Как ты можешь беспокоиться о размахе в такое время? — говорю я, но накидываю плащ на плечи и натягиваю шляпу на мокрые локоны, благодарная за дополнительные слои.

Мы бежим по улице Сен-Дени, бутылки с ядом гремят и звенят в наших мешках, и мои нервы трепещут. Мои губы шевелятся в безмолвной молитве, когда появляется река.

«Пожалуйста, дай им жить», — молю я Бога и всех его небесных ангелов.

«Прошу, пусть это сработает», — умоляю я отца, чтобы он благословил мое творение из могилы.

Добравшись до набережной, мы ныряем под затененный навес лодочного домика на

пару дюймов ближе к докам, стараясь видеть и слышать сквозь барабанную дробь дождя. Длинная обшитая деревянными досками пристань забита людьми, как и каждый вечер. Но вместо того, чтобы рыбаки выпотрошили дневной улов, а торговцы торговались у прилавков рыбачьих хозяйств, в то время как покрытые грязью дети мчались мимо босиком, все лежит, корчась и хлопая руками на залитых мхом досках. Ветер бьет нас дождем и речной водой, и запах настолько отвратительный, что бросает меня на колени. Пристань никогда не пахнет приятно, но теперь это невыносимо: кровь и рвота, смешанные с влажным деревом и гниющими внутренностями рыбы. А звуки еще хуже. Плач, стон и рвота, которых я никогда не слышала.

Я крепче сжимаю склянки с ядом, желая спуститься по набережной и помочь, но несколько солдат Общества задерживаются у кромки воды, наблюдая и смеясь.

Я впиваюсь зубами в дрожащую губу, чтобы не закричать. Это не то Теневое Общество, которое я знала. Как мама могла это допустить?

— Это похоже на бойню, — хрипло говорит Дегре. — Хуже, чем подземелья Шатле.

— Это хуже, — говорю я. — Тюрьма была бы милостью по сравнению с ядом. Никогда еще ты не чувствовал такой боли, как будто когти вонзаются тебе в живот и скручивают твои внутренности.

Йоссе напрягается рядом со мной, и его губы сжимаются в линию.

— Ты говоришь так, как будто знаешь по опыту.

— В молодости это случалось довольно часто. Отец утверждал, что отравление было важным моментом в моем обучении — чтобы знать, как организм реагирует на различные токсины, чтобы определить, какие травы нейтрализуют вред. Он также хотел быть уверенным, что я смогу работать под давлением при случайном — или не таком уж случайном — отравлении. Алхимик всегда должен быть готов.

Юноши смотрят на меня, моргая сквозь дождь, стекающий по их лицам.

— Это было не так плохо, — говорю я. — Методы отца были необычными, но он не дал бы мне умереть.

Йоссе хмурится и придвигается ко мне. Словно защищает от событий, произошедших уже давно. У меня в животе собирается тепло, словно угольки двигают кочергой, но еще один стон с пристани тушит тлеющие угли. Я сжимаю кулаки и разглядываю берег реки. Солдаты Общества наконец ушли.

— Идемте.

— Я начну с дальнего конца, возле Пон-Мари, — говорит Йоссе, сжимая бутылку с противоядием и бросая на меня взгляд, в равной степени выражающий уверенность и страх. Дегре направляется к ближайшим лачугам, чтобы увидеть, есть ли еще кто-нибудь внутри, а я поднимаю юбки и иду прямо в центр кровавой бойни.

Сначала я подхожу к человеку, лежащему на скользких досках. Он вдвое больше меня, с темно-коричневой кожей и густыми черными волосами. Мне нужны все силы, чтобы перевернуть его, и вид его раздутого лица настолько ужасен, что я задыхаюсь. С его губ сочится пена, а дыхание грохочет, как кипящая вода.

Я закрываю глаза и впиваюсь костяшками пальцев в бедра, но лица мертвых все равно поднимаются, как призраки, из тумана: Король-Солнце, мадам де Монтеспан, а теперь и герцог Люксембургский. Скуление срывается с моих губ, и дрожь начинается в мизинце ноги и добегают до макушки.

Глаза мужчины распахиваются, и он мечется подо мной. Пузырек скользит в моей

потной руке. Я не могу снова потерпеть неудачу. Я этого не переживу. Я хочу убежать. Я хочу вернуться в темную безопасность магазина. Но руки отца толкают меня вперед. Его голос гудит у меня в ухе. Я подношу бутылку к губам мужчины, но они холодные и жесткие, и его голова откидывается набок.

«Нет, нет, нет», — я чувствую, как внутри меня разливается крик. Моя рука так сильно трясется, что противоядие брызгает ему на губы и стекает по подбородку. Я забираюсь на его грудь и прижимаю горлышко пузырька между его губ.

И жду.

Каждая секунда длится жизнь.

Я вот-вот поеду по скользким доскам и больше никогда не встану, когда дверь распахивается и кричащая женщина с такой же темной кожей и длинными черными волосами мчится по набережной, Дегре — за ней.

— Этьен! — кричит она на неподвижного мужчину подо мной. — Я запрещаю тебе умереть! — она толкает меня в сторону и бьет мужчину по лицу. — Проснись сейчас же!

Как только я собираюсь сказать ей, что это бесполезно, она снова дает пощечину своему мужу, и его глаза распахиваются. Он хватается за грудь, и тут же его охватывает приступ кашля.

Мои глаза горят слезами, и я закрываю лицо руками, плача и смеясь так сильно, что не могу отдышаться.

Он жив.

Сработало.

— Не сиди и рыдай! — женщина кричит на меня. — Остальные, девочка. Помогите другим

Дегре помогает мне встать, и мы продолжаем нашу работу вниз по реке, раздавая противоядие и шепча мое новое имя Ла Ви, пока оно не появляется на всех языках. Плывет по берегу реки. В очередной раз сотрясает мою душу.

— Мы знали, что ты придешь, — говорит девушка, приподнявшись на локтях. — Слухи ходят по причалу и улицам. Говорят, ты ангел, посланный самим Богом.

Я не ангел, это точно, но я чувствую что-то могущественное, что-то шевелится во мне, когда я смотрю, как мертвые возвращаются к жизни. Женщины и дети выбегают из ветхих хижин на берегу реки и обнимаются с огромными мужчинами, рыдая. Маленькая темноглазая девочка бросается на первого исцеленного мной мужчину и хватается за лицо, целуя его небритые щеки.

Мои глаза щиплет, а губы дрожат. Голос отца доносится до меня по ветру.

«Однажды ты станешь великим алхимиком...».

Вот что он имел в виду. Это чувство придало ему смелости противостоять матери и превыше всего ценить алхимию.

— Чудо, — шепчет Дегре.

Мои глаза расширяются.

— Это похвала, капитан?

Дегре фыркает и направляет на меня всю силу грозной гримасы.

— Если ты пытаешься выбить из меня признание, отравительница, этого не будет.

— Думаю, слезы в твоих глазах — достаточное признание.

— Капли дождя, — он проводит рукавом по лицу.

Через несколько минут Йоссе, крича и широко раскрыв глаза, прибегает с пристани.

— Это сработало! Наше противоядие сработало! — он хватается меня на руки, и мы кружим по мокрым от дождя доскам.

На секунду я не могу дышать — это так напоминает день, когда я исцелила Анну и Франсуазу. Но все изменилось. Вместо того чтобы оттолкнуть его, я крепко обнимаю его за шею. Мои пальцы жадно сжимают его тунику. И вместо того, чтобы замереть от ужаса, я зарываюсь лицом в его грудь.

Он ставит меня, берет мой подбородок руками и прижимается ко мне лбом. Он смеется и с туманными глазами, а его губы так близко, что я практически чувствую их вкус. Крошечное пространство между нами пузырится и трещит. Его теплое дыхание разливается по моим замерзшим щекам. Его руки скользят по моей шее и запутываются в моих волосах. Было бы так легко чуть приподнять подбородок.

Йоссе смотрит вниз, и ловит свою губу зубами.

Я закрываю глаза и приподнимаюсь на носках.

— Сосредоточьтесь! — Дегре тянет Йоссе за плечи. — Сейчас не время... — он машет рукой между Йоссе и мной и кривится от отвращения. — Нам еще предстоит поработать, — он кивает на людей, собравшихся на пристани. — Произнеси свою речь, чтобы мы могли уйти до того, как нас заметит патруль Теневого Общества.

Мне и в голову не приходило, что я скажу это, но Дегре прав. У нас есть город, который нужно отбить. Нет времени отвлекаться.

— Хочешь произнести речь? — спрашивает меня Йоссе.

— И лишить тебя удовольствия рассказать о своем родстве с королем? — он хватается за грудь, как раненый, и я улыбаюсь. — Ты — связь с Людовиком. И ты умеешь произносить эти речи.

Он медленно улыбается. Он поправляет плащ и забирается на перевернутый ящик.

— Люди хорошие! Я Йоссе де Бурбон, а это мадемуазель Ла Ви. Предлагаем лечебные тоники от Его Королевского Высочества дофина! Он жив и хочет вернуть трон у Ла Вуазен и Теневого Общества. Но для этого ему нужна ваша помощь и преданность. Если вы присоединитесь к нам в этой битве, мы продолжим предоставлять лекарства и защиту. Как только порядок будет восстановлен, вам также будет предоставлено право голоса в новом правительстве. Представители передадут ваши жалобы дофину и в Парижский парламент.

— Ага, как же! — кричит рыбачка, которая ударом вернула к жизни своего мужа Этьена.

— Амелина, тише, — приказывает мужчина, но она протискивается мимо него и останавливается перед нами, скрестив руки на груди.

— Я получу голос в правительстве с той же вероятностью, что окуну пальцы в грязную Сену и подниму их в золоте.

Некоторые рыбаки хихикают, а остальные смотрят, ожидая нашего ответа.

— Уверю вас... — начинает Йоссе, но Амелина прерывает его.

— Не стоит слов! Нам нужны доказательства!

Йоссе смотрит на меня, и я беспомощно пожимаю плечами. У нас нет доказательств, чтобы предоставить им. Нам это не нужно. Бедные и больные были так благодарны за помощь, что охотно доверились нам. Я предполагала, что торговцы рыбой поступят так же, особенно со всеми их счастливыми слезами и благодарными криками. Но Амелина запрокидывает голову и горько смеется, указывая на нас пальцем.

— Как я и подозревала. Если дофин так хочет присоединиться к нам, где он? Где кто-

нибудь из королевской семьи? Разве они не должны распространять лечебные средства? — она оглядывается в поисках членов королевской семьи, которые явно отсутствуют, и все больше и больше торговцев начинает роптать и кричать.

Йоссе машет рукой над головой.

— Я — внебрачный сын покойного короля, и я тут от лица королевской семьи...

— Не хочу тебя обижать, хотя придется, — Амелина поправляет потрёпанные юбки в грязи и рыбьих кишках, — но то, что к нам послали бастарда и сбежавшую дочь Ла Вуазен, не вызывает уверенность.

— Его королевское высочество хочет ходить среди вас, конечно, — цедит Йоссе. — Но вы должны понимать, как опасно...

— Именно! — кричит другой мужчина. — Откуда нам знать, что дофин жив? Это могут быть жестокие пустые обещания. Нас уже предали этой ночью. Глупо доверять тому, кого мы даже не видим, кто может прятаться в роскошном замке в бархате и шелке, пока мы умираем от яда.

— Людовик и мои сестры живут в условиях не лучше...

— Докажи! — кричит кто-то. И всю набережную охватывают крики.

Йоссе сходит с ящика с тяжелым стуком и проводит пальцами по мокрым волосам.

— Сдаюсь. Я не могу ничем им угодить.

— Мы ценим то, что вы сделали для нас, — кричит Амелина, преодолевая шум, — но чтобы мы поверили вашим обещаниям, если вы хотите, чтобы простолюдины сплотились в поддержку королевских особ, которые всегда нас оскорбляли, нам нужно увидеть их своими глазами. И если все будет так, как вы говорите, то мы свяжем нашу судьбу с вами.

В знак согласия поднимается сотня «да», за ней следует еще сотня.

Йоссе кивает и уходит. Дегре следует за ним. Я задерживаюсь немного, заставляю себя улыбаться и выкрикивать заверения. Затем спешу догнать Йоссе и Дегре.

— Исцеление было впечатляющим, не спорю, — говорит Дегре. — Но ответ был не таким восторженным, как хотелось, — он по очереди улыбается мне и Йоссе.

— Не стоит, — говорит Йоссе.

— Все пошло не так, как ожидалось, — соглашаюсь я, — но мы знали, что рано или поздно нам придется включить Людовика.

— Я надеялся, что *гораздо* позже, — рычит Йоссе.

— Не ждешь воссоединения твоей славной семьи? — продолжает Дегре. — Но Людовик так по тебе скучал! — он пытается обнять Йоссе за плечи, но тот упирается локтем в бок Дегре. После долгого, протяжного хрипа Дегре хихикает. — Не волнуйся — я тебя защищу.

Я нечаянно смеюсь, и Йоссе бросает на меня мрачный взгляд.

— Мы оба защитим тебя, — говорю я. Затем медленно, чтобы не привлечь внимание Дегре, я переплетаю пальцы с пальцами Йоссе и слегка сжимаю его руку.

20

ЙОССЕ

Во рту остается неприятный привкус с набережной Грев, и это не имеет ничего общего с рыбой.

Меня снова не хватает.

И снова меня отвергают в пользу моего брата, который и пальцем не пошевелил.

Конечно, мы не просили его о помощи, но Людовик не предложил бы ее, даже если бы мы попросили. Во всяком случае, не по своей воле. Ему наплевать на торговцев рыбой. Или бедных и больных.

И все же они плачут по нему.

А я вынужден пресмыкаться у его ног и просить его поддержки — а затем отдать ему славу за все, чего я достиг.

Полагаю, я знал, что до этого дойдет — я предложил вернуть его на трон. Я просто не ожидал почувствовать эту горечь, бурлящую в животе. Эти острые когти ревности, пронзающие мою кожу.

Пока мы идем, Дегре хихикает, словно это шутка. Я хочу ударить его по горлу, но сдерживаюсь, потому что он, наконец, начинает лучше относиться к нашему плану.

Мирабель сжимает мою руку, пытаюсь заставить меня замедлиться и посмотреть на нее, но я спешу вперед, мои пальцы крепко сжимают ее пальцы. Я понятия не имею, почему она хочет общаться со мной — мне явно нечего предложить.

Я поворачиваю, чтобы выйти на улицу Сен-Дени к магазину, но Мирабель и Дегре останавливаются и смотрят в другую сторону — вниз по улице Сен-Оноре к кондитерской.

— Сейчас? — стону я.

— Нет причин откладывать, — говорит Мирабель. — Чем раньше мы заберем твою родню, тем скорее сможем привлечь больше союзников.

— Но уже так поздно...

Дегре закатывает глаза.

— Солнце еще не зашло. И ты знаешь, что внизу, время ничего не значит.

Я снова стону, громче.

— Я знаю, что ты хочешь увидеть Анну и Франсуазу, — говорит Мирабель.

Их имена останавливают меня. Я переживаю за них. Две дырочки сверлили мою грудь с того дня, как я покинул канализацию. Я сделаю все, чтобы их увидеть, защитить их. Даже поговорю с Людовиком.

— Ладно, — я позволяю Мирабель вести меня к мадам Бисет, но волочу ноги, словно иду на казнь.

— Хватит играть, — говорит Дегре. — Это была твоя идея, да? Объединение дворянства и простых людей?

— Да, но я никогда не думал, кто будет осуществлять фактическое объединение.

— Кто лучше, чем благородный простолюдин? — Дегре открывает дверь кондитерской и галантным взмахом руки указывает мне. — После вас, милорд.

Я показываю ему язык и прохожу внутрь. Каким-то чудом мадам Бисет оказывается в своей квартире наверху, поэтому я поднимаю люк и спускаюсь в туннели, а она не пристает.

Как только мои сапоги проваливаются в грязь, я кашляю от мерзкой вони. Проведя несколько недель на земле, я забыл, как паробразные пальцы проникают в горло. Я иду вперед, чтобы освободить место для остальных, и попадаю в паутину. Пока я убираю липкие нити с лица, крыса размером со скалку Ризенды пробежала по бокам моего ботинка.

Я не могу этого сделать. Особенно зная, что в конце туннеля меня ждет самое мерзкое создание из всех. Должен быть другой способ успокоить людей. Что-нибудь, что мы можем попробовать.

Я разворачиваюсь, готовый снова подняться по лестнице и убежать подальше от этой адской дыры, когда два высоких голоса раздаются в туннеле, как пение птиц.

Мое сердце замирает от этого звука.

Мои девочки.

Их смех ведет меня в темноту и уныние. Я кладу руки на мокрые стены и шагаю в темноту. Дегре и Мирабель следуют за мной.

Голоса Анны и Франсуазы становятся все громче; мое сердце бьется все быстрее. Когда мы проходим последний поворот и свет факела из их камеры освещает ямы на земле, я бросаюсь бежать. Нужно их увидеть. Нужно их обнять.

— Анна! Фрэнни! — кричу я.

Миг тишины, а потом вопли радости и хлопки, и я врываюсь в комнату.

— Йоссе! — Анна сжимает кулачками грязную юбку и бежит ко мне. — Ты вернулся!

Я становлюсь на колени и ловлю ее на руки. Мгновение спустя Франсуаза врывается мне в бок, и мы трое падаем в лужу, слишком громко смеясь, чтобы заботиться о холоде и сырости. Я осыпаю поцелуями их щеки и приглаживаю их волосы, исследуя каждый дюйм.

— Вы в порядке? Восстановили силы? — я не могу перестать лепетать, и мои глаза обжигают слезы, что немного унижительно, но так приятно видеть их живыми и здоровыми, теплыми, твердыми и...

— Стой! — Франсуаза хихикает и отбивает мою руку. — У нас все в порядке. Где ты был? Мы начали беспокоиться, что ты никогда не вернешься.

— Некоторые из нас начинали праздновать, — кричит Людовик из своего угла.

Мари бросает на него неодобрительный взгляд, проходит через комнату ко мне.

— Это счастливый момент, Людовик. Не надо портить его старыми ссорами. Мы рады, что ты цел, — говорит она мне.

— Я бы не назвал их старыми ссорами! — голос Людовика повышается, когда Дегре и Мирабель ныряют в комнату. — Он вернул отравительницу! Капитан Дегре, как ты мог позволить...

— Мирабель! — кричат девушки из-за Людовика. Они поднимаются и нападают на нее с чуть меньшим энтузиазмом, чем на меня. Они пытаются устроиться у нее на коленях и смеются, как не смеялись со времен нападения на Версаль. Что-то сжимает мою грудь, когда я вижу их троих вместе. Дегре качает головой, глядя на мою улыбку.

— Ты выглядишь иначе, — говорит Анна, разглядывая короткие кудри Мирабель.

— Мне пришлось замаскироваться, — объясняет она, — и твой брат подумал, что это будет лучший способ.

— Но твои кудри были такими большими, подпрыгивающими и прекрасными! — сетует Франсуаза, обвивая голову руками, как я делал у Лувра.

Мирабель усмехается и бросает на меня взгляд.

— Не думаю, что кто-то называл мои волосы красивыми, но спасибо. Как вы обе себя чувствуете? Я очень хотела вас проверить. Пятна поблекли? Ваш кашель прекратился?

Анна протягивает руки для осмотра, а Франсуаза кивает головой, утверждая, что никогда не чувствовала себя лучше.

— Что вы делали, когда вам стало лучше? — говорю я, садясь рядом с ними.

— Мы охотились на крыс, — сообщает Анна.

— Крыс! — Мирабель бросает на меня взгляд, пытаясь скрыть отвращение.

Франсуаза оживленно кивает.

— Им нравится жевать наши юбки, поэтому я оторвала кусочки материала и положила их в угол, а когда пришли крысы, я поймала одну сама. Я ударила ее ботинком, приготовила на палочке и съела на ужин.

— Ты съела это? — я смеюсь. Как бы грязно это ни звучало, я полон гордости. Избалованные принцессы никогда не опустились бы так низко. Мои девочки сильные. Крепкие. Новая порода знати.

— Мы съели ее целиком, даже хвост. Прямо как наш котенок, который живет во дворце, — рассказывает Анна Мирабель. — Когда мы вернемся, я буду помогать ему в охоте. Из меня получился бы хороший котенок, не так ли?

— Ты была бы замечательным котенком, — соглашается Мирабель.

— Хватит этого благословенного воссоединения, — Людовик шагает к нам. — Я хочу знать, зачем вы здесь. И почему вы это позволили, капитан, — он сердито смотрит на Дегре. — Йоссе предал меня. И напал на тебя. Он не может вернуться после нескольких недель кутежа с нашим врагом и ожидать, что его примут с распростертыми объятиями.

Я встаю на ноги и глубоко вдыхаю. Небеса, помогите, мне понадобится все терпение, чтобы пережить то, что будет дальше.

— Так приятно видеть тебя, брат, — говорю я. — Перед тем, как выгнать меня, возможно, тебе будет интересно узнать, что мы разработали новый план, чтобы увести тебя из канализации и усадить на трон, но нам нужна твоя помощь, чтобы осуществить его.

Мари издает нехарактерный визг и прижимает ладони груди.

— Слава Богу. Я начала бояться...

Людовик заставляет ее замолчать и снова поворачивается ко мне, его лицо искажено отвращением.

— Только не еще один из твоих ужасных планов. Мы уже через это проходили.

— Из-за тебя провалился мой прошлый план. И ты даже не выслушал наше предложение, — говорю я, безуспешно пытаюсь удержать голос ровным.

— Мне и не нужно. Я не верю ни во что, придуманное вами двумя. У тебя нет опыта в политических делах, и ты открыто презираешь меня. С чего мне верить, что ты хочешь вернуть меня на трон?

— Ради моих сестер и людей в Париже, и потому что порой для правильного поступка требуется компромисс, — кричу я.

Дегре опускает ладонь мне на плечо и оттягивает меня.

— Это мы и пришли обсудить, Ваше высочество.

— Не понимаю, зачем ты с ними, капитан, — Людовик фыркает. — Я думал, ты умнее. Йоссе — предатель. Ты сказал мне, что для тебя он мертв.

— И я говорил честно. Я хотел наказать его за преступления, а потом увидел их план в действии. Я прошу хотя бы выслушать их предложение, — голос Дегре мягкий, и он изображает смешной поклон. Мне хочется его пнуть. Людовик не заслуживает и капли нашего уважения. Он невозможный. Невыносимый. Я не знаю, почему думал, что это сработает.

— Ладно, — говорит Людовик. — Я послушаю... тебя, капитан. Но ничего не обещаю. И я не буду скрывать свое мнение.

— Я и не ожидал иного, — говорит Дегре, и я закатываю глаза так, что удивительно, как они не застревают.

— Йоссе, мне нужна помощь с девочками, — говорит Мирабель, хотя они выглядят

радостно, сидя рядом с ней. Она стучит ладонью по земле, добавляет взглядом: «Пока ты не испортил все».

Вздыхая, я присоединяюсь к ней, а Дегре начинает объяснять, как мы исцелили рыбаков, и как мы намереваемся спасти аристократов и объединить простых людей и дворян, чтобы свергнуть Теневое Общество.

— Знать, конечно, будет приветствовать ваше правление, — говорит он, — но для того, чтобы удержать людей на вашей стороне после того, как вы взоидете на престол, мы должны доказать, что вы собираетесь быть иным правителем, чем ваш отец.

Людовик хмурится.

— Иным? Мой отец был Королем-Солнцем. В истории Франции не было более славного и знаменитого монарха. Его военные успехи не имели себе равных. Он был покровителем искусств. Он поощрял промышленность и способствовал развитию торговли и коммерции. Мне продолжать?

«Он был настолько тщеславен и падок на лесть, что полностью игнорировал своих подданных», — хочу сказать я.

К счастью, у Дегре немного больше такта.

— Людовик XIV был вне конкуренции, это правда, — осторожно соглашается он. — Однако он был не самым внимательным к своим меньшим подданным. И, в конце концов, они убили его за это.

— Так что ты предлагаешь?

Дегре глубоко вздыхает.

— В обмен на помощь вам в восстании против Ла Вуазен простолюдинам будет предоставлен голос в новом правительстве — представители, которые будут следить за тем, чтобы вы знали об их потребностях.

— Это кажется разумным, — говорит Мари, с надеждой глядя на Людовика. Но он поджимает губы, а лицо становится все краснее, пока он не становится похож на перезрелый помидор. Жемчуг на его сюртуке дрожит.

— Вы предлагаете мне поработать с отребьем? — вопит он.

— Готовьтесь, — шепчу я девочкам. — Он вот-вот закричит громче, чем когда его поднос с завтраком приносят позже, чем нужно.

Мирабель хмурится, глядя на меня, но Франсуаза и Анна запрокидывают головы и хихикают.

— Это не смешно, — отвечает Людовик. — Я — король! Значит, на меня работают простые люди. Я — самая яркая звезда на небе. Солнце, вокруг которого они вращаются. Я озаряю их светом.

— Простите за наглость, ваше высочество, — говорит Дегре, — но вы пока не относитесь к такому. Вы могли бы, — быстро добавляет он, когда глаза Людовика вспыхивают, — но я боюсь, что у вас не будет возможности, если вы не согласитесь с этим предложением. Ваш отец был выдающимся человеком, но люди его не любили. Это единственный способ быть и тем, и другим.

Людовик грызет мизинец, выплевывая кусочки ногтя и кожи.

— Это небольшая уступка, — говорит Мари, хотя я подозреваю, что она дала бы корону торговке рыбой, лишь бы выбраться из этих туннелей.

Людовик смотрит на Дегре, затем на Мари и девочек, его взгляд в последнюю очередь падает на меня и Мирабель. Он закрывает глаза и зажимает переносицу.

— Мне это не нравится. Но поскольку это, кажется, наш единственный выход, я, конечно, стану спасителем своего города. Что дальше?

* * *

Прежде чем Мирабель успевает сообщить Грису о нашем успехе с торговцами рыбой, сироты передают от него записку. Три короткие строчки: «Я в порядке. Она в ярости. Будь готова».

Прислушиваясь к его совету, мы проводим следующую неделю, чередуя варку лечебных средств и противоядий в магазине и готовя Мари и девочек помогать в раздаче, обучая их, как действовать и что говорить, чтобы завоевать расположение народа.

— Все эти унижения и мольбы, из-за того, как сильно я вам нужен, а теперь вы хотите, чтобы я остался в этих туннелях и ничего не делал? — Людовик дышит мне в спину, когда я застегиваю плащ на плечах Франсуазы.

— Для вас слишком опасно бродить по городу, — в миллионный раз говорит Дегре. — Если вас поймает Общество, мы не вернем трон. Вы должны оставаться незамеченным — пока что.

— Лучше бы навеки, — бубню я под нос.

— Что-что? — спрашивает Людовик.

— О, ничего, — я улыбаюсь от его обиженного вида.

Дегре смотрит на меня так, словно хочет задушить, Мирабель хмурится, но я не хочу стыдиться. Пусть Людовик ощутит себя бесполезным и ненужным хоть раз в жизни.

— Можешь пойти со мной в магазин шляп, — говорит Мирабель. — Мне пригодилась бы помощь с варкой лекарств.

Людовик кривится, и подвигаюсь к Мирабель, готовый защитить ее от ужасных оскорблений, готовых слететь с его губ как кинжалы. Но он бормочет, удивляя всех:

— Я запомню.

* * *

На следующий вечер, когда Дегре и Мирабель уводят Анну и Франсуазу на улицу Темпл, мы с Мари встречаемся с Гаврилом и горсткой сирот в зарослях ежевики под Нёфом. Помимо убийства дымовых тварей, маленькие бандиты подслушивают с крыши и возле таверн обрывки разговоров Теневого Общества: планы, имена и места встреч. Сегодня вечером они заявляют, что герцогине де Буйон угрожает опасность, поэтому мы с Мари направляемся в ее дом на набережной Малакэ, чтобы вооружить ее противоядием о Яда Змеи на случай нападения Теневого Общества.

Мари прижимается к стене поместья, и я подхожу к воротам. С другой стороны появляется страж в броне, касается меча.

— Герцогиня не принимает посетителей.

— Думаю, в этом случае она сделает исключение, — говорю я, когда Мари выходит на свет и снимает капюшон своего плаща.

Глаза охранника расширяются, и он падает на колени.

— Мадам Рояль!

— Не время для церемоний! — шиплю я. — Впусти нас!

Он возится с замком и ведет нас через передний двор в поместье. Крошечная часть меня рада видеть, что эти опасные времена затронули даже самых высокопоставленных людей — черно-белые мраморные плитки испачканы грязными отпечатками ботинок, а свечи в люстрах сгорели дотла. Мы находим герцогиню де Буйон в музыкальном зале в потрепанном

кисейном платье без пудры на лице.

Она поднимает взгляд от звука наших шагов.

— Разве я не говорила тебе, я не хочу видеть... — ее голос затихает, и с ее губ вырывается сдавленный вскрик. — Не может быть! — она вскакивает на ноги и бросается через комнату, замедляясь в нескольких шагах от нее, чтобы смущенно коснуться своего потрепанного платья, прежде чем взять Мари за руку. — Моя дорогая девочка. Ты жива.

— Это просто чудо, — Мари улыбается, кладет другую руку на ладонь герцогини и усаживает ее. Я стою на расстоянии, растворяясь в стене, как всегда — как слуга. Осознание этого заставляет меня шагнуть вперед, будто стена меня укусила. Я набираюсь смелости и присоединяюсь к ним в гостиной, встаю рядом с Мари. Герцогиня хмурится, но моя сестра поворачивается и улыбается. — Дофин тоже жив, и это во многом благодаря нашему брату Йоссе.

Герцогиня еще секунду осматривает меня, как будто я муха, которая приземлилась в ее чай, а затем снова поворачивается к Мари.

— Слава Богу, жив законный наследник. Я не смела надеяться. Эта ведьма и ее приспешники угрожают уничтожить любого каплей благородной крови.

Я кашляю, мне не терпится указать на то, что до недавнего времени она была преданным клиентом этой ведьмы и ее приспешников, но Мари упирается локтем в мое бедро и говорит поверх меня:

— Именно поэтому мы и пришли, — она вынимает из юбки пузырек с противоядием и объясняет, как мы планируем спасти дворянство и объединить народ.

— Ну конечно. Я с радостью заявлю о своей поддержке. Все что нужно. Я также знаю, где находятся графиня де Суассон и маркиз де Сессак — они скрылись, но были бы очень благодарны за этот эликсир. Уверена, что они тоже встанут на вашу сторону.

И они это делают. В течение следующих нескольких ночей мы с Мари повторяем один и тот же распорядок, разыскивая дворян различной степени и титула, иногда в их великих поместьях, но чаще — в грязных гостиницах и лачугах. О наших визитах разлетаются слухи, и они принимают меня все благосклоннее — хватают за плечо и заливают мою рубашку солеными слезами благодарности. И я с ужасом обнаруживаю, что это сжимает мое сердце точно так же, как когда я исцелял людей на улице дю Темпл.

Эти люди смеялись надо мной и плевали в меня при дворе. Законы справедливости гласят, что меня не должно волновать, выживут они или умрут, но нельзя отрицать волну эмоций, которая появляется в моей груди каждый раз, когда мы доставляем дозу спасения. Это наполняет меня сладостью, какой я никогда раньше не знал.

Ощущение только усиливается, когда я, наконец, через неделю сопровождаю Дегре, Анну и Франсуазу на набережную Грев, чтобы доставить отхаркивающие средства и тонизирующие средства от лихорадки и попросить помощи у жен рыбаков в приготовлении противоядия. Благодаря дополнительной вместимости стольких кухонь мы сможем перегонять больше целебных средств, чем Ла Вуазен когда-либо могла надеяться подавить Ядом Змеи.

Анна стучит в дверь Амелины, самой честной торговки рыбой.

— Здравствуйте, добрая леди. Я — Луиза Мари-Анн де Бурбон, мадемуазель де Тур, — она опускается в безупречном реверансе, который заставил бы мадам Лемер ворковать от восторга.

— А я Луиза-Франсуаза де Бурбон, мадемуазель де Нант, — говорит Франсуаза, дела

реверанс. — Мы здесь, чтобы доставить лекарства и попросить вас помочь восстановить наш город. Мы слышали, что вы и ваши подруги очень хорошо умеете готовить на кухне, и надеялись, что вы поможете нам приготовить противоядие.

— Проклятие! — Амелина вытирает слезы со смеющихся глаз. — Ваша нелепая история была правдой, — говорит она мне и Дегре.

— Нельзя говорить о проклятиях! — Анна смотрит на меня обеспокоенными глазами. Амелина смеется громче, ее черные волосы трясутся, как водопад.

— Впусти их уже, — за ее спиной в дверях появляется Этьен, муж Амелины. — Неправильно заставляя дочерей короля ждать на морозе.

* * *

Единственное темное пятно на пути нашего необычайного прогресса в том, что я вынужден проводить с *любимым* братом гораздо больше времени, чем мне бы хотелось. Что неудивительно, поскольку я предпочитаю проводить с ним совсем немного времени.

Он то ходит по канализации, жалуясь на то, что его оставили позади, то нависает над плечом Мирабель в магазине, делая вид, что интересуется алхимией. Плохо скрытая уловка, чтобы задеть меня. Мне жаль, что Мирабель предложила ему помочь ей. Магазин шляп был нашим убежищем. Тут началось восстание. Тут начались *мы*. И теперь Людовик здесь каждое мгновение. Сводит меня с ума.

— Оказывается, у меня есть природные способности к исцелению», — сказал он мне однажды вечером, когда я пришел забрать лекарства, которые вечером нужно доставить в Лез Аль. Он работает пестиком в ступке, и его лицо блестит от пота, золотые волосы прилипли ко лбу. Его настоящие волосы. Парик выбросили в угол, как мокрую тряпку. И он, кажется, не обращает внимания на пятна на камзоле.

Я хмуро смотрю на него. Он может обмануть других, но не меня.

— Единственное, к чему ты от природы склонен, — это раздражать всех вокруг.

— Вы оба меня раздражаете, — Мирабель громко опускает отцовский гримуар на прилавок. — Неужели так словно быть вежливыми друг с другом?

Мы с Людовиком пылко отвечаем?

— Да, — мы впервые в жизни согласились.

Когда я возвращаюсь несколько часов спустя, мне не терпится рассказать Мирабель о слухах, циркулирующих в Лез Аль: об ангеле Ла Ви, чьи склянки с противоядиями, как говорят, воскрешают мертвых; как каждую ночь из Лувра можно услышать, как Ла Вуазен воеет от ярости; и — что самое шокирующее — то, что глашатаи Общества кричали с переполненной площади Дворца правосудия, угрожая всем, кого поймают за варкой, распространением или использованием противоядий.

Наш план работает. Теневое Общество теряет контроль.

Но прежде чем я успеваю произнести хоть слово из этих хороших новостей, Людовик начинает допрос:

— Опиши точное выражение лиц крестьян, когда ты произнес мое имя... Они казались вдохновленными? В приподнятом настроении?

— Если они и были вдохновлены и воодушевлены, то это благодаря лекарствам, а не тебе, — говорю я.

— Да, но у них должно быть какое-то мнение обо мне. Если бы я только мог выйти к ним...

— Никак нет. Даже если бы это было не слишком опасно, ты бы полностью отвлек их

от дела.

Людовик опускает пестик и говорит жалким дрожащим голосом:

— Я такой невыносимый?

— Ты хуже.

Мирабель свысока смотрит на нас обоих.

— Вы можете замолчать? Или спорить в другом месте? Я пытаюсь сосредоточиться.

— Я перестану ссориться, как только он перестанет быть... — я даже не могу придумать подходящее слово, чтобы описать, насколько раздражает Луи, поэтому я выбираю, — ...самим собой!

Он так долго молчит, что я молча поздравляю себя с победой в этой схватке, но потом он говорит низким и жестким голосом.

— Несмотря на то, что ты жалуешься, что я невыносим, ты тоже невыносим. Я был эгоистичным болваном с глупыми мозгами, когда был слеп к нуждам людей. Теперь, когда я активно пытаюсь помочь, я надоедливый и ненужный. Независимо от того, что я делаю, для тебя этого никогда не бывает достаточно.

У меня изо рта вырывается недоверчивый смех, и чем больше Людовик настаивает, что это не смешно, тем сильнее я смеюсь.

— Ты ждешь, что я тебя пожалею? Я чувствовал это каждую минуту своей жизни! Ты обеспечил мне это! Так что извини, если я не пожалею тебя после нескольких ничтожных недель страданий.

— Когда ты откроешь глаза и поймешь, что это не я подверг тебя остракизму? Ни отец, ни его министры, ни даже придворные. В этом не было необходимости. Ты подставил себя! Ты сделал так, чтобы в тебе видели только никчемного бастарда.

— Это все, что мне было разрешено! Отец меня презирал. У меня не было возможности...

— Ложь! — кричит Людовик с большей страстью, чем я когда-либо слышал. — Вначале он предпочитал тебя.

— Никто не верит твоей лжи.

— Это правда. Ты был больше похож на него во всех отношениях — уверенный в себе, громкий, дерзкий и физически способный. Я не такой. Однажды, когда нам было двенадцать, я подслушал, как он жаловался Гранд Конде на то, что хотел бы, чтобы ты родился законным, поскольку стал бы лучшим королем, несмотря на твои ужасные поступки и хамское поведение.

Я хлопаю обеими руками по столу.

— Хватит! Ты врешь!

— Перестань обвинять меня и всех остальных в том, что ты не использовал свой потенциал. Тебе некого винить, кроме себя!

В моих ушах звенит. Темные точки пляшут перед глазами, закрывают прилавок, пузырьки и травы. Вскоре я вижу только черное. И мне кажется, что я разобью магазин и похороню Людовика под обломками, если я не уйду сейчас же.

— Йоссе... — Мирабель осторожно делает шаг ко мне.

Я отступаю, рыча кучу ненормативной лексики, и вылетаю в ночь. Я вдыхаю холодный воздух и бегу по улицам, не заботясь о том, куда иду. Быстрее, быстрее. Дальше, дальше. Но я не могу убежать от этих проклятых слов:

Он предпочитал тебя.

Ты подставил себя.

Ложь. Это точно ложь. Но всхлипы в моем горле такие сильные, что мне приходится останавливаться, чтобы отдышаться. Я тянусь, чтобы упереться рукой в дерево, но моя трясущаяся рука не попадает в цель, и я падаю на грязную землю, сжимаюсь в жалкой луже слез. Каждый разговор с отцом мелькает в моей голове, окрашенный этим ужасающим новым откровением. Что, если его замкнутое лицо было не из-за отвращения, а из-за страха? Что, если он отправил меня работать на кухню не для того, чтобы спрятать или наказать меня, а чтобы исправить меня?

Он хотел, чтобы я был чем-то большим. Он терпеливо ждал, давая мне шансы проявить себя, и я был так возмущен и нетерпелив, что упустил любую возможность.

Я не оставил ему выбора, кроме как оттолкнуть меня.

Я лежу под деревом, как пьяница, с пустыми глазами и без костей, радуясь сгущающейся темноте, которая скрывает мое залитое слезами лицо. Наконец, когда у меня не остается ни слезинки в глазах, ни капли боли в груди, я с трудом поднимаюсь на ноги и продолжаю идти по дороге. Не слыша, не видя, просто двигаясь, как призрак.

Я натыкаюсь на толпу людей, но один из них такой высокий и крепкий, что кажется, будто я ударился головой о городскую стену.

— Принц! — кричит Грис, хватая меня за плечи и трясет. — Я знаю, что ты меня слышал. Я звал тебя по имени дюжину раз.

— Оставь меня в покое, — ворчу я. Я пытаюсь оттолкнуть его, но Грис сжимает сильнее, пока я не вскрикиваю и не смотрю в его глаза, такие же налитые кровью и смущенные, как и мои. Он задыхается, словно бежал из Лувра.

— Что с тобой? — спрашиваю я.

Он отпускает меня и складывается пополам, упираясь в колени.

— Я пришел... предупредить... — тяжело дышит он. — Ла Вуазен замышляет что-то ужасное. У нас мало времени.

МИРАБЕЛЬ

Знакомая боль пронзает мою грудь, когда я смотрю, как Йоссе бежит по улице Наварин. Он исчезает в фиолетовых сумерках, и нить между нами натягивается. Мой разум кричит идти за ним. Я точно знаю, что он чувствует. Весь его мир — все, что он думал, что знал — рухнул вокруг него. Но я также знаю, что ничего не могу сказать, чтобы облегчить его боль. Пока что.

— Это правда? То, что ты сказал о своем отце? — спрашиваю я у Людовика, когда проходит минута в тишине. Все это время мы смотрели на дверь.

Он вытирает руки о грязный камзол и поворачивается к прилавку.

— Зачем мне лгать?

— Ты видел, как Йоссе убежал. Это уничтожило его.

— Уверяю, если бы я солгал, то так, чтобы выглядеть в лучшем свете, — он берет пестик и ступку и с пугающей интенсивностью продолжает дробить семена фенхеля.

— Наверное, было больно подслушать такое.

— Это было совсем не сложно, — рявкает Людовик, давая понять, что это, безусловно, было сложно. — В этом разница между мной и моим незаконнорожденным братом. Отец считал меня неподходящим, поэтому я сделал все, что в моих силах, чтобы доказать, что он неправ. Йоссе решил, что он не подходит, и оказался прав.

— И я уверена, что ты ничем не укреплял его убеждения? — я бросаю на дофина обвиняющий взгляд. — У меня есть старшая сестра. Я знаю, как это бывает.

Прежде чем Людовик успеваешь ответить, дверь распаивается, и в магазин входит горстка сирот, неся на плечах чешуйчатого зверя из дыма.

— Специальная доставка для мадемуазель Ла Ви, — поет Гаврил.

У этого дымового зверя длинное змеиное тело, покрытое кроваво-красной чешуей. Сироты устраивают все, что могут, на прилавке, но длинный кусок тела остается на полу.

— Мертв, — я стараюсь не показывать разочарование, обхожу прилавков и осматриваю существо. Я поднимаю одну из его коротких когтистых лап и позволяю ей упасть с глухим стуком. Это третий зверь, которого они мне принесли. Я чувствую себя ужасно, прося большего, но мне не удавалось контролировать этих существ, как бы я ни рубила, варила или смешивала мертвых с моей кровью.

Чтобы найти связь со своей алхимией, мне нужен живой образец. Я не знаю, как еще продвинуться. Я все ещё не понимаю, как работают существа, а наш мятеж разрастается, и все ближе день, когда успех или поражение будут зависеть от того, могу ли я выстоять против Лесажа и неестественной силы, которую я дала ему.

— Мы пытались поймать его живым, честно, — говорит Гаврил, — но бой был горячим, — он показывает большим пальцем на парня с обгоревшими штанами на колене и девочку, чьи косы до бедер теперь неровные пряди.

— Не извиняйся, все хорошо, — говорю я. — Я справлюсь.

Как-то.

Я закатываю рукава, беру нож и вонзаю его в серебряное брюхо монстра. Сироты с криком убегают в дальний конец комнаты, чтобы скрыться от полуночных брызг крови, и я предполагаю, что дофин сделает то же самое, но он подходит ближе, наклоняясь, чтобы осмотреть его внутренности.

— Поразительно. Можно мне? — он протягивает руку за моим ножом, и я удивленно

смеюсь. Он, несомненно, напыщен и утомителен, но он также решителен и непоколебим. Йоссе поступил с ним несправедливо. Но Луи тоже поступил несправедливо по отношению к Йоссе.

— Ты и твой брат похожи больше, чем ты думаешь, — говорю я.

— Поскольку тебе нравится этот бастард по неизвестной причине, я приму это как комплимент. Но, по правде говоря, я оскорблен.

Он берет нож, и я показываю ему, где сделать надрез, но прежде, чем лезвие разрывает кожу, дверь снова открывается, и Йоссе спотыкается о порог. Он все еще тяжело дышит и с безумными глазами, но теперь его лицо не похоже на малину, а полностью лишено цвета.

Я выскакиваю из-за прилавка и встаю между братьями.

— Если ты вернулся биться... — предупреждаю я Йоссе, но мой голос теряется, потому что Грис наступает на пятки Йоссе. Его золотые локоны прилипли к вспотевшему лбу, и он так тяжело дышит, что вынужден опереться на стену. Оба мальчика готовы упасть в обморок. — Что случилось? Ты ранен? — я бегу к Грису и начинаю осматривать его руки и грудь на предмет ран. — Мама сделала это с тобой?

Он качает головой и выдыхает:

— Не обо мне... тебе нужно... беспокоиться.

— О ком тогда? — я поворачиваюсь к Йоссе. — О тебе?

— Расскажи им то, что ты рассказал мне, — говорит Йоссе.

Грис глубоко вдыхает и выпрямляется, но его глаза расширяются от толпы в магазине, и он пятится.

— Не переживай, — говорю я ему. — Это люди, которых я исцелила. Им можно доверять.

Он кивает, но все еще пятится.

— Принц расскажет. Я не могу оставаться.

— Но ты бежал сюда, и еще минута...

— Они заметят, что меня нет, — он мотает головой и устремляется по улице, хотя не успел отдышаться.

— В чем дело? — я поворачиваюсь к Йоссе.

— Ла Вуазен в отчаянии, — говорит он. — Она планирует стереть с лица земли поля в предместье Сен-Жермен, как только Грис сварит побольше кровавого зелья Лесажа. Грис говорит, что он может медлить не больше трех дней.

Такое ощущение, что я упала в ледяную Сену. Какого дьявола она творит? Если ячмень и рожь пропадут, люди умрут от голода до середины года.

— Мать заботится о простых людях. Она никогда бы не... — Гаврил и дети зловеще молчат, и мой голос кажется высоким и пронзительным. — Как она планирует вернуть поддержку людей, если они голодают?

— Она больше не планирует добиваться их поддержки, — говорит Йоссе. — Она планирует захватить ее. Уменьшая запасы еды и контролируя то, что остается, она может выбирать, кому раздавать пайки. У повстанцев не будет иного выбора, кроме как приползти и упасть к ее ногам.

— Нет, — сначала я шепчу, но мой гнев — живое и свернутое кольцами существо, скользит по моему горлу. Я бью кулаком по прилавку. — НЕТ! Тысячи погибнут. Наше восстание рухнет.

— Можем ли мы остановить их на пути к поджогу? — спрашивает Людовик. —

Ввязаться в бой с Теневым Обществом?

— Только если мы хотим проиграть, — Йоссе говорит так, будто предложение Людовика — самое глупое, что он когда-либо слышал.

— Но их ряды состоят из неопытных солдат, таких же, как и наши, — говорит Людовик.

— Эй! — Гаврил выпячивает грудь и указывает на монстра на столе. — Я бы не назвал нас неопытными.

— Вы определенно опытные, — соглашаюсь я, — но у них есть магия. Даже ты не сможешь бороться с дюжиной зверей одновременно, — эта мысль заставляет вину подниматься в моем горле, как рвоту, и я обнимаю живот. Возможно, сироты смогли бы бороться с таким количеством зверей, если бы я смогла понять, как взять их под контроль, хотя бы частично.

— Тогда мы каким-то образом поймаем отравителей в их замке, — предлагает Людовик. — Как они поступили с нами в Версале. Или мы их отравим, как они отравили полгорода.

Я потираю руки, расхаживаю за прилавком.

— Я не опущусь до их уровня. Должен быть другой выход, — мое сердце бьется все быстрее от моих шагов. Воздух горячий, густой, тяжело дышать. Я озираюсь в поисках чего-нибудь, и, как всегда, мой взгляд падает на отцовский гримуар, наполовину погребенный под мешком пиретрума.

«Однажды ты станешь великим алхимиком».

Конечно.

Я хватаюсь за книгу и яростно листаю страницы, в моей груди вспыхивает крошечный тлеющий огонек надежды. Когда я нахожу рецепт, который ищу, я взвизгиваю и взволнованно постукиваю пальцем по странице.

— Гаврил, как думаешь, вы сможете привести Амелину и Этьена, а также одного или двух представителей с улицы дю Темпл и Лез Аль? И, Йоссе, вытащи Дегре из любого игорного заведения, в котором он прячется, и приведи маркиза де Сессака. Мы соберемся здесь через час. У меня есть идея.

* * *

Я никогда не видел более невероятной группы. Герцогини стоят рядом с нищими. Рыболовы рядом с королевской семьей. Никто не выглядит уютно, и все они стараются держаться в стороне, но они здесь. Вместе. И темнота тесного магазина вызывает у всех одни эмоции. Они хмурятся при виде взрыва трав на прилавке и сетуют из-за пятен черной крови монстра, покрывающих пол и липнущих к их обуви. Я стою в стороне, сжимаю отцовскую книгу и собираюсь с мыслями. Теоретически убедить дворянство и простых людей работать вместе — это одно, но для спасения урожая потребуется сотрудничество каждого. И у меня нет альтернативного плана, если они откажутся.

— Когда ты беспокоишься, у тебя между бровями образуется очаровательная морщинка, — говорит Йоссе, подталкивая меня плечом.

Я ударяю его книгой.

— Сосредоточься, принц! Морщинка между моими глазами — последнее, о чем тебе следует думать.

— Предпоследнее. Потому что мне также нравится, как ты крутишь пальцем локон над ухом.

Я немедленно опускаю руку. Его улыбка настолько дьявольски прекрасна, что я хочу

либо поцеловать его, либо ударить кулаком — не знаю, что именно.

— Ты невозможен, — шиплю я.

— Или я гений? На мгновение ты перестала нервничать.

Я моргаю, глядя на него. Так и есть.

— Что бы ты ни придумала, уверен, это блестяще. И даже если это не так, я буду драться с любим, кто не согласен, — он поднимает кулаки, и на моих губах появляется улыбка. — Вперед.

Сделав глубокий вдох, я подхожу к группе впереди и привлекаю внимание.

— Спасибо, что пришли. Недавно мы узнали о планах Общества по уничтожению полей в предместье Сен-Жермен. Ржи и ячменя станет намного меньше, и люди будут вынуждены обратиться за поддержкой к моей матери и королевским складам. Наше восстание погибнет, а вместе с ним и тысячи голодающих душ, если мы не спасем урожай и не раскроем план Теневого Общества. Тогда мы будем спасителями города, и, надеюсь, те, кто остался верен моей матери, вместо этого обратятся к нашему делу. Имея за спиной весь город, мы получим силу противостоять им.

Вопросы и предложения летят ко мне — в основном те же проблемы, которые мы обсуждали вначале, — поэтому Йоссе и Людовик помогают мне отвечать и давать обещания. Большинство наших союзников впервые видят Людовика, и, несмотря на то, что Йоссе беспокоился о том, что он «все испортит», у дофина все прекрасно. Кажется, все ловят его слова. Они улыбаются, глядя на его потрепанный камзол, и гордятся, когда он признает их мнение.

— Если мы не можем бороться с отравителями или помешать им покинуть дворец, как мы будем действовать? — спрашивает Дегре.

Я держу отцовский гримуар, потертая красная кожаная обложка блестит в свете факела.

— Посредством алхимического процесса, называемого фиксацией. Мой отец тщательно изучил его и разработал порошок, устойчивый к огню. Все, что нам нужно сделать, это произвести порошок и разложить его по посевам, прежде чем Теневое Общество подожжет их.

— И когда они собираются это сделать? — кричит маркиз де Сессак.

— Как долго делать порошок? — спрашивает Этьен.

— Мой информатор может продержаться три дня, что дает нам два с половиной дня на производство и распространение порошка, — говорю я.

Амелина со стальным выражением лица смотрит на меня.

— Это можно сделать?

— Да, но только если все будут вносить свой вклад. Как вы думаете, сможете ли вы убедить других женщин помочь? Нам понадобится много чайников.

— Да, да. Я немедленно их созову. Даже те, у кого нет духа для бунта, не откажутся, если альтернативой будет голод.

— Превосходно, — я вырываю пустую страницу с обратной стороны гримуара отца, копирую рецепт и отдаю его. — Этьен... — обращаюсь я к ее мужу. — Можете ли вы нанять своих товарищей-рыбаков, чтобы они помогли нам распространять порошок? А вы, — я смотрю на галантейщика и доярку, представляющих торговцев из Лез Аль, — можете собрать телеги для перевозки порошка? Они должны быть похожи на те, которые привозят на рынок.

Они кивают и уходят, и давление на мою грудь, которое казалось сокрушительным,

значительно ослабевает. Я украдкой смотрю на Йоссе, и от его восторженной улыбки у меня все трепещет. Я быстро отворачиваюсь, мои щеки становятся еще более горячими.

— Мы начнем распространять информацию, — говорит Гаврил, — чтобы толпа стала свидетелем предательства Ла Вуазен и силы нашего чудесного порошка.

— А я найду туники, шляпы и прочее, чтобы мы выглядели как настоящие торговцы, — предлагает Дегре.

— А я и маркиз де Сессак возглавим экспедицию, — взволнованно добавляет Людовик.

— Прекрасно, — говорю я.

Но как только наши союзники выходят за дверь, Йоссе поворачивается к Людовику и говорит:

— Ни за что. Вы не можешь никуда нас вести.

Его слова эхом разносятся по магазину, острые, как гвозди. К счастью, большинство наших союзников уже на улице, но Амелина и Этьен останавливаются и поворачиваются на нижней ступеньке. Все взгляды обращены на Йоссе, а Людовик не просто смотрит — он стреляет кинжалами огня. Воздух такой густой от напряжения, что я едва могу дышать.

Рога дьявола, только не снова.

— Сейчас не время...

Людовик прерывает меня низким рычанием.

— Почему нет, *брат*?

— Это слишком рискованно, — Йоссе легкомысленно взмахивает рукой. — Ты должен оставаться незамеченным.

— Мы оба знаем, что тебе плевать на мое благополучие. Значит, это риск для тебя и твоей гордости. Ты боишься, что люди забудут тебя, как только увидят меня.

— Я боюсь, что вы нарушите наши тщательно разработанные планы и все испортишь. Я мог бы руководить миссией легко и гораздо эффективнее.

— Я не согласен. Чтобы великий план увенчался успехом, люди должны видеть меня и таких знатных людей, как Сессак, защищающими их, сражающимися вместе с ними.

Йоссе зарывается руками в волосы и смотрит на меня, умоляя меня встать на его защиту, но я прикусываю губу и смотрю на Людовика. Позволить ему покинуть наше укрытие — это риск, но мы будем рядом, будем помогать и защищать его, и я считаю, что людям было бы хорошо увидеть, как он участвует в их борьбе. Я выражаю мольбу лицом.

— Возможно, нам стоит дать дофину шанс. Я тесно работала с ним на прошлой неделе, и я думаю, ты поймешь, что он гораздо более компетентен...

— Он не хочет помочь, — перебивает Йоссе. — Ты не знаешь его так, как я.

— Я хочу помочь, — настаивает Людовик. — У меня было время подумать...

— Да, я знаю. Я был с тобой неделями. Я слышал достаточно твоих *мыслей* о наших условиях и обществе, и это никак не помогало.

Людовик опускает голову и шумно вдыхает.

— Я не жаловался уже несколько недель. Я пытаюсь измениться. Я хочу быть лучшим королем. Помогите мне сделать это, Йоссе, — он смотрит на Йоссе с открытым и серьезным выражением лица. Это близко к мольбе для короля.

Я задерживаю дыхание, желая, чтобы Йоссе согласился. Мари вот-вот может взорваться от гордости там, где она сидит с девочками по сторонам. Но Йоссе опускает свою шляпу-треуголку и поворачивается к Людовику спиной.

— Боюсь, это не выше меня.

Людовик жалобно бормочет. Я крепко сжимаю губы и смотрю в потолок. Я хочу сильно ударить Йоссе по лицу. Ему нужно было просто немного поддаться, Людовик был готов преодолеть пропасть между ними, но он не смог этого сделать. Он не стал этого делать.

Проклятый принц и его гордость.

Маркиз де Сессак сердито смотрит на Йоссе, затем кладет руку на плечо Людовика.

— К счастью, у всех нас есть право голоса в этом вопросе, и я говорю, что ты поведешь нас.

Йоссе поворачивается к дворянину.

— Я спас вам жизнь!

— Технически она спасла мне жизнь, — он кивает на меня. — И, похоже, Его высочество помогал в создании противоядия. И мадам Рояль доставила его...

— Я принимал участие во всем этом! И в любом случае вы по-прежнему в меньшинстве.

Амелина приглушенно кричит с лестницы:

— Я думаю, что дофин должен вести.

— И я, — кричит Мари из-за угла. Анна и Франсуаза согласно хлопают в ладоши.

— И я, — Дегре виновато пожимает плечами, когда Йоссе смотрит на него. — Извини, друг. Это к лучшему.

Йоссе поворачивается ко мне последней.

— Ты тоже против меня?

Я смотрю вниз и трогаю обложку гримуара отца.

— Я не столько против тебя, сколько за то, чтобы позволить Людовику это сделать.

— Отлично, — Йоссе срывает шляпу и сжимает ее в кулаках. — Отлично. Но когда это плохо кончится, не говори, что я тебя не предупреждал.

Его загадочные слова спускаются по моей шее, как пауки, но я отмахиваюсь от них и вижу улыбку на нетерпеливых лицах вокруг меня.

Наши ряды пополняются. У нас есть план с ясным концом.

Нет причин полагать, что это плохо кончится.

22

ЙОССЕ

Все отвергли меня: Дегре, мои сестры, даже Мирабель. Я не знаю, почему я когда-либо думал, что могу возглавить это проклятое восстание.

«Может, нужно попробовать другой путь управления», — шепчет отец. Не резким тоном, которого я ожидал от него, а мягким, уговаривающим тоном, от которого все становится еще хуже.

Потому что я делаю это снова — набрасываюсь и отталкиваю всех, отказываюсь признать свою вину в этом. Хуже всего то, что я знаю, что делаю это, но все еще не могу остановиться. Я, как ёжик, поднимаю шипы и сжимаюсь, чтобы защитить себя от правды.

Я прислоняюсь к прилавку, закрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов через нос. Я могу быть милостивым. Я не должен позволять этому задевать меня. Но когда я смотрю вверх и вижу, как Мирабель суетится из-за Людовика, отправляя его с маркизом де Сессаком готовиться к экспедиции, мое раздражение вспыхивает снова, обжигая, как сковорода из духовки.

— Нужно, чтобы люди видели, как ты помогаешь повстанцам, но не обязательно

выглядеть как мятежник, — говорит Мирабель Людовику. — Людям по-прежнему нужно считать тебя королем, поэтому после того, как посева будут спасены, сними маскировку, чтобы доказать, что ты жив и здоров. Пусть люди увидят, как ты сражаешься за них.

Людовик лучезарно сияет, и я не могу выдержать ни секунды. Я выбегаю из магазина, не зная, куда иду. Мне просто нужно уйти.

Я далеко не уйду.

Быстрые шаги Мирабель преследуют меня по улице.

— Йоссе, подожди.

— Зачем? Чтобы ты глубже вонзила нож? Продала меня за тридцать серебряников?

Она хватается за край туники и тащит в переулок.

— Тебе не кажется, что ты перегибаешь?

Я знаю, что это так. Но я непреклонно рычу:

— Нет.

— Ты честно не понимаешь, что людям нужно увидеть, как Людовик их защищает?

— Нужно, но...

— Ты не видишь, что он пытается? Тебе сложно дать ему шанс?

— Зачем, когда он мне такой шанс не давал?

— Разве? — тихо говорит она. — Или ты решил не принимать его?

Было уже плохо, что Людовик обвинил меня в этом. Услышав это от Мирабель, я чувствую удар по животу. Я не могу дышать. Крошечные звездочки взрываются перед глазами и образуют лицо моего отца. Он смотрит на меня так тепло и с сочувствием, и я снова слышу его голос: «Не надо портить и эти отношения».

Но я это делаю. Если я не защищу себя, никто этого не сделает.

Я расправляю плечи, готовый сказать Мирабель, чтобы она не лезла в мои дела, но она хватается за плечи и говорит:

— Тебя достаточно, Йоссе. И так всегда было. Только ты этого не видишь.

Ее заявление разбивает хрупкие стены вокруг моего сердца. Я задыхаюсь, когда осколки проникают внутрь: пронзают, режут и раскрывают меня. Я медленно опускаюсь на землю, задевая спиной расколотую древесину здания, и опускаю лоб на колени.

— Ты права, — выдыхаю я. — Людовик прав. Вы чертовски правы.

Я чувствую, как Мирабель садится рядом со мной. Ее рука касается моей, и ее запах шалфея и дыма щекочет мне нос. Она ничего не говорит, просто сидит там — веревка ждет, чтобы вытащить меня на берег, когда я буду готов схватиться.

— Для меня было важно, — признаюсь я себе и Мирабель. Истина гремит во мне, потрясая основы моей души. Мой голос срывается, что плохо, и когда я пытаюсь вернуть его кашлем, я в конечном итоге издаю еще более жалкий всхлипывающий звук. Если Мирабель не считала меня жалким человеком, то теперь определенно считает. У меня не осталось ни крошки достоинства, чтобы его терять, и я позволяю всем словам, запутавшимся в моей голове — годы и годы гнева, душевной боли и разочарования — выплеснуться, как рвота. — Для меня всегда было важно. Я хотел одобрения отца так сильно, что это почти убивало меня. Он был таким большим. Смелым и властным. Бог на земле. И он был *моим* отцом. Это было почти невообразимо для меня, маленького «никто» без матери.

— Верить или нет, я немного о таком знаю, — она задевает мое колено своим, оставляет ногу там. Наши бедра соприкасаются. — Продолжай.

И я продолжаю. Теперь, когда я начал, я не могу остановиться. Я отчаянно пытаюсь

избавиться от этих темных, гноящихся чувств.

— Я не хотел многого — всего лишь каплю признания. Улыбку порой или кивок. Но он проносился мимо меня по залам, даже не замечая, будто я был лишь статуей или картиной. Любимым безымянным слугой. Так что я заставлял его увидеть меня — как мог: я безжалостно флиртовал с высокопоставленными дамами при дворе и специально вычистил конюшни прямо перед тем, как подавать еду в большом зале, чтобы грязь и зловоние нависали над его угощениями. Я даже швырнул осиное гнездо в окно его парадного зала и смеялся, когда он и его министры с воплями убегали по лестнице. Я, конечно, не знал, почему так себя вел. Я говорил себе, что мне все равно, что он думает, что я не хочу его внимания или одобрения. Но я хотел. Больше чем чего-либо. И ужасное поведение было единственным способом получить это — по крайней мере, я так думал, — я прижимаюсь запястьями к глазам и делаю долгий медленный вдох. — Видимо, он меня видел, но я был слишком упрям, чтобы понять это. Или, возможно, он был слишком горд, чтобы показать это. В любом случае, я давил, и он отступал, и мы все дальше отдалялись друг от друга, пока пропасть между нами не стала непреодолимой. Я заставил его возненавидеть меня. В его последних воспоминаниях обо мне не было ничего, кроме раздражения и разочарования, и теперь я не могу это изменить. Он никогда не узнает меня не просто как никчемного бастарда.

— Я не согласна, — говорит Мирабель. — После смерти отца моя мать пыталась запятнать мои воспоминания о нем. Она настаивала на том, что он никогда не любил нас, что он был поглощен своей одержимостью, и какое-то время я позволяла себе поддаваться влиянию. Но теперь, когда я разделяю его убеждения, я чувствую, как он одобрительно улыбается каждый раз, когда я перегоняю порцию противоядия. Я слышу его голос в своей голове, когда борюсь с мамой. Я знаю, что он гордится мной — что он прощает меня за то, что я встала на ее сторону. И у меня такое чувство, что твой отец чувствует то же самое. Как иначе? Ты исцеляешь его народ, возвращаешь его город и восстанавливаешь своего брата на троне. Уверена, Король-Солнце улыбается с Небес, поддерживая тебя

За глазами покалывает. Я пытаюсь спорить, но не могу издать ни звука, кроме хрипа. Слова Мирабель пробираются под кожу, вонзаются все глубже, пока не добиваются до моего центра. Как стрела, попавшая по мишени. Внезапно огромный груз сомнений и несоответствий поднимается с моих плеч, и легкость поражает. Облегчение такое сильное. Я запрокидываю голову, и слезы текут по моим щекам, уносят остатки горечи.

Когда мои глаза высыхают, я вытираю нос рукавом с застенчивым смешком.

— Посмотри на меня, рыдающего в переулке, когда так много нужно сделать. Ты, наверное, считаешь меня смешным.

— Ты очень смешной, — соглашается она. Но затем хватает меня за руку и сжимает, пока я не посмотрю на нее. — Но ты еще и смелый, великодушный, решительный, и нет никого другого, с кем я предпочла бы выступить против матери.

Ее ресницы мягко касаются щеки. Веснушки на ее носу сияют, как золотые пятнышки. Она смотрит на мои губы, и крохотная щель между нами наполнена такой кипящей энергией, что я не могу ясно мыслить.

«Сделай это, Йоссе. Наклонись», — я делаю еще один вдох, пытаюсь набраться храбрости. Мирабель со смехом хватается за воротник и прижимает мой рот к своему.

Поцелуй не робкий или вопросительный. Это заявление. Требование. Ее губы жадно касаются моих, а пальцы впиваются мне в плечи. Я обнимаю ее за талию и усаживаю к себе на колени, углубляя поцелуй. Она вздыхает, и все мое тело пылает жаром. С тех пор, как мы

впервые исцелили бездомных, я задавался вопросом, как это будет, на что это будет похоже.

Руки Мирабель повсюду; спускаются по моей груди и запутываются в моих волосах, оставляя за собой огненный след. Она раскачивает бедрами, и я со стоном отклоняюсь. Только я слишком сильно отклоняюсь и бьюсь головой о стену. Мы смеемся в губы и целуемся медленнее. Глубже. Наслаждаемся и исследуем. Она на вкус как мята, мед и волшебство. С запахом дыма, шалфея и ночи. Я мог бы целовать ее вечно и...

— Хватит, — она вдруг отодвигается и щелкает меня по носу. — Мы не можем всю ночь тратить на поцелуи, принц. Нас ждет работа.

— Но...

— Может, если быстро поработаем, хватит времени и на это, — она целует меня быстро в губы, едва ощутимо задевает губами, — позже. Но сейчас... — она хлопает и взмахом руки просит меня встать.

— Ты меня убиваешь.

— Нет, моя мама пытается тебя убить — и всех, кто против нее, — она подмигивает и идет к магазину шляп. Я следую за ней, качая головой.

* * *

Большую часть ночи и следующее утро мы проводим в очках и масках, производя огнестойкий порошок. Вместо того чтобы работать в магазине, мы присоединяемся к Амелине и рыбачкам в их домах на набережной Грев, чтобы Мирабель могла переходить с кухни на кухню, проверять консистенцию и эффективность.

Порошок необычный — мерцающее серебряное вещество, состоящее из солей аммиака и фосфата. Я понятия не имею, как это работает, но когда их смешивают, они становятся как сверкающий лист паутины, предположительно непроницаемой для огня.

— Этот мерцающий порошок будет защищать поля? — Гаврил поднимает банку и, хмурясь, рассматривает ее.

— Ты сомневаешься во мне? — гнев Мирабель отчасти является шуткой.

— Не совсем... — говорит он, — но я думаю, что многие из нас почувствовали бы себя лучше, если бы сначала проверили это.

— Хорошо, — Мирабель вытягивает нить из потрепанного края туники Гаврила, катает ее в порошок, а потом держит прямо над свечой. Мы собираемся вокруг, наклоняясь, чтобы лучше видеть.

Нить крутится, сияет белым и горячим, но в воздух не поднимается ни единой струйки дыма. И когда Мирабель снимает нить с пламени и бросает в лицо Гаврилу, его испуганный крик быстро превращается в смех. Он машет нитью над головой.

— Даже не теплая! Работает ли это на более крупных вещах? — прежде чем кто-либо успеет их остановить, сироты посыпают все порошком — обрывки пергамента, оконные занавески, мертвую мышь, которую они находят под шкафами, — и подносят свечи.

— Довольно! — Амелина стучает Гаврила по голове. — Вы устраиваете беспорядок.

* * *

К утру третьего дня три отдельные кухни от пола до потолка забиты бутылками, и мужчины грузят их в тележки.

— Надеюсь, этого хватит, чтобы покрыть поля, — говорит Мирабель, отходя от своего котла, чтобы подбодрить женщин, работающих рядом с ней. Поговорив с каждой, она присоединяется к Дегре, Людовику и маркизу де Сессаку, чтобы обсудить наш маршрут по городу. Но в середине предложения она смотрит на меня, каким-то образом чувствуя мой

взгляд.

Ее очки подняты высоко на лоб, от этого ее короткие локоны торчат во все стороны. Ее щеки испачканы серебряными полосками. И улыбка на ее губах заставляет мое сердце биться быстрее. У нас не было ни единого мгновения наедине после переулка, но воспоминания дразнят и соблазняют меня каждый раз, когда я закрываю глаза: жар ее губ, мягкий изгиб ее тела, пьянящий аромат ее кудряшек.

Может быть... если наш план будет успешным, и Людовик будет восстановлен на троне... может быть, у нас может быть будущее за пределами всего этого.

— Ты не очень скрытный, — рядом со мной появляется Мари, ухмыляясь.

Я кашляю, чтобы скрыть удивление.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Мне кажется, ты в нее влюблен.

— Йоссе влюблен в Мирабель? — Анна выскакивает из-за Мари и улыбается мне. С другой стороны от меня появляется Франсуаза, хихикая.

— Йоссе влюблен в Мирабель!

— Говорите тише, — шиплю я. — Мы с Мирабель союзники, не более того.

Мари закатывает глаза.

— Твои слова говорят об одном, а действия об обратном.

— Ты не должен лгать, Йоссе, — улыбаясь, говорит Франсуаза. — Мадам Лемер говорит, что ложь — это грех, и ты обязательно будешь гореть за это в аду. Хотя я думаю, что она также осудила бы тебя за любовь к одной из *них*, так что в любом случае ты обречен.

— Я не влюблен в нее! — говорю я, почти крича.

— Не влюблен в кого? — Мирабель подходит за нами в худший момент, улыбается, словно знает, о ком мы. Я хочу заползти в котел и умереть.

— Нет времени для любви, — Дегре смотрит на меня и Мирабель огромными глазами, и Анна с Франсуазой снова хихикают. А потом он обращается к группе. — У нас есть только время до заката, чтобы распределить порошок — уничтожение будет происходить после наступления темноты, так что огонь будет видно — а это значит, что мы должны сосредоточиться и работать быстро.

Как и обещал, он раздает одежду. Не знаю, где он ее находит, но сегодня это тусклые, выцветшие фермерские лохмотья, залатанные и с кривыми швами. На Мирабель коричневый шарф поверх остриженных волос и большой фартук. На моей тунике вокруг воротника желтое пятно пота, от которого пахнет так, как будто предыдущий владелец умер от истощения.

— Если кто-то спросит, мы — фермеры, покидающие Лез Аль с непроданными товарами, — объявляет он.

Когда мы проезжаем мимо мадам Бисет, я целую Анну и Франсуазу в головы и говорю им, чтобы они вели себя хорошо с Мари, а затем мы следуем за Людовиком и маркизом де Сессаком через мост и вниз по левому берегу, наша изможденная группа движется вперед, как колонна мулов. По большей части на нас никто не обращает внимания. Мы сливаемся с пыльной суетой этих окраинных улиц. Те немногие, кто замечает нас, либо задирают нос, либо кричат, чтобы мы не мешали. У скоростных экипажей не хватает терпения для такой утомительной процессии, как наша.

Дома с облупившимися ставнями и шиферными крышами постепенно уступают место одиноким хижинам, за которыми следуют случайные лачуги, окруженные полями зеленого,

коричневого и желтого цветов. Уже почти лето, и пшеничные волны колышутся, как танцоры на ветру. Дикие и волнистые, как волосы Мирабель до того, как она их остригла. Я с тоской смотрю на ее спину впереди.

— Хватит мечтать, начни с того ячменного поля, — Дегре толкает меня в плечо. Он звучит раздраженно, но улыбается и качает головой. — Ты можешь взять девушку с собой. Я не могу допустить, чтобы вы двое смотрели друг на друга через поля.

— Мы не будем... мы не... — бормочу я.

— Йоссе. Я днями допрашивал пленников. Не нужно мне врать. И она достаточно неплохая... для отравительницы, — он шлепает меня по плечу и уходит, направляя рыбаков и других к разным полям, так, чтобы быстрее и эффективнее покрыть посевы. Соотечественники и полевые рабочие подходят к нам, чтобы спросить, чем мы занимаемся, с готовностью предлагают свою помощь, почти вдвое увеличивая нашу численность. Людовик остается с тележками, чтобы показать себя, когда все вернутся со своими пустыми банками.

Мирабель нежно проводит пальцами по моей спине, проходя мимо, чтобы занять свое место вдоль линии забора, и все мое тело дрожит. Из-под шарфа ее темные глаза светятся озорством, нетерпением и надеждой. Я тоже это чувствую — как фонтан, бурлящий в моей груди, поднимающийся все выше, пока не разливается по краям моего существа. Я запрокидываю голову и вдыхаю тепло и солнечный свет. Впервые за несколько месяцев небо стало ярким, водянисто-голубым, а крошечные белые облака выглядят как капли сливок, плывущие к горизонту. Моя банка с порошком ловит свет, разбрасывая сверкая искрами индиго, розы и шафрана.

Дегре взбирается на кипу тюков сена в центре поля и машет руками, чтобы привлечь внимание. Он может вести с властью капитана полиции, но не похож на него. Сегодня на нем потрепанная туника и шерстяные брюки, которые оставляют обнаженной кожу над его ботинками. Завершала ансамбль безвкусная соломенная шляпа, наполовину съеденная молью.

Я хихикаю и напоминаю себе, что, когда мы вернемся в магазин, нужно сказать ему, что этот образ ему подходит. Я уже знаю его ответ. Он смахнет пыль с плеч, уберет волосы с лица и скажет: «Когда такой красивый, тебе все идет».

— По команде, — кричит он. — Давайте действовать быстро и эффективно.

Я откупориваю банку. Дегре поднимает руки. Но прежде чем я бросаю первую горсть порошка, сбоку вспыхивает зеленая вспышка.

Я знаю только одну вещь, которая движется так быстро.

— Дегре! — кричу я, но крик перекрывает трещащее шипение. Молния ударяет по тюкам сена, и поля вспыхивают, как сухой хворост. Стена обжигающего зеленого огня катится по полю, задевая мои щеки и опалая брови. Я поднимаю руки, но яркость ослепляет меня.

«Дегре».

Я бросаюсь к огню, чтобы вытащить его, но вторая молния бьет передо мной, так близко, что я отлетаю на спину. Удар об землю выбивает воздух из моих легких, и я кашляю. Меня тошнит. Но я не ощущаю боль. Это ничто, по сравнению с острой, как бритва, агонией, пронзающей мое сердце. Мир темнеет, меня бьют волны жара и головокружения. Я прижимаю кулаки к груди и приказываю себе дышать. Дыши, Йоссе. Когда я, наконец, перевожу дыхание, из моего горла вырывается хрип, похожий на вой или крик, но намного

громче. Более дико.

Как они узнали? Теневое Общество не должно было прибыть еще несколько часов. У нас было много времени. Это должно было быть просто. Предполагалось, что это будет безопасно.

Кусая кулак, я смотрю на темные очертания тела Дегре, его доедает огонь. Затем мой взгляд падает на остальных, которые тлеют рядом с ним — Этьена и других торговцев рыбой и рабочих из полей. Их слишком много. Задыхаясь, я запрокидываю голову, но небо утешает. Кусок соломенной шляпы Дегре летит в дыму и приземляется на траву рядом с моим ботинком. Я сжимаю его крепко, хоть он и обжигает мне пальцы. Это все, что от него осталось. Все, что осталось от любого из них.

Это мог быть я.

Или Мирабель.

Новая волна паники обрушивается на мое тело — холодная и резкая по сравнению с пламенем, хлещущим по лицу. Я ее не вижу. Не слышу ее. Я поднимаюсь на ноги и иду, шатаясь, к забору, выкрикивая ее имя. Но дым заполняет мои легкие и горло.

Я задыхаюсь от праха своих друзей. Мои ботинки скользят по тому, что может быть только их кровью. Крики пронзают мои уши, и я не могу сказать, это их голоса или яростный треск огня.

Я падаю на колени, меня тошнит на траву. Мир то вспыхивает, то гаснет, тлеет, как свеча. Вскоре ничего не будет. Никого. За исключением тьмы и смерти.

МИРАБЕЛЬ

Мою кожу словно окунули в горячий воск, и у меня явно течет кровь: что-то теплое и влажное катится по щеке. Я говорю себе встать. Найти помощь. Сделать что-нибудь. Но моя голова тяжелее булавы, а ноги будто без костей.

Я могу только смотреть на сине-зеленый огонь.

Она знала.

«Откуда мама знала?».

Я зову Йоссе, но все заглушает рев огня. Я зажмуриваюсь, надеюсь, что он жив и убегает в убежище — и что он поможет Людовику. Мятеж умрет без него.

«Мятеж все равно мертв».

Наши союзники сгорают в этих полях — в моих ушах еще звенит вой Этьена, он кричал имя Амелины, пока огонь не окутал его. Перед глазами горит последнее изображение Дегре — его лицо искажено, кожа светится тем же призрачно-зеленым светом, что и в тот день, когда мы встретились. Только на этот раз вернуть его не удалось.

Я не смогла спасти никого из них.

Вина пронзает меня, как холодный нож, и слезы текут по моему лицу.

Огонь разгорается все сильнее, и в дыму появляются силуэты: алые плащи, вспышки бархатных масок. Я поднимаюсь на локтях и пытаюсь отползти, но далеко не уйду. Длинные узловатые пальцы просачиваются сквозь дымку и хватают меня за горло.

— Вот ты где, *La Petite Voisin*, — говорит Фернанд своим змеиным голосом. — Или я должен называть тебя Ла Ви? Хотя мне кажется, что ты приносишь больше смерти, чем жизни.

Он так сильно выворачивает мою руку, что, кажется, что она вырывается из моего тела. Он тащит меня через грязь к дороге, где ждет мама. Ее губы решительно сжаты, и торжество

танцует в ее темных глазах, когда она смотрит через пламя — победоносный генерал обозревает поле битвы. Мать, которую я когда-то знала, плакала и дрожала, видя, как много людей тонут в огне, но она больше не похожа на женщину, которая каждую ночь плакала у пустой постели отца и любовно проводила линии на моих руках, обучая меня и Маргариту читать по ладоням. Эта чудовищная версия матери упивается едким дымом и становится выше, пламя блестит на складках ее черного атласного платья.

— Ах, моя давно потерянная дочь, наконец-то найдена. Меня тошнило от волнения, — усмехается мама. Фернанд бросает меня к ее ногам. — Ты удивляешься, увидев меня. Может, ты не ждала меня так скоро?

— Как ты узнала? — спрашиваю я, но мой язык толстый и медленный, как слизняк, и слова получаются искаженными.

Матушка смеется.

— Порой я забываю, как ты безнадежно наивна. Ты честно поверила, что можешь перехитрить меня? У меня всюду глаза и уши. Даже среди твоих *последователей*, — она подчеркивает последнее слово, словно глупо думать, что за мной мог кто-то последовать.

— Мои люди презирают тебя. Они никогда не займут твою сторону.

— В этом твоя ошибка — считать, что это твои люди. Некоторые из них всегда были и будут моими, — она хлопает, и Маргарита выходит вперед, тянет за собой Грису. — Он пришел ко *мне*, — продолжает мама, — сам. Никаких угроз.

Нет. Невыносимый гул звенит в ушах, все плывет перед глазами, пока я смотрю на Грису. Он не стал бы. Он обещал быть на моей стороне. Мама врет. Я смотрю в его светлокариые глаза, жду, что он покажет мне возмущение. Что будет биться и громко объявит, что он не виноват, что он не участвовал в этом. Он — мой лучший друг. Мой брат. Он не предал бы меня так. Он не предал бы народ так.

— Скажи, что это не правда, — говорю я дрожащим шепотом.

Грис прикусывает губу и отказывается смотреть мне в глаза.

Агония пронзает меня, и я со стоном сжимаюсь в комок. Вдруг порезы и ожоги оказываются ничем, по сравнению с бурей во мне. Опаленные поля приобретают кроваво-красный оттенок, и я не могу сжать кулаки, не могу кричать достаточно громко. Я даже не могу понять, дышу ли я. Было мучительно думать, что кто-то другой предал нас, или что мы недостаточно бдительны, и Общество преследовало нас по улицам.

Но *Грис*?

— Как ты мог? — кричу я. Он стоит с опущенными плечами и жалким выражением лица, а я дрожу от ярости. Я хочу вырвать его лживые глаза из черепа. Я хочу повесить его.

Предатель. Предатель. Предатель. Мое сердцебиение ревет это слово.

— Они мертвы! Ты убил их! — я вскакиваю на ноги и с криком бросаюсь, сжимаю горло Грису, но боль пронзает мою щеку. Белая вспышка и извивающиеся столбы огня танцуют перед глазами, когда я падаю на покрытую пеплом землю. Дыхание вылетает с шумом, пульс стучит в висках. Когда мой взгляд проясняется, Фернанд стоит надо мной, потрясая кулаком. Мать и Лесаж присоединяются к нему, презрительно усмехаясь, за ними следуют Маргарита и, наконец, Грис.

Я знала, что остальные погибли, но я доверяла ему. Нуждалась в нем. Он пообещал в этот раз выбрать меня.

— Почему? — слово искажено во рту, наполненном кровью. Я провожу языком по зубам и плюю в сторону. Щеки Грису бледнеют. — Ответь мне! — кричу я. Напряжение

слишком велико, и я сворачиваюсь на хрупкой траве.

— Дофин был там, в магазине, — говорит Грис. — Я, конечно, улавливал слухи — Ла Ви объединяет простолюдинов и дворянство — и я знал, что ты работаешь с этим бастардом, но я сказал себе, что Мира никогда не присоединится к дофину. Она поклялась мне, что только лечит. Люди распространяют ложные слухи. Но он был там. Помогал тебе!

Я вспоминаю ту ночь. Как Грис застыл на пороге и резко ушел. Я думала, он был ранен, потому что его не пугал так сильно план мамы уничтожить посевы. А меня отвлекли новости, и я даже не подумала, что он мог заметить и узнать Людовика, хоть он был без наряда. Но, конечно, он узнал.

— И ты не дал мне объяснить и решил, что десяткам людей нужно умереть?

— Так не должно было произойти, — лепечет он. Слезы собираются в его глазах, он смотрит на горящие поля. — Ты и простые жители не должны были пострадать. Только королевичи.

— И ты поверил в это? — я с горечью смеюсь. — Мама лжет всем вокруг.

— Тихо! — она ударяет меня по порезу на виске, и мир расплывается и наклоняется — раскаленный огонь и угольный дым, их жуткие лица.

Маргарита опускается на корточки рядом со мной.

— Мои извинения, младшая сестра, — говорит она, но ее ухмылка совсем не виноватая. Она закрывает мне лицо влажной тканью, болезненно сладкой от эфира, и мои кости превращаются в лужи под моей кожей. Я не могу поднять руку, не могу даже кричать, когда она пробирается в мой лиф.

Когда она находит отцовский гримуар, она щелкает языком и бросает его в огонь.

— Больше его нет, — поет она. Затем она подхватывает меня под мышки и бросает в телегу, как мешок с зерном.

Я не чувствую ничего.

Боль не может достичь меня; разочарование не может меня коснуться. Все, что я чувствую, это пустота — пронзительная пустота там, где когда-то обитало мое сердце.

Грис предал меня.

Тележка едет вперед, и мы подпрыгиваем на ямах на дороге. Я пытаюсь поднять голову, но темные извивающиеся тени поглощают пейзаж. Я дрожу и потею. Задыхаюсь и стону. Все больше и больше погружаюсь в забвение.

Маргарита наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

— Сладких снов, *La Petite Voisin*.

* * *

Я просыпаюсь не в темнице, а на перине. Это хуже. Шелковые простыни цепляются за меня, как щупальца, и я пинаю их, срываю с полог с крепежей. Я была бы рада оковам. Все, что угодно, кроме этих плюшевых подушек и роскошного постельного белья, которые означают, что я здесь. Что я одна из них.

Все во мне кипит, и меня тошнит за край кровати на хороший ковер. Вытерев рот рукавом, я озираюсь. Эбонитовый шкаф возвышается, как дозорный. Два стула с высокими спинками стоят, как часовые, по бокам от двери, готовой запереть меня внутри.

Я подбираюсь к краю кровати. Отчаяние расцветает с силой, а сердце кричит: «Уйти, уйти, уйти!».

Я должна найти Йоссе и оставшихся повстанцев — если хоть один из них выжил. Искаженные лица моих мертвых друзей поднимаются вокруг меня, и на ужасную секунду я

представляю среди них Йоссе, воющего от боли, белки его глаз окрашены в зеленый цвет от огня.

Мои дрожащие руки не выдерживают, и я задыхаюсь в одеяло, хватаясь за грудь.

Нет, я не видела, как он горит. Он сбежал. И я ему нужна.

Я должна в это верить.

Светящиеся оконные стекла зовут меня, и я подбираю юбку. Может, мы на высоте четырех этажей, но при необходимости я могу спрыгнуть с валов. Я свешиваю ноги с кровати, но как только ступни касаются пола, они ускользают, как расплавленный свечной воск.

Проклятое успокоительное еще действует.

Я падаю на туалетный столик, как птенец, и чаша с водой обрушивается на мой череп. Одна из служанок матери просовывает голову в комнату.

— Ты проснулась! Я немедленно пошлю за Ла Вуазен.

Мерде. Я стону и вытираю дымящуюся воду с глаз. Не мама. Кто угодно, кроме нее. Я прижимаюсь горящим лицом к мрамору и беззвучно кричу.

Горничная вбегает.

— Вставай, вставай. Твоя мать не потерпит такого валяния, — я не двигаюсь. Не думаю, что смогу. Вздохнув, служанка хватается за мои руки и тащит обратно в постель. Я борюсь с ней на каждом шагу — или пытаюсь, — но мои руки медленные и дрожат. Мои ноги волочатся по ковру, как плуги. Маргарита, должно быть, дала столько успокоительного, что упала бы лошадь.

— Как долго я здесь? — спрашиваю я.

— Уже два дня, мисс.

Два дня. Агония вонзается в грудь снова, и я хрипло всхлипываю. Два дня с таким же успехом могут быть целой жизнью. Солдаты матери могли легко схватить Йоссе, Людовика и девочек. Гаврила и детей-сирот. Что, если я осталась одна? Я снова смотрю в окно, наполовину ожидая увидеть их тела, свисающие с зубчатых стен.

Служанка все еще пытается уложить меня в постель, когда дверь комнаты открывается, и в комнату врывается мать. Ее темные волосы заколоты жемчугом и малиновыми розетками, а кремовое парчовое платье плывет за ней, как облако. Это издевательство — быть в таком наряде после кровавой бойни на полях.

— Наконец-то ты проснулась. Нам есть что обсудить, милая моя, — она садится на край кровати и тянется к моему лицу. Я откидываюсь назад, прижимаясь плечами к мягкому изголовью.

— Мне нечего тебе сказать.

Свет в ее глазах гаснет.

— Тебе лучше найти, что сказать, потому что я не могу казнить королевских детей, пока не знаю, где они спрятаны, и я очень хочу положить конец этому надоедливому восстанию. Подумай о людях, Мирабель — умирающих и страдающих из-за того, что ты спровоцировала это восстание. Их смерть на твоей совести.

На моей совести? Я хочу кричать. Но первая половина ее речи затмевает все остальное. Она не знает, где члены королевской семьи. Значит, они сбежали. Они в безопасности. Грис не знал о канализации или люке в полу в кондитерской. Моя голова откидывается на изголовье кровати, и я хохочу от облегчения.

Мать хватается за руку и толкает вперед. Вблизи густая пудра на ее лице

рассыпается по морщинам. Ее пахнущее миндалем дыхание заставляет меня задыхаться.

Мама сжимает мою руку и тянет меня вперед. Вблизи пудра на ее лице трескается на ее морщинах. От ее миндального дыхания меня тошнит.

— Ты скажешь мне, где они, Мирабель.

Я смотрю на нее и опускаюсь ниже. Я впервые бросила вызов ей лицом к лицу. Красные пятна расплываются по ее щекам, делая ее яркие румяна еще ужаснее. Она ожидает, что я буду сжиматься и ломаться, как раньше, но я больше не ее слепая, покорная дочь. Я — Ла Ви.

— Я не буду делать ничего подобного.

Ее ногти впиваются в мою руку.

— Я думаю, что ты это сделаешь, если у тебя будет должная мотивация. Вставай.

Когда я не подчиняюсь, она огрызается на горничную, которая кряхтит и вытаскивает меня из постели. Еще две горничные вбегают и несут меня. Мои ноги качаются, как у новорожденного теленка, пока они тащат меня из королевских покоев, через салоны и подземелья в мою бывшую лабораторию.

Маргарита и Фернанд ждут у серой двери в конце коридора. Моя сестра улыбается нам, я уверена, она рада видеть ледяные волны ярости, катящиеся от матери.

— Добро пожаловать домой, *La Petite Voisin*, — она касается моей щеки губами. — Так рада видеть, что ты, наконец, проснулась. Должно быть, моя рука с успокоительным соскользнула.

Фернанд хихикает и направляется внутрь. Мать следует. Служанки толкают меня вперед, но я поворачиваюсь к сестре. У меня всего несколько секунд, так что я должна их использовать с умом.

— Помоги мне, Марго, — торопливо шепчу я. — Это безумие. Она уничтожила запас продовольствия и десятки невинных людей. Ты не можешь поддерживать это.

Маргарита колеблется полсекунды, затем отводит взгляд.

— Не пытайся вернуть себе благосклонность матери, подставляя меня.

— Я не хочу ее благосклонности!

Маргарита закатывает глаза и хлопает меня ладонями по плечам. Я вваливаюсь в комнату.

Грис, конечно, здесь. Послушный питомец матери. Он наблюдает за мной из-за стойки, разглядывает мои спутанные волосы и забрызганное рвотой платье. Его взгляд ощущается как ногти матери, впивающиеся в мою плоть. Я хочу бросить его в один из огромных котлов и посмотреть, как с его костей отваливается кожа.

«Слабый эгоистичный трус!».

Грис произносит мое имя без звука, умоляет посмотреть на него, но я не собираюсь больше на него смотреть.

— Пока ты устраивала проблемы, — начинает мать, присоединяясь к Грису за столом, — мы трудились, меняя формулу Яда Змеи. Он не только более жестокий, но и твое противоядие не работает против него.

— Я сделаю другое, — выдавливаю я.

— Когда? — ее сахарная улыбка вызывает у меня желание кричать. — Теперь говори, где королевские дети, или мне придется показать тебе, как эффективна новая версия яда.

— И убить невинных жителей? Мы должны спасти Париж, быть голосом народа, но ты убиваешь их без разбора! — я не понимаю, как дико машу руками, или как громко кричу,

пока мама не сжимает мой подбородок холодными пальцами и заставляет взглядом меня замолчать.

— Виновата только ты. Город был бы в мире под Теневым Обществом, если бы не твои махинации, — она отпускает меня толчком, и мой живот врезается в угол стола. Грис пытается поддержать меня, но я уклоняюсь от его предательского прикосновения.

Мать бьет кулаком по столу и предостерегает Грису:

— Демонстрация, алхимик, будь так любезны. Покажи Мирабель, что именно она навлекла на свою маленькую банду повстанцев.

— Моя маленькая группа повстанцев? — я знаю, что должна держать язык за зубами, но мне невыносимо слышать, как она так жестоко отзывается о Дегре, Этьене и наших союзниках, которые погибли. — Мы были больше, чем просто мышами, ожидающими истребления. Мы были революцией. Мы были готовы уничтожить тебя.

— Тихо! — тыльной стороной ладони мать бьет по моей щеке, и ее кольца оставляют длинные, жалящие порезы. Она поворачивается к Грису. — Сейчас.

— К-как вы хотите, чтобы я продемонстрировал? — он заикается. — Тут никого... эм...

Взгляд матери скользит по комнате и останавливается на охраннике у двери. Он ненамного старше меня, со светлыми волосами и крючковатым носом. Он не сделал ничего плохого, ничем не привлекал внимания. Он просто был там, в ее поле зрения.

— Ты подойдешь, — мать толкает его вперед.

Он бледнеет.

— Я, миледи? Но я...

— Я вижу, что выбрала правильно. Я не терплю тупых работников. Иди. Быстрее.

Охранник не двигается. Его взгляд скользит с матери на яд. Затем он бросается к двери лаборатории. Мать кричит, и другие стражники пытаются ответить. Он на полпути к двери, и я уже собираюсь поднять радость, когда Фернанд мчится через комнату, как пикирующий сокол. Он хватается охранника за руку, безжалостно тянет за нее и бьет охранника лбом о стену. Охранник воет и плюется. Кровь течет из пореза над бровью, когда Фернанд тащит его обратно к матери.

— П-прошу! — он смотрит на нее с мольбой, словно она может передумать.

— Пей, — приказывает она, указывая на Грису, тот подносит пузырек ко рту стража.

Он извивается и кричит как ребенок.

— Хватит! — кричит Фернанд. Он хватается пузырек из руки Грису и запикивает между губ стража. Юноша кашляет. Яд стекает по его подбородку, пропитывает тунику.

Я бросаюсь к нему, но Маргарита сильнее сжимает мой локоть.

Эффект почти мгновенный — такого я никогда не видела. Щеки охранника разбухают, руки прижимаются к животу, и он булькает, словно давится собственной слюной. Менее чем через тридцать секунд он падает на колени, плюясь мокротой и кровью. К тому времени, как он падает на пол, его лицо застывает в гротескной маске боли, а его спина искривлена под неестественным углом.

Волна тошноты поднимается по моему горлу, и мои руки летят ко рту.

— Впечатляет, не правда ли? — мама гладит Грису по небритой щеке. Он тихо бормочет «спасибо», но голос его звучал сдавленно. Только я замечаю это. Каждый его вдох, каждое его пожатие плечами мне так знакомы — и я это ненавижу. Мне неприятно то, что я знаю, что его пальцы растирают нижнюю часть его туники до дыр за столом.

Он предатель. Убийца. Мать может быть главой Теневого Общества, но он — ее руки,

как я когда-то была. К счастью, я нашла способ получше. Я показала Грису лучший способ. И все же он выбрал ее.

Как он мог это выбрать?

Мама перешагивает через мертвого охранника, словно лужу на дороге, и встает передо мной.

— Теперь, когда ты знаешь, что поставлено на карту, я спрошу еще раз, Мирабель. Где прячутся королевские дети?

Я закрываю глаза и представляю, что я где-то в другом месте — в теплом, мирном сказочном мире с пышными садами и бурлящими фонтанами. Я счастлива и в безопасности, мы варим настойки с отцом, вдыхая сладкий аромат шалфея и медового чая. Далеко-далеко от мамы.

Она бьет кулаком по столу.

— Возможно, тебе плевать на жизни простых людей, несмотря на твои смелые заявления, но я подозреваю, что ты не будете так бесцеремонно относиться к его жизни, — она поворачивается к двери. — Лесаж! Приведи пленника.

Дверь лаборатории распаивается, и по полу струится неестественный изумрудный свет. Лесаж входит в комнату, его светлая кожа и рыжие волосы пульсируют болезненным сиянием его магии, придавая ему демонический и призрачный вид. На кончиках его пальцев потрескивают искры. Он тянет за веревку, и Йоссе входит за ним. Он выглядит как при смерти; он обнажен до пояса, а его грудь и руки покрыты ранами и ожогами, а также брызгами болезни от зеленого дезинтегратора. Лесаж явно был занят часами.

Стены моего сказочного мира ломаются, дождь из стеклянных кинжалов пронзает мое сердце. О, Йоссе. Было глупо надеяться, что все королевские дети сбежали.

Лесаж одарил меня издевательской улыбкой и провел кончиком искрящегося пальца по лицу Йоссе. Сильная дрожь бросает Йоссе на колени, и он с воем хватается за щеку.

Я бросаюсь вперед. Я не знаю, как защитить Йоссе, но должна что-то сделать. Прежде чем я успеваю сделать полшага, мамины пальцы вонзаются мне в волосы. Она с такой силой тянет меня назад, что я падаю, и моя голова ударяется об пол. Кожу головы покалывает, и стены лаборатории кружатся. Когда я смотрю вверх, у нее в кулаке свисает прядь волос.

— Ты не тронешь его, — говорит она. — Ответь на вопрос, если хочешь пощадить его. Где спрятаны члены королевской семьи?

Йоссе поднимает лицо. Его глаза дикие и сверкающие, как у испуганной лошади. Ему удается покачать головой, прежде чем Лесаж бьет его коленом в живот.

Ничего. Я не должна ничего им говорить.

Пот собирается у меня на линии волос, и мое дыхание учащается. Он не может ожидать, что я буду стоять и смотреть, как Лесаж пытается и убивает его. Но если я раскрою его брата и сестер, он никогда меня не простит. Я никогда себе не прощу. Мари и девочки первыми поверили и приняли меня. И восстание действительно будет мертвым без Людовика. Я зарываюсь пальцами в грязную солому на полу, хватаясь за все, за что могу цепляться, за любой способ остановить это. Но идти некуда. Мечта о лучшем будущем — для Парижа и для нас — рушится вокруг меня. Я хочу, чтобы дворец рухнул вместе с ней и похоронил всех нас. Это было бы проще.

Я судорожно вдыхаю и киваю Йоссе. Обещаю.

— Где королевские дети? — спрашивает Лесаж.

— Не знаю, — мой голос чуть подрагивает.

— Ты всегда плохо врала, — Лесаж кладет ладонь на грудь Йоссе, и огонь ползет по его коже. Он корчится и кричит, его спина выгибается над полом, а рот открывается в беззвучном крике. Это так гротескно, что даже Маргарита и Фернанд смотрят в ужасе. Где-то далеко из угла звучит так, будто Грис плачет.

— Стой, — умоляю я. — Пожалуйста, остановись!

Когда Лесаж, наконец, прекращает, Йоссе падает с глухим стуком, в центре его груди появляется нефритовый ожог. Его кожа пульсирует тошнотворным светом, и из носа, губ, ушей течет кровь.

Я хватаюсь за грудь, как будто мои внутренности разжижаются.

— Я спрошу тебя еще раз, Мирабель, — на этот раз говорит мама. — Где спрятаны остальные? Если ты мне не скажешь, я перейду к более смертоносным средствам, — она указывает на пузырьки с измененным Ядом Змеи на столе.

Голова Йоссе склоняется, а его зеленые, как крыжовник, глаза парализуют меня.

— Не надо, — выдыхает он.

Слезы текут по моим щекам, я так сильно прикусываю губы, что чувствую вкус крови.

— Очень хорошо, — мать берет пузырек с ядом и подходит к Йоссе. — Как только я убью твоего любовника-бастарда, мы посетим улицу Темпл и Отель-Дьё. Возможно, бедные и больные будут более откровенны со своими знаниями.

Я смотрю, похолодев от ужаса. Наши союзники, конечно, видели Людовика и девочек, но мы не раскрывали свое убежище в канализации именно по этой причине.

— Они ничего не знают!

— Лучше надеяться, что они что-то знают. Если они откажутся сотрудничать, я раздам специальный голодный тоник, который мы создали для них, — она гремит склянкой с Ядом Змеи.

— Но они невиновны.

— Это вряд ли, — матушка горько смеется. — Ты в этом убедилась.

Я вонзаю пальцы в свои кудри и тяну.

— Ты не можешь отравить половину города!

— Выбирать тебе, Мирабель. Ты можешь пожертвовать сотнями невинных жизней, чтобы спасти несколько гадких королевичей. Или можешь сказать, где они прячутся. Сотрудничай, и я обещаю освободить его и оставить людей в покое. Это единственный способ принести мир.

Мое горло горит. Дюжина бульжников давит мне на грудь. Я люблю Людовика и девочек, но как я могу подвергать опасности столько жизней? Мать никогда не остановится.

Она подносит Яд Змеи к губам Йоссе. Мое сердце бьется быстрее — колотится, и я уверена, что оно вот-вот вырвется из груди.

— Они спрятаны в сарае, сразу за портом Сен-Антуан, — выпаливаю я. Но мой голос слаб, и я спотыкаюсь во лжи. Мать с отвращением шипит и наклоняет склянку. В последний момент я кричу. — Канализация! Они спрятаны в канализации. Вход в кондитерской на улице Сент-Оноре!

Признание оставляет меня пустой. Сломанной. Павшей. Я с грохотом падаю на пол, желая раствориться в нем. Вой Йоссе в тысячу раз болезненнее, чем во время ударов дезинтегратора. Он бьется и воет, не смотрит на меня.

— Извини, — плачу я, сжавшись клубком.

— Канализация, — удивляется Лесаж.

Мать на мгновение задумывается и смеется.

— Как уместно. Королевские дети, живущие как крысы и истребленные, как они. Иди, — говорит она Фернанду. — Быстро. Возьми столько стражей, сколько нужно. Приведи дофина и принцесс живыми.

Затем она поворачивается ко мне, скалясь в восторге.

— Моя бедная, глупая девочка. Сердце делает человека слабым. Затуманивает разум. Я не собиралась травить простолюдинов. И я бы никогда не убила этого бастарда здесь, в лаборатории, ведь могу сделать это на глазах у всего Парижа и сделать из него пример, — она наклоняется и насмешливо гладит меня по щеке. — Спасибо. Без твоей помощи я бы никогда не справилась с этим. Но теперь, боюсь, ты мне больше не нужна.

Она делает знак своим охранникам, и они падают на меня, их пальцы тянут меня за волосы, их грубые руки оставляют синяки на моей коже. Меня вытаскивают из лаборатории и бросают в темницу.

Судя по диким животным крикам, Йоссе не отстаёт.

24

ЙОССЕ

Смерть была бы лучше этого.

Я заперт в забытом богом подземелье вместе с *ней*, пока Фернанд и армия солдат Теневого Общества штурмуют туннели и захватывают моих сестер. Мои глаза горят при мысли об Анне, Франсуазе и Мари, которые спотыкаются и плачут, выкрикивая мое имя, пока их тащат на казнь. Думают, где я, почему я не пришел их спасти.

Магия Лесажа все еще бьет меня по черепу, как кувалда. Мои конечности такие тяжелые, что кажется, будто кости сделаны из железа. Но я собираюсь с силами, чтобы встать и броситься к решетке.

Зубчатые выступы пронзают мои ладони, но я сжимаю их сильнее — и кровь течет по моим запястьям. Я хочу почувствовать боль. Я заслуживаю страданий.

Мои сестры были моим единственным приоритетом. Не город. Не Мирабель. Ничего больше. И я их подвел.

Я всех подвел.

Ужасный образ шляпы Дегре, летящей по дымному небу, остался в моей памяти. Я вижу хищное зеленое пламя, пожирающее его лицо. Я слышу, как торговцы и фермеры задыхаются и кричат, горят заживо. И я чувствую разочарование отца, нависшее надо мной, как клинок палача.

Сколько призраков может преследовать одного человека?

Я бросаюсь к решетке сильнее — вою, плачу и выкрикиваю ругательства. Я знаю, что это бесполезно, но я должен что-то делать. Нужно бороться, пока я не узнаю, что мои девочки мертвы. Тогда я умру по своей воле.

— Стой! Ты вредишь себе, — умоляет Мирабель из камеры рядом со мной. Она сидела там и смотрела на меня своими влажными черными глазами. Будто ей есть дело. Как будто она не приговорила всю мою семью к смерти.

— Думаешь, меня это волнует? — говорю я с рычанием. — Смотри. Я уже ступил ногой в могилу.

— Я могу помочь. Большинство твоих ран поверхностные. Немного ромашки, чайного дерева и тысячелистника сотворит чудеса с ожогами и синяками. И если мы сбежим, я могу приготовить противоядие от дезинтегратора.

Я отмахиваюсь.

— Мы не сбежим, и я не хочу твое гадкое противоядие. Мне плевать, что будет со мной, если я не могу спасти сестер.

— А если мы можем их спасти?

— Как? — я хмуро смотрю на нее. Я ненавижу себя за то, что доверился ей. За то, что позволил себе переживать за нее.

Она теребит грязную солому.

— Не знаю, — признается она. — Но мы что-нибудь придумаем. И от тебя будет мало толку, если ты превратишь себя в мясной фарш. Я не могу смотреть на тебя...

— Не веди себя так, как будто тебе не все равно.

— Мне не все равно!

— Нет! Если бы ты обо мне переживала, ты бы уберегла их. Если бы ты знала меня, ты бы знала, что я с радостью умру, чтобы защитить их.

— Дело было не только в них, — голос Мирабель затихает, и она закрывает лицо руками. — Откуда мне было знать, что мама блефует? Она совершала такие ужасные вещи. Я просто пыталась...

— Ты приговорила моих сестер к смерти, — слова звучат тяжело. Горькая правда. Я ухожу в дальний конец камеры и падаю на грязную солому. Пахнет навозом и рвотой, и я задыхаюсь, поворачиваясь на бок.

Мирабель подползает ближе, прижимается лицом к решетке.

— Возможно, мы не сможем их спасти, но кто скажет, что Людовик этого не сделал? Он не сгорел. Возможно, он предусмотрительно спрятал их в другом месте.

Мой смех горький и резкий.

— Возможно, твоя мать попросит у меня прощения, освободит меня и назовет королем Франции.

Мирабель хмурится.

— Я серьезно.

— И я тоже! На самом деле, я бы сказал, что мой сценарий более вероятен.

— Почему ты так недооцениваешь Людовика?

— Потому что я его знаю.

— Да? — спрашивает она с нажимом. — Или ты придумал удобную личность для него? У тебя всегда есть козел отпущения?

Я поднимаюсь на локтях.

— Он придумал личность для меня!

— Ты не учитывал, что вы оба могли несправедливо относиться друг к другу? Как долго вы будете держаться за глупую детскую обиду? Если вы двое просто...

— Хватит! — я ударяю кулаком по прутьям, и удар сотрясает меня. Волоски на шее встают дыбом. — Тебе мало, что ты отправила моих сестер на плаху? Тебе нужно еще и быть заодно с Людовиком? Добивать меня на полу? Плюнуть на мой гниющий труп?

— Йоссе, я...

— Нет! Не бросайся извинениями и банальностями и не делай вид, что понимаешь мои детские обиды. Ты не видишь. Тебе плевать. Ты не верная. Спасение тебя из канализации было худшим решением, которое я когда-либо принимал. Если бы я позволил Дегре прикончить тебя, он был бы жив. Мои сестры были бы живы.

Мирабель съеживается. Она обнимает себя и моргает, глядя на меня сквозь слезы.

— Ты искренне веришь в это?

Я не обращаю внимания на крохотную боль в груди, отказываюсь поддаваться ее скорбному лицу и ядовитой логике. Я смотрю на нее с ледяным выражением лица.

— Я не верю в это, я это знаю.

Она сжимает губы, но ее плечи дрожат.

— Тогда я полагаю, что мне больше нечего сказать.

— Видимо, так.

Я отворачиваюсь и смотрю на темницу. Грязное место с низким потолком. Стена напротив увешана цепями, а камни покрыты гадким черным пятном. Мы с Мирабель далеко не единственные заключенные. Каждая камера занята, и там не что иное, как комки кожи, костей и пустые глаза. Мужчина с другой стороны от меня царапает прутья в медленно, повторяя движения, кончики его пальцев кровоточат. А старик напротив меня лежит лицом вверх на земле, плача с именем Жанна. И где-то в конце женщина хихикает, как шут.

Но ни один из них не раздражает так, как Мирабель. Она тихо плачет, кажется, вечность, и звук хуже, чем визг убиваемых свиней. Как гвозди в барабанные перепонки. Она не имеет права так плакать. Вести себя так, будто она умирает от душевной боли, хотя могла это предотвратить. Все, что ей нужно было сделать, это держать язык за зубами и позволить мне умереть. Я стискиваю зубы и зажимаю уши руками, но ее хныканье все еще просачивается сквозь щели. Поэтому я поднимаюсь на ноги и продолжаю корчиться и биться о прутья. Все что угодно, чтобы ее заглушить.

Часы спустя, когда мы оба рухнули на землю и сидим в утомленной тишине, она шепчет:

— Прости, Йоссе. Мне очень жаль.

Я не отвечаю. Этого «прости» мало.

25

МИРАБЕЛЬ

Я то засыпаю, то просыпаюсь. Тонкое платье прилипает к коже, мокрое от пота, слез и всех ужасов, которые плавают в лужах на полу. Мои глаза чешутся, опухшие, голова раскалывается. Может, меня и не пытали, как Йоссе, но я так переполнена горем, что у меня нет сил затащить себя в чашу с неопознанной жижей, которую подвигают в мою камеру. Когда я вижу, как червяки движутся в гнилой пище, у меня пропадает аппетит.

Я закрываю глаза и качаюсь вперед и назад, рыдая, пока во мне не остается ни капли воды. Затем я давлюсь тихими слезами, когда ужасные моменты в лаборатории снова и снова крутятся в голове.

Как я могла так легко поверить?

Я не виню Йоссе в том, что он меня ненавидит.

Я ненавижу себя.

Невозможно сказать, сколько времени прошло. Единственное окно, высоко на стене, не шире моей руки, а тусклый луч света, пробивающийся сквозь тьму, представляет собой вечный оттенок серого. Время от времени я позволяю себе взглянуть на Йоссе, и каждый раз я жалею, что сделала это. Его пятнистая кожа пульсирует болезненным сиянием дезинтегратора, и он настолько слаб, что с трудом удерживается в вертикальном положении, но продолжает бросаться на решетку. Кровь льется из ран на его лице, руках и спине, но тусклый, пустой взгляд его глаз раздирает душу. Как будто он выпил Яд Змеи. Словно спасая его, я нанесла последний смертельный удар.

«Я не хотела предавать твоих сестер», — беззвучно кричу я. Он должен это знать. У меня не было выбора! На карту было поставлено слишком много жизней.

Или я думала, что они поставлены на карту.

Через несколько часов, а может быть, и дней, к нему подходит страж и опрокидывает ведро с водой на спящую фигуру Йоссе. Йоссе вскакивает, задыхаясь и кашляя, а страж смеется.

— Просыпайтесь, просыпайтесь, *высочество*. Ты не можешь пахнуть как свинья на казни, — затем он поворачивается ко мне и обливает мою голову ледяной водой из второго ведра.

Он открывает наши камеры, и служанки матери приносят бруски бергамотового мыла и груды хорошей одежды. Йоссе бьет их по рукам и кричит:

— Зачем беспокоиться? Разве палачу не все равно, как я выгляжу?

Но я знаю причину. По этой же причине мы хотели, чтобы Людовик выглядел презентабельно, спасая урожай. Мать хочет, чтобы люди узнали нас. Она хочет, чтобы они знали, что даже ее дочь или сын короля не могут бросить вызов Теневому Обществу.

Горничные вытирают мое лицо, пока оно не начинает болеть так же, как мое разбитое сердце, и наносят макияж под стать маме, превращая мои глаза во впадины. Затем они втискивают меня в откровенное платье из бледно-лилового атласа, которое, как я подозреваю, будет соответствовать платью Маргариты. Когда они заканчивают, я выгляжу ужаснее, чем когда-либо в канализации.

Ла Ви больше нет. Мирабель мертва. Остается только *La Petite Voisin*.

Страж, который нас «купал», возвращается с несколькими товарищами в масках, и они застегивают кандалы на наших запястьях и лодыжках. Холодный металл вонзается в мою кожу, когда они выводят нас из темницы — сначала Йоссе, потом меня. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он отказывается поднимать глаза от своих нелепых туфель на каблуке. Они белоснежные, с синими лентами — что-то подходящее для Людовика, а не для бастарда с кухни. Весь наряд Йоссе такой же безвкусный и унижительный, как и мой: роскошный парчовый дублет синего цвета с красной тесьмой и миниатюрными пуговицами в виде геральдической лилии на манжетах. Королевский герб вышит золотом по всей его спине.

Его сразу узнают.

На секунду я задаюсь вопросом, не беспокоит ли его публичное признание в смерти больше, чем в жизни.

Когда мы выходим во двор, солнечный свет режет глаза. Я прищуриваюсь, но это все равно, что смотреть в сердце огня. Я почти испытываю облегчение, когда они заталкивают нас в затхлый мрак ожидающего тюремной кареты. Он тоже наряжен по такому случаю — украшен изумрудно-сливовыми шторами и знаменем с двуглавым орлом матери — чтобы мы точно привлекали как можно больше внимания, пока едем по городу.

Стражи толкают меня на скамейку у одной из стен, и Йоссе падает на скамейку напротив. Он по-прежнему не смотрит на меня, хотя наши колени практически соприкасаются. Я выдавливаю кашель, но он продолжает игнорировать меня.

«Ты хочешь отправиться на нашу смерть так? Без слов?».

Прекрасные черные экипажи с матерью, Лесажем и Маргаритой отправляются под звуки труб и фанфар, и наша повозка грохочет за ними. Это пугающе напоминает поездку в Версаль в момент зарождения этого безумия: вот я подпрыгиваю на неровной дороге и смотрю в окно, беспокоясь о том, куда мы направляемся. У меня все сжимается в животе, когда лошади переходят Пон-Нёф и везут нас в дальний конец острова Сите, где двойные шпили Нотр-Дама исчезают в облаках, как лестницы в небеса. Собор хмурится при нашем приближении — изящные аркбутаны опускаются, как брови; окно-роза сжимается, как губы. Как будто чувствует грядущие ужасы.

Мы въезжаем во двор через западные ворота, и наша повозка медленно ползет, пока мы пробираемся сквозь толпу. Злодеи из Общества кишат вокруг нас, как собаки, дерущиеся из-за куска мяса. Куда ни посмотри — бархатные маски и яркие накидки. Они радуются, кричат и стучат по бокам кареты. Призывая к нашей казни.

Я сжимаю скамью и медленно выдыхаю, но стены давят на меня. Крики становятся громче. Я не могу поднять руки, чтобы закрыть уши, поэтому складываюсь пополам и зарываюсь лицом в юбку. Когда мы с грохотом останавливаемся, я совершаю ошибку, поднимая взгляд. Под архивольтом собора находится наспех построенный эшафот с котлом измененного Яда Змеи. Мои руки начинают дрожать. Я не могу отвести глаз от коварных завитков сапфирового дыма, поднимающихся в воздух.

«По крайней мере, это будет быстро», — говорю я себе. Но это плохо утешает, когда я представляю, как Йоссе, Анна и Франсуаза кричат и извиваются, как стражник в подземелье. Рвота поднимается по горлу, и меня тошнит на пол, я чуть не попадаю на обувь Йоссе. Он ругается и отодвигается.

Ему должно быть противно.

Я виновата во всем. Я сказала маме, где скрываются члены королевской семьи. Я изобрела противоядие от Яда Змеи, вызвав эту дьявольскую новую смесь. Это была моя идея — посыпать посеы огнестрельным порошком. Из-за меня Лесаж может владеть дезинтегратором и призывать дымовых зверей, и я настолько глупа, что не нашла способ контролировать магию.

Я запрокидываю голову и смотрю в потолок, беззвучно крича на отца за обещание стать великим алхимиком, хотя мои таланты принесли больше боли и страданий, чем облегчения.

Двери распахиваются, но вместо стражей из Теневого Общества за нами пришла моя сестра. Короткий миг мое сердце бьется с надеждой. Она послушалась меня, когда мы были вне лаборатории. Она мне поможет.

Но затем ее губы изгибаются в ухмылке, пока она смотрит на мое платье. Как и предполагалось, оно совпадает с ее. Она хватается за наши цепи с недовольным фырканьем.

— И снова ты все испортила. Я должна терпеть позор, ведь предательница в таком же платье. Я должна водить тебя, как няня, а не стоять рядом с мамой, где мое место, — она дергает за цепь, и я чуть не вываливаюсь из кареты лицом вперед. — Не отставай.

— Подожди, Марго. Пожалуйста, — я хватаю ее за руку, но она вырывается и плюет на мое платье.

— Не трогай меня.

— Прошу, — умоляю я, голос едва слышен. — Подумай о ночах, которые мы провели в шкафу, держась за руки...

— Ни слова больше! — она отворачивается и ведет нас по ступеням эшафота.

Я чувствую, как Йоссе наблюдает за нашим обменом мнениями, и на короткую секунду я вижу проблеск сочувствия на его лице. Но когда я оглядываюсь, он исправляет выражение лица и смотрит в сторону.

Когда мы оказываемся возле котла, мать выходит из кареты, машет своим шумным последователям и сияет самой сладкой улыбкой. Лесаж проводит ее через толпу, которая стала такой густой, что выливается из двора на окрестные улицы. Есть сторонники Общества и не только. Все пришли посмотреть на суматоху. Я прищуриваюсь в море лиц, надеясь заметить вызывающий хмурый взгляд Амелины или зубастую ухмылку Гаврила, но Ла Трианон и Аббат Гибур — единственные знакомые лица рядом с платформой. За ними люди смешиваются, как травы в котле. Даже если наши старые союзники присутствуют, у них нет причин снова нам помогать. Не тогда, когда они так много потеряли.

— Готовы ли мы устроить торжество? — спрашивает мама у Лесажа с натянутой улыбкой, когда они занимают свои места рядом с нами.

— Фернанд должен прибыть с королевской семьей в любой момент, — уверяет он ее.

Глаза матери сверкают от раздражения.

— Так сложно задержать несколько маленьких девочек и неумелого дофина?

Лесаж успокаивающе кладет руку ей на плечо.

— Бастард и твоя дочь готовы. Начнем с них?

— Очень хорошо, — мать бросает испепеляющий взгляд на меня и Йоссе, затем поворачивается, чтобы обратиться к толпе, ее лицо источает внезапную теплоту. — Люди добрые! — кричит она самым завораживающим голосом. — С момента основания Теневого Общества мы служили вам, гражданам Парижа! Мы больше всего хотим, чтобы вы были сыты, хорошо одеты и процветали — в отличие от распутных и корыстных королей, которые были раньше. Но нашей великой цели помешали эти жестокие повстанцы, — она указывает на нас, — которые лишили нас мира и разрушили наш город, пытаясь натравить нас друг на друга. Члены королевской семьи, которые хотят, чтобы все стало так, как было раньше. Которые хотят держать вас подавленными и смотреть, как вы страдаете.

Люди на площади поднимают кулаки и согласно кричат. Но я рада тому, что многие и защищают нас.

— Ла Ви не дает нам голодать тоником от голода, — кричит девочка в первых рядах.

— Мы были на грани смерти, но она дала настой от лихорадки, — звучит низкий голос из центра толпы.

Мама машет руками, чтобы утихомирить их.

— Теневое Общество обеспечит вас этим. Мы делали бы это и больше, если бы нам не мешало постоянно восстание. Как только мы от них избавимся, мы станем едины, как город, и все наше время и ресурсы будут направлены на заботу о жителях. Вам не нужна эта Ла Ви, — она едко произносит мое новое имя, — или ее жалкое восстание.

Добрая половина наших защитников замолкает. Остальные шепчутся. Холодные пальцы паники скользят по моей спине. Несколько слов хитроумной лжи матери сводит на нет достигнутые за несколько недель успехи. Все, за что мы боролись — будущее, за которой погибли Дегре, Этьен и многие другие. Я беспомощно смотрю на Йоссе, но, конечно, он не смотрит на меня. Его плечи опущены, а волосы скрывают глаза. Его кожа имеет ужасный

зеленоватый оттенок, а лицо блестит от пота. Он выглядит побежденным. Если бы я была в толпе, я бы тоже отказалась от нашего дела.

Ужас, вызывающий онемение и покалывание, охватывает мои конечности. Если я не буду действовать быстро, то же отчаяние поглотит меня и утащит на эшафот. Я сжимаю кулаки и бросаюсь вперед, борясь с цепями.

— Ложь! — кричу я. — Не верь ее лжи! В тот момент, когда Теневое Общество пришло к власти, они покинули вас! Они никогда не выполняют этих красивых обещаний, потому что восстания никогда не прекратятся. Даже если мы погибнем, другие восстанут. Мы ваши настоящие защитники, и у нас есть план, чтобы...

— Молчать! — кричит мать. Ее стражи тянут за мои цепи, и я падаю на платформу. Мое лицо врезается в доски, из носа льется кровь, наполняя рот вкусом соли и ржавчины. Но моя вспышка сделала свое дело. Народ снова шумит, как кипящий котел.

— Эти безнадежные повстанцы — не ваши союзники, — спокойно говорит мать. — Как вы думаете, кто несет ответственность за уничтожение посевов? Мы поймали их на полях с ядовитым порошком, они портили вашу пищу, чтобы затем «спасти» вас и заручиться вашей поддержкой. Мы стерли поля с лица земли, чтобы защитить вас. А Теневое Общество распределит королевские запасы зерна, чтобы восполнить нехватку, вызванную этим чудовищным поступком.

Толпа снова меняется, словно ветер. Тысяча голосов кричит. Громче, быстрее и яростнее, а потом они бросаются к эшафоту. Наспех собранные доски дрожат под моими ногами, я смотрю на маму, раскрыв рот, стараясь не упасть.

Она гладит руками золотого орла на своем безупречном плаще, одаривает меня злорадной улыбкой. Она получила все, что хотела. Она уничтожила посевы и нашла способ использовать это в свою пользу.

— Хочешь еще что-нибудь добавить, доченька? — она насмехается.

Потому что она знает, что ничего не поделает.

Она все продумала.

Рев толпы оглушает, гремит сильнее, чем огромные колокола собора. Что может означать только одно.

— Наконец, — Лесаж указывает через площадь туда, где появляется Фернанд в плаще и маске, таща за собой четыре неуклюжих фигуры. Йоссе стонет, и мое сердце сжимается в груди, как тряпка для мытья посуды. Фернанд ныряет в толпу, и я вздрагиваю, когда Грис появляется позади королевской семьи, подталкивая их. Он уже дал понять, где находится, так что это не должно вызывать удивления. Но то, как он ведет сестер Йоссе к эшафоту, разбивает последний осколок моего сердца.

Я бросаюсь вперед, бьюсь о цепи. Я вою, дрожу и кричу. Борюсь до последнего. Пока во мне ничего не останется. Я падаю на доски и смотрю на котел Яда Змеи, желая, чтобы у меня хватало сил вырваться на свободу и броситься в его глубины.

Я заставляю себя поднять взгляд.

Я не хочу смотреть, как девочки идут к своей смерти, но я могу держать подбородок высоко, выдавливать улыбку и делать вид, что у меня есть план, если они от этого будут немного меньше бояться. Если это сделает их последние мгновения чуть терпимее.

Фернанд и Грис прорываются сквозь толпу, словно муравьи, исчезают и снова появляются в бурном море масок и плащей. Каждый шаг кажется ужасно долгим, каждая секунда — жизнью. Я не могу вспомнить, когда в последний раз дышал. Я понимаю, что заключенные в грязных туниках и бриджах, а не в юбках, только на середине площади и когда Ла Вуазен задыхается. Вместо светлых голов Мари и Людовика и темных волос Анны и Франсуазы у одного волосы черные, как уголь, а у другого — белокурые. У первого заключенного волосы как солома, и он широко улыбается мне, когда они достигают основания платформы.

— Ты удивлен нам, — говорит Гаврил. — Хотя не так, как она, — он смеется над Ла Вуазен, и Фернанд дергает за веревку, заставляя Гаврила рухнуть на ступеньки эшафота.

Я моргаю, и мой рот открывается. В моей голове крутятся тысячи вопросов, но мой язык разучился составлять слова.

— Члены королевской семьи так и не вернулись в канализацию, — говорит Гаврил, невинно пожимая плечами. — Не знаю, где они могут быть.

Я не хочу быть бессердечным — я не хотел бы видеть наших маленьких союзников, скованных здесь, рядом со мной, — но я так рад, что девочки в безопасности, что падаю на колени.

Я умру, зная, что они живы — что у них еще есть шанс.

Я смотрю на Мирабель. Я не хочу этого, но мои глаза ищут ее. Она запрокидывает голову и радостно кричит.

Я хватаюсь за живот, наполовину смеясь, наполовину плача.

— Прекратите это! — кричит Маргарита нам.

— Вставай! — один из стражей бьет меня сапогом по бедру. Но боль не ощущается. Я покидаю тело от радости.

Мы с Мирабель продолжаем праздновать, в то время как Ла Вуазен и Лесаж выдавливают улыбки и пытаются вести себя так, будто это событие было ожидаемым. Но между сжатыми пальцами Лесажа прыгают искры, и Ла Вуазен буквально дрожит от ярости. Она сжимает кулаком плащ Фернанда и тянет его, и это может напоминать объятия людям внизу. Очень сильное объятие.

— Где они? — спрашивает она.

Фернанд бормочет что-то невнятное.

— Где. Они? — голос Ла Вуазен — убийственный шепот.

Грис отталкивает Фернанда локтем, преувеличенно взмахивает рукой и улыбается толпе, словно борется за свою долю благосклонности. Пока они вопят, он опускает голову и бормочет:

— Если бы мы знали их местонахождение, они были бы здесь. Эти маленькие негодяи устроили засаду.

— Дофин сказал, что канализация наверняка будет заполнена тараканами Общества, — вставляет Гаврил, — поэтому он поместил нас в туннели, чтобы истребить их. Что, я бы сказал, у нас получилось неплохо, — он злобно улыбается Грису и Фернанду, и именно тогда я замечаю, что кровь размазана по всему лицу Гриса, и ужасные брызги попали на его плащ. Фернанд тоже весь в крови, но его трудно разглядеть под его маской и черным костюмом. — Потребовалось двое и еще шестеро менее удачливых стражей, чтобы задержать только нас четверых, — хвастается черноволосый сирота.

Мои брови поднимаются так высоко и быстро, что практически спрыгивают с моего лица. Не потому, что сироты убили так много охранников — я видел, как они убивали гораздо хуже, — а потому, что Людовик организовал засаду. Он увел наших сестер и устроил так, чтобы на их месте ждали сироты.

Мирабель бросает на меня укоряющий взгляд, и я даже не могу притвориться раздраженным. Я бросился бы к ногам брата, целовал бы его пальцы с кольцами и даже припудрил бы его накрашенный парик.

Он спас моих девочек.

— Невероятно! — голос Ла Вуазен становится выше.

Лесаж бросается вперед и кладет ей уверенную руку на плечо.

— Здесь много глаз, любовь моя, — говорит он сквозь зубы. — Члены королевской семьи не могут уйти далеко, но я предлагаю нам разобраться с повстанцами, уже находящимися в нашем распоряжении, иначе будет бунт.

Как по команде, кто-то кидает на сцену репу. Крики удваиваются. Люди пришли за кровью, и, в отличие от Ла-Вуазен, им все равно, чья пролита, до тех пор, пока кто-то платит за уничтоженный урожай.

— Действуйте так, будто все идет по плану; у людей не будет причин думать иначе, — продолжает Лесаж. Грис и Фернанд тащат Гаврила и трех его товарищей на место рядом с нами. Сироты упираются и кричат, как упрямые ослы, пока Лесаж не поднимает потрескивающую руку. Все четверо вздрагивают, а один скулит, напоминая мне, насколько они юны. Мое сердце сжимается в груди; им не следует приносить такие жертвы. Я могу быть готов умереть за своих братьев и сестер, но я бы никогда не попросил их сделать то же самое.

Когда мы все выстраиваемся перед котлом Яда Змеи, Ла Вуазен делает глубокий вдох и возвращается к передней части платформы, чтобы обратиться к толпе.

— Вы хотите, чтобы их наказали? — кричит она.

Громогласный рев одобрения. Интересно, слышат ли Анна и Франсуаза, где бы они ни прятались?

«Не беспокойтесь обо мне, — хочу им сказать я. — Просто живите. Живите и будьте здоровы».

Я запрокидываю голову и смотрю на невыносимо веселое небо — облака белые и воздушные, как сахарная вата; теплый ветерок танцует в моих волосах. Я выдыхаю, будто задерживал дыхание всю жизнь, и с его помощью изгоняю каждый кусочек негодования, разочарования и несоответствия, пока я не очищусь — но я не опустошен. Я позволяю лучшим моментам и самым сладким воспоминаниям заполнить только что очищенные пространства: морщинистая ухмылка Ризенды и ощущение ее старых, иссохших рук, сжимающих мои щеки; эхо головокружительного смеха моих сестер и их маленькие руки, обвивающие мою шею; хитрая улыбка Дегре, скрытая под диковинным образом; и, наконец, опьяняющий запах шалфея и дыма Мирабель и ощущение ее мозолистых пальцев, скользящих между моими.

Я очень хочу дотянуться до этих пальцев, но холодные кандалы врезаются мне в запястья.

Придется ограничиться взглядом.

Я поворачиваюсь к Мирабель, она уже смотрит на меня, ее тёмные глаза горят бесстрашной решимостью. Она что-то говорит, но это подавляет оглушительный шум.

В любом случае слова излишни.

Я улыбаюсь и придвигаюсь чуть ближе, не сводя с нее взгляда. И она знает.

Что мне очень жаль.

Что я ее прощаю.

Что нет никого, с кем я бы предпочел стоять — ни при жизни, ни в смерти.

Шесть стражников поднимаются на платформу, собирают склянки с ядом Змеи и встают перед Мирабель, мной и сиротами. Они держат искрящуюся синюю жидкость в воздухе, чтобы публика могла ее увидеть.

Гаврил и его друзья кричат на стражей и корчат рожи. Мы на расстоянии глотка от смерти, но у них нет ни капли раскаяния или страха.

Я расправляю плечи и смотрю на бушующую толпу, надеясь, что выгляжу наполовину таким же храбрым и вызывающим. Но когда Ла Вуазен поднимает руки, чтобы успокоить толпу, мне приходится крепко сжимать кулаки, чтобы скрыть дрожь.

— Пусть это будет предупреждением для любых других повстанцев, которые пытаются разрушить мир и поставить под угрозу добрых людей этого города, — кричит она. — Это будет ваш конец.

Ее рука движется вниз по быстрой дуге, как топор, и стражники опускают яд к нашим губам. Я делаю последний прерывистый вдох, когда теплые завитки пара щекочут мой нос. Затем напрягаю каждую мышцу. Жду, пока яд намочит мои губы. Жду, когда он начнет скручивать и царапать мои внутренности.

С платформы раздается жуткий крик.

Я полагаю, это либо Мирабель, либо одна из сирот — их страж протянул яд быстрее, и я прислоняюсь к собственному флакону, не желая быть последним. Не желая смотреть, как они страдают. Но крик раздается снова, и в углу моего зрения мелькает сине-зеленая вспышка. Молния врезается в центр толпы, и внезапно вся толпа кричит. Толкается. Бежит.

Мой страж поворачивается, и пузырек яда разбивается об эшафот с шипением.

Я смотрю направо, на ряд заключенных, и мы все стоим. Все смотрят на Лесажа, который падает на колени и выпускает очередную блуждающую стрелу дезинтегратора. Она врезается в резные фигуры Святой Анны на фасаде Собора Парижской Богоматери, и, когда дым рассеивается, я в ошеломленном замешательстве наблюдаю, как Фернанд вытаскивает

окровавленный кинжал из спины колдуна.

Крик Маргариты такой громкий и пронзительный, что мне кажется, будто осколки стекла пронзают мои уши.

Лесаж падает вперед и кашляет брызгами крови. Он поднимает дрожащую руку, и потоки цветного дыма взрываются над головой, превращаясь в зубы, чешую и когти.

С яростным воем Ла Вуазен бросается к Лесажу. Грис наблюдает за ее приближением дикими и лихорадочными глазами. Прямо перед тем, как она достигает колдуна, он делает выпад. Его плечо врезается в живот Ла Вуазен, и они падают на платформу, кувыркаясь.

Стражи бросают нас и бегут к Ла Вуазен и Лесажу. Гаврил и сироты кричат, как черти, и бросаются в погоню. Как будто они этого ожидали. Они туго натягивают веревки между собой, которыми запутывают стражей и ставят им подножки.

«Уходи! Скорее!» — кричит мой разум, но, в отличие от сирот, я скован кандалами за запястья и лодыжки, и я все еще не понимаю, что вижу. Я смотрю на Мирабель, она в таком же шоке смотрит на меня.

Из-за угла Отель-Дьё поток работников и герцогов, торговцев рыбой и виконтов врывается на площадь во главе с Амелиной и маркизом де Сессаком. Они пробираются сквозь буйную толпу и прокладывают себе путь к эшафоту, выглядя как ангелы, потому что, кажется, они светятся.

Нет, блестят.

Из последних сил, Лесаж стреляет в них каскадом дезинтеграторов, но они все равно продвигаются вперед. Нетронутые. Не горят.

— Невозможно! — он задыхается.

Я смеюсь, потому что это, безусловно, возможно. Они покрыты порошком, который мы приготовили для посевов, и они подбрасывают его в воздух, пробиваясь сквозь толпу, покрывая как можно больше.

На платформе Ла Вуазен воем, Грис вырывает что-то из ее ладони и бросает Фернанду. Затем Грис перекачивается к передней части платформы за секунды до того, как гигантский черный дымовой зверь выдыхает поток огня именно туда, где он стоял. Фернанд перепрыгивает через Лесажа и мчится к нам. Маргарита пытается перехватить его, но он бьет ее по голове прикладом своего кинжала, а затем бросает его в грудь наступающему стражу. Не замедляясь, он размахивает мечом и вращается, чтобы парировать удар другого нападавшего.

Волосы колышутся у меня на шее, и мой рот открывается. Есть что-то странно знакомое в его движениях. То, как он делает выпады и уклонения, словно его несут на крыльях. Я знаю только одного человека, который сражается с такой грацией. Один человек, достаточно маленький и достаточно стройный, чтобы сойти за наемника. Когда меч стражника задевает маску Фернанда и срывает ее с его лица, я не удивляюсь, увидев, что это вовсе не Фернанд.

Людовик вонзает меч в живот стражнику, сбивает его с ног и останавливается перед нами. Сначала он отпускает Мирабель, затем подходит ко мне, поднимая взгляд и вставляя ключ в мои наручники.

— Тебе есть, что сказать мне, брат?

Я бессвязно лепечу, все еще не веря, что он здесь. Спасает меня. Это так абсурдно, что я смеюсь, когда с меня падают железные наручники.

— Я не вижу в этом ничего смешного, — огрызается он.

— Где девочки? — наконец-то говорю я.

— С Мари, в безопасности в замке маркиза де Сессака.

— Хорошо.

Людовик приподнимает светлую бровь.

— Ты хочешь сказать что-нибудь еще?

— Честно? Ты хочешь, чтобы я пресмыкался сейчас? — я указываю рукой на жуткую толпу.

Людовик скрещивает руки.

— Ладно. Спасибо, — я могу быть милостивым. Могу признать, что он мне был нужен — в этот раз. — Что же нам теперь делать?

— Пригнитесь! — кричит Мирабель. Мы падаем на доски, когти и огонь розового монстра проносятся над нами. Спина моей туники шипит, и я поворачиваюсь, чтобы потушить искры.

Людовик проводит рукавом по потному лицу и говорит, шумно дыша:

— Предлагаю тебе разобраться с монстрами. Или этим, — он указывает через платформу на вишнево-изумрудные накидки, окружающие Ла Вуазен. Она медленно поднимается от безжизненного тела Лесажа, крича и указывая в нашу сторону. — Я помогу Амелине и повстанцам добраться до платформы. Держите Ла Вуазен и ее охранников подальше до тех пор, — он вынимает кинжал из сапога, бросает его мне и идет к краю досок.

Толпа внизу вздымается огромным бурлящим водоворотом. А сверху монстры кружатся и носятся, выдыхая потоки огня и ревя от ярости, когда не попадают.

Людовик вдыхает. Прежде чем он прыгнет, я спотыкаюсь и хватаю его за плечо.

— Будь осторожен, — говорю я.

Он замирает, смотрит на мою руку и медленно возвращает жест. Ни один из нас не отшатывается. Я смотрю на его вспотевшее, залитое кровью лицо, и в моей груди возникает ощущение жжения. Чувство сродни гордости. Или уважению.

— Спасибо, брат, — я сжимаю его ладонь.

— Сейчас не время унижаться, Йоссе, — крошечная улыбка изгибает его губы, и прежде чем я могу придумать ответ, он издает боевой клич и ныряет в хаос.

Мы с Мирабель наблюдаем, как он исчезает в искрящейся дымке. Затем я беру ее за руку, и мы вместе поворачиваемся к ее матери.

27

МИРАБЕЛЬ

Дым монстров такой густой, что укутывает собор, скрывает все, кроме верхушек башен-близнецов. Мои глаза слезятся, легкие пылают, но мама словно радуется огню и жару. Она бросается сквозь дымку, крича мое имя. Не меньше десяти стражей из Общества окружают ее плотной стеной, еще десять поднимаются на эшафот. Я инстинктивно отступаю, но мои пятки свешиваются с края платформы.

«Мерде».

Йоссе сжимает мои пальцы.

— У тебя в платье не спрятан меч?

Я издаю смешок. Он должен звучать потрясенно, но звучит громко и с дрожью.

— Жаль. Ты всегда так подготовлена к использованию противоядий и лечебных средств, и Бог знает, что еще ты хранишь там, — он указывает на мое яркое пурпурное

платье и улыбается. Я хочу поцеловать его за эту улыбку, за попытку снять напряжение с его черным юмором. — Ничего. Мы что-нибудь придумаем.

К сожалению, время для размышлений прошло.

Стражи матери устремляются к нам со всей свирепостью дымовых тварей Лесажа: их маски тянутся в стороны от лиц, как рога, их зубы скрежещут. Йоссе смотрит мне в глаза, и мы поворачиваемся, чтобы спрыгнуть с платформы, но внизу ждет еще одна группа стражников. Кончики их мечей торчат из дыма, как ростки из серой зимней земли.

Нам некуда идти. Нечем защищаться, кроме одного кинжала.

Страх сжимает мою грудь, когда мы разворачиваемся. Стражи приближаются. Йоссе подвигает меня за себя, и мое сердце переполняется нежностью, а затем разрывается на миллион зазубренных осколков. Он слаб от пыток Лесажа, его дыхание прерывается, и он с трудом стоит на ногах, но все же бросается вперед и рубит своим крошечным клинком.

— Назад!

Стражники со зловещим смехом бросаются в атаку. Один выбивает кинжал из руки Йоссе, а другой сбивает его с ног. Как только он падает на платформу, остальные стражники спускаются, как стая шакалов, терзающих, рвущихся и голодных.

Они собираются убить его.

Во мне загорается ярость. Меня толкает ужас. Я бросаюсь на полчища стражников, но кто-то другой настигает их первым. С другой стороны платформы Гаврил и его небольшая группа сирот бросают кинжалы и размахивают мечами, которые, должно быть, украли у мертвых. Я торжественно кричу, но прежде чем я успеваю присоединиться к ним, яростные пальцы впиваются мне в бока и тянут. Я кричу и пинаюсь, пока меня тащат по платформе и бросают к ногам матери.

— Разберитесь с этим, — говорит она своим охранникам, показывая на Йоссе и сирот. — Я хочу поговорить наедине со своей дочерью, — меня охватывает дрожь, потому что я почти уверена, что ее слова закончатся тем, что я останусь мертвой на этих досках. — Ты довольна? — рявкает она на меня. — Лесаж мертв, город горит, а люди, которым мы поклялись служить, страдают.

Я поднимаюсь на локтях и смотрю в ее холодные темные глаза.

— Я рада, что все могут увидеть, какой ты монстр.

— Я — не монстр. Это делаешь ты, Мирабель!

— Не я убила королевский двор в Версале и уничтожила полицию Парижа. Не я отравила своих бывших союзников и всех аристократов, которые посмели выступить против Теневого Общества. Я не пыталась истребить торговцев рыбой или стереть поля, чтобы заставить людей слушаться.

Мама шагает ближе.

— Мне не нужно было бы идти на такие меры, если бы ты не обратила людей против меня. Порядок был почти восстановлен.

Я отклоняю голову и смеюсь.

— Восстания не прекратятся. Ты не можешь бросить половину королевства ради остальных. Это была глупость Короля-Солнце, но это и твоя ошибка. Ты презирала его, но совершила ту же ошибку.

Мама бьет меня по лицу. Отпечаток ее ладони болит на моей щеке, но я радуюсь боли. Я упиваюсь ею, смеюсь, и мама уже готова лопнуть.

— Хватит!

— Восстановить порядок можно, только объединив людей.

Теперь смеется мама.

— Аристократы никогда не объединятся с обычными людьми.

— Разве? — я указываю на толпу, где Людовик, Амелина и маркиз де Сессак вместе с аристократами, торговцами рыбой и прочими бьются с ее Теневым Обществом, приближаясь к эшафоту. — Мне они кажутся едиными.

С яростным рычанием мать лезет в плащ с золотым орлом и извлекает кинжал длиной с предплечье. Сталь блестит, когда она поправляет хватку, отражая огонь в толпе. Огонь в ее глазах. Быстрее, чем я когда-либо видела от нее, она бьет меня по лицу. Лезвие со свистом летит ко мне. Я отклоняюсь влево, но в щеке вспыхивает жгучая боль. Когда я подношу пальцы к уху, они становятся горячими и влажными.

— Ты разрушаешь все, над чем я работала, — скалится она, когда я отползаю подальше. — Все хорошее, что сделало Теневое Общество. Ты такая же, как твой отец. Мешаешь и всегда недовольна. Безрассудная и лживая.

— Это лучший комплимент, который ты мне когда-либо делала, — выдыхаю я.

Со злобным криком она бросает кинжал мне в грудь. Он крутится, летит быстрее, чем молния Лесажа. Я сжимаю кулаки. Закрываю глаза. Готовлюсь к приступу боли. Но грубые руки бьют меня по плечу, и мир наклоняется. Моя голова ударяется о доски, и в ушах раздается пронзительный звон. Но все же я слышу это — мокрый стук металла, пронзающего плоть. Резкий вдох.

Я вскакиваю, Грис падает на колени, одна рука падает на мое платье, а другая поднята в сторону матери. Кинжал, предназначенный для меня, торчит из его груди. Он смотрит на нее, потом на меня, его глаза широко распахнутые и онемевшие.

— Грис! — кричу я, когда он падает, дрожа. Кровь течет из раны, пропитывая его тунику и смачивая мое платье. Я сжимаю его руку, как будто могу втиснуть в него свои силы. — Все будет хорошо, — яростно говорю я. Но румянец уже сходит с его щек.

«Нет, нет, нет».

Несмотря на то, что он сделал, он все еще мой брат. Мой лучший друг. Он спас нас в конце.

Я безумно пытаюсь зажать поток крови юбкой, пытаюсь вернуть кровь в его грудь. Он не может умереть. Не так. Когда мои последние слова ему были такими уродливыми. Я прижимаю ладони вокруг кинжала в груди, но алое пятно растет быстрее. Кровь густая, почти черная.

— Хватит, — хрипит он. — Ничего не сделать.

— Не говори так. Я верну тебя в лабораторию и...

Он слабо сжимает мои пальцы.

— Прости, Мира, — его лицо белое, резкий контраст с красным пятном, стекающим с его губ. Его глаза цвета корицы блуждают, ища меня сквозь боль. — Мне очень жаль.

— Тише, — я убираю волосы с его глаз. Слезы текут по моему подбородку и падают на его лицо, но он, кажется, этого не замечает. Он тянется вверх, и его пальцы скользят по моей щеке. Уже холодные. Я кладу свою руку на его и наклоняюсь к его ладони — большой и сильной, покрытой множеством знакомых мозолей.

— Ты была права, не сказав мне, — он кашляет кровью между каждым словом. — Я должен был выбрать тебя раньше.

— Шш, — я целую внутреннюю часть его ладони, плача так сильно, что едва могу

сформулировать слова. — Ты выбрал идеальное время. Ты спас меня. Уже дважды.

Его лицо озаряет легкая улыбка. Его последняя кривая улыбка. Он берет меня за руку и прижимает пальцы к своим дрожащим губам.

— Кинжал.

Я качаю головой. У меня недостаточно сил, чтобы вытащить его. Грис фыркает, из последних сил направляет мою руку к своему бедру. К его кинжалу. И произносит слово одними губами: «Отравлен».

Мой рот открывается, и его глаза наполняются облегчением. Он глубоко вдыхает, а затем замирает навсегда. Тяжелый и ушедший. Моя грудь раскалывается по центру, и мое разорванное сердце вываливается, оставляя меня зияющей, задыхающейся и пустой. Я складываюсь пополам и опускаю голову Грису на живот, моя щека залита кровью и слезами.

— Еще смерть на твоей совести, — бормочет мама. Я забыла, что она была там, смотрела. — Может, это к лучшему. Возможно, его смерть научит тебя последствиям неповиновения мне, ведь уничтожение половины города это не сделало.

— Как ты можешь быть такой бессердечной? — кричу я, крепко обнимая Грису. — Он был нашей семьей. Все, что он когда-либо хотел, — это твое одобрение.

— Он определенно этого не заслужил.

— Нет. Ты никогда его не заслуживала, — ярость разрушает меня изнутри, и у колодца моей ярости нет дна. Затем ненависть снова наполняет меня, направляя свою жирную черноту по моим венам. Одним плавным движением я вытаскиваю кинжал Грису из ножен и бросаюсь к матери. Она отпрыгивает, спотыкаясь о свой церемониальный плащ, раскрывает рот, как будто я бешеный зверь. Может быть, так и есть — тихое рычание, срывающееся с моих губ, больше похоже на звериное, чем на человеческое.

Я врезаюсь в нее, и мы катимся по доскам. Она царапает мое лицо и брыкается подо мной, но я намного сильнее после многих лет работы с котлами. Я давлю ей на плечи и подношу кинжал к ее горлу. В последний момент она откидывается в сторону, и лезвие едва ранит ее руку, чуть ниже плеча.

Благодаря Грису — блестящему, верному Грису, который все продумал, — все, что нужно, — это царапина.

Я отклоняюсь, тяжело дыша. Мать поднимается на четвереньки с ухмылкой на губах. Думает, что я промазала. Она подбирается ближе, и я позволяю ей. Через несколько шагов ее локоть подворачивается. Прежде чем она доходит до края моей юбки, ее руки полностью перестают слушаться.

Она втягивает воздух и с ужасом смотрит на тонкую полоску крови на платье.

— Что ты наделала?

Прежде чем я успеваю ответить, яростный, дрожащий кашель заставляет ее упасть. Густая белая пена кипит на ее губах, и ее глаза закатываются. Она в припадке, ее бешено трясет, и я не могу сказать, смеюсь я или плачу. Я хотела быть лучше мамы. Я хотела победить ее, отдав жизнь, а не забрав ее, но она дала понять, что никогда не остановится. Она убьет нищих, торговцев рыбой и сирот. Всех, кого я полюбила. Все хорошо.

— Как ты могла?

Я смотрю на перепуганную сестру. Маргарита держится рукой за голову, ее глаз уже опух от удара Людовика, другая ладонь прижата к дрожащим губам.

— Как ты могла? — повторяет она так тихо, что звук теряется в реве дымовых монстров и звоне мечей. С воплем она падает на колени и подползает к матери. Она нежно толкает ее

в плечо. Она проводит пальцами по лицу матери — шепчет, плачет, умоляя ее встать. Оплакивает ее, как только что я оплакивала Грису.

Я никогда не чувствовала себя такой одинокой. Такой обособленной.

«Кричи на меня, — мысленно умоляю я, пока смотрю. — Напади на меня. Бушуй и дерись!» — это было бы проще, чем смотреть, как она цепляется за холодные безвольные руки матери.

Глаза горят, горло заполняет неприятная густота. Я должна отвести взгляд.

— Поздравляю, ты выиграла, — говорит Маргарита. — Убей меня, и покончим с этим.

— Я не хочу убивать тебя, Марго.

— Но тебе стоит это сделать. У меня ничего не осталось. Ты убила нашу мать. И Лесажа. А где Фернанд? — всхлип вырывается из ее горла. — Положи конец моим страданиям. Или оставь меня здесь, и пусть монстры сожрут меня, — она ложится рядом с матерью лицом к небу.

Рев сотрясает платформу, и длинный змееподобный зверь летит над сценой, словно вызванный поражением Марго. Не задумываясь, я кидаюсь на сестру, прижимаю ее к груди и откатываюсь от стены огня, пожирающей доски.

— Отпусти меня! — она дает мне пощечину. — Это не имеет значения. Мы все умрем.

— Нет. Смотри! — я указываю на Людовика и повстанцев, они поднимаются по ступеням эшафота. Дымовой зверь кружится и пикирует, чтобы выдохнуть его огонь, но повстанцы пригибают головы и пробиваются сквозь ад. Они появляются совершенно невредимыми, их кожа сияет, как бриллианты. — Я дистиллировала одно из отцовских соединений. Оно не пропускает...

Мое объяснение заглушается яростным рычанием розового змея. Он воеет на площади, и в ответ рычит полуночно-черное существо. Вместе они бросаются на повстанцев, вытянув свои острые когти. Людовик и Амелина падают на животы, но не все успевают. Маркиз де Сессак и неудачливый торговец рыбой раздавлены когтями зверя, подняты высоко над двором и разорваны на куски.

Я кричу в тыльную сторону ладони, когда кровь и плоть падают с дымного неба.

— Твой драгоценный порошок не защитит нас от этого, — голос Маргариты ровный и вялый.

Я вздрагиваю, когда правда ее слов просачивается в меня.

Лесаж мертв. Но звери все еще живы. Из-за меня. Потому что я не могу контролировать свою часть его магии.

Я прижимаюсь щекой к земле и кричу от разочарования.

Случилось невозможное. Мать и Лесаж мертвы. Людовик поднялся из канализации, и повстанцы сплотились за ним. Они даже решили создать еще порошка от огня. Но этого все равно мало.

Звери Лесажа убьют нас. Как я и опасалась.

У меня не было иллюзий, что я смогу одолеть дюжину стражей Общества одним кинжалом, но я надеялся хотя бы устроить достойный бой перед Мирабель — умереть с клочком чести и дать ей несколько дополнительных минут. Но руки у меня медленные и трясутся. Мои ноги дрожат и волочатся. Дезинтегратор Лесажа так потрепал мое тело, что стражи обезоружили меня одним ударом. Кинжал Людовика крутится на платформе. Костяшки врезаются мне в челюсть, и кто-то хватает меня за ноги, прежде чем я успеваю даже подумать о том, чтобы поднять руки, чтобы защитить себя.

Когда я падаю на доски, я слышу, как Дегре стонет от сожаления из могилы.

Удары обрушиваются мне на лицо и ребра. Лезвие ножа задевает мой бок. Я неуклюже брыкаюсь, но стражи бьют все быстрее и сильнее. Лучшее, что я могу сделать, это свернуться в клубок и молиться, чтобы бой быстро закончился.

Бой заканчивается. И не потому, что я умер.

Сначала мне кажется, что кто-то выпустил стаю диких собак с пронзительным тьяканием и рычанием, и судя по крикам стражей. Но когда я открываю глаза, грязное лицо Гаврила нависает над моим.

— Не лучший бой для тебя, высочество, — говорит он, дерзко подмигивая. Он вытаскивает кинжал из-за пояса и протягивает мне. — Постарайся не потерять и этот, — он разворачивается и вонзает меч в грудь наступающего стражника.

Я сжимаю кинжал в кулаке и пытаюсь присоединиться к ним, но оглушительный крик останавливает нас всех. Иглы вспыхивают на моей спине, и я медленно поворачиваюсь.

Первое, что я вижу, это кровь. Везде. По доскам растекается темное алое пятно. Невозможно сказать, откуда оно. И Мирабель, и Ла Вуазен лежат на платформе вместе с третьим неповоротливым телом, в котором я узнаю с пульсирующим шоком Гриса.

Дымовые звери ревут над головой, лезвия трескаются, крики доносятся с площади внизу, но на эшафоте царит абсолютная тишина одну секунду.

А потом Ла Вуазен начинает дрожать. Она извивается, руки взлетают, спина выгибается. Это продолжается, и мы смотрим в потрясенном ужасе, пока она не затихает. Никто не двигается. Оставшаяся горстка стражников Общества нервно переглядывается, затем смотрит на нас, не зная, стоит ли возвращаться в бой, когда оба их лидера мертвы.

Мой взгляд все время возвращается к Мирабель. Ее лицо пустое и тревожное, когда она смотрит на тело матери. Маргарита перескакивает через платформу и накрывает собой Ла Вуазен, из-за чего Мирабель отступает еще дальше.

Неестественная пауза, наконец, разрушается, когда дымовой зверь цвета восхода солнца — розовый, золотой и пыльно-серый — пронесется над эшафотом и чуть не сжигает всех нас дотла. Я так быстро падаю о землю, что дыхание вылетает из легких. Как только ветер от крыльев существа стихает, я позволяю себе поднять взгляд. Это ужасная ошибка. Зверь и его маслянисто-черный брат возвращаются и бросаются на Людовика и других повстанцев, которые, наконец, достигли платформы. Они ловят торговцев рыбой и других рабочих, как птицы, клюющие червей, и пожирают их кусками.

Я прижимаю кулак ко лбу и кричу. Как бы мы ни старались, возникают новые катастрофы.

— Быстрее, Йоссе! — кричит мне в ухо Гаврил. Вместо того чтобы убежать от зверей вместе с оставшимися охранниками Общества, Гаврил и его банда бегут к опасности. — Сети! Готовьте сети! — кричат они сиротам в компании Людовика.

К тому времени, как мы подбегаем к группе, веревки уже развернуты, и Гаврил отдает приказы всем, включая Людовика, говорит нам, где стоять и как расставить сети. Мирабель спешит присоединиться к нам, волоча за собой вопящую сестру, и Амелина посыпает нас всех огнеупорным порошком.

Мы ждем, глядя на небо.

Черный зверь пикирует первым. Он несется в дыму, как тень, и мы швыряем сеть в воздух, но без крыш и узких улочек, которые могли бы его задержать, у существа достаточно места, чтобы спрятаться. Сеть соскальзывает с крыльев и падает на платформу, чуть не раздавив нескольких наших союзников.

Пока мы пытаемся собраться, атакует зверь из розового золота. Он ловит сеть когтями и швыряет ее через сцену — вместе со всеми, все еще цепляющимися за веревку. Я издаю звук, похожий на свист чайника, когда смотрю, как Мирабель падает на платформу. Она приземляется, как тряпичная кукла, рядом с телом Лесажа и не поднимается.

Нет. Я бегу к ней, мое зрение темнеет по краям, пока она не остается всем, что я вижу. Мое тело воеет с каждым шагом. Отпечаток руки Лесажа пульсирует на моей груди, обжигая. Но вид Мирабель, неподвижно лежащей на досках, притупляет мою боль.

Только на середине платформы я понимаю, что ее глаза открыты, и она смотрит вниз на свои залитые кровью ладони, разжимая и сжимая пальцы. Вдруг она встает на колени и оглядывается. Мне кажется, она смотрит на меня, и я зову ее по имени, но прежде, чем я добираюсь до нее, она пробегает мимо меня и подползает к телу Лесажа.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Его кровь, — неистово бормочет она. — Это то, что мне не хватало. Когда я катилась по сцене... — ее голос затихает, трясущейся рукой она вынимает кинжал из перевязи Лесажа, проводит им по ладони и прижимает руку к зияющей колотой ране на его спине. Она давит все сильнее, пока ее запястье не оказывается в крови. Я вздрагиваю от ужасных хлюпающих звуков — словно ботинки в грязи, — но Мирабель скрипит зубами и сжимает пальцы.

Черный дымовой зверь визжит над нами, сгибаясь, как будто пальцы Мирабель сжимают его шею, а не внутренности Лесажа. Она меняет хватку, и он падает на платформу. Доски трескаются под весом существа, и в воздух взлетают обломки, некоторые из них были такими же длинными и зазубренными, как копья. Жемчужно-розовый дракон яростно ревет и пикирует, чтобы защитить своего друга, но Мирабель снова вонзает руку, заставляя второго зверя пронестись по небу. Он врезается в фасад Собора Парижской Богородицы, и все

витражи разбиваются. Монстр падает на землю с такой сильной дрожью, что я отлетаю в Мирабель.

На платформе черный зверь стонет и хлопает крыльями. Людовик наступает с одной стороны, Гаврил — с другой, и вместе они вонзают меч и кинжал в длинную шею существа.

— Еще один! — кричит мне Мирабель, пот стекает по ее лицу. — Закончи это.

Из последних сил я поднимаю с земли меч павшего стража Общества и тащусь к тому месту, где лежит существо. Оно шипит при моем приближении, его уши прижаты, а желтые глаза дикие. Одно мерцающее крыло изорвано, а его передняя лапа искривлена - чешуя оторвана, и видно бледную плоть. Я подвигаюсь ближе, и он собирается, как змея, извивается, чтобы ударить, но когда он пытается сделать выпад, он визжит от боли. Его голова поворачивается в сторону, и я использую шанс, который дала мне Мирабель.

Я вонзаю меч глубоко в бок существа. Гейзер горячей черной крови брызжет мне в лицо, и я отшатываюсь. Прочь от когтей дымового зверя.

Он кричит и стонет. Или, может быть, это я. Все мое тело кричит от боли. Мир тс всплывает, то исчезает, становясь все темнее и темнее, пока я не перестаю видеть зверя, собор или даже дым. Я один, плыву во тьме. Скованный великолепным звуком тишины.

Не знаю, конец ли это. Или это начало. Но в любом случае это похоже на победу.

* * *

Когда я просыпаюсь, я лежу в постели. Огромная кровать с чистой простыней и шелковым покрывалом. Поскольку я никогда в жизни не спал в такой хорошей постели, я полагаю, что, должно быть, все еще сплю, и закрываю глаза, чтобы еще немного погреться в тепле. Но затем мои конечности начинают покалывать, и ужасающие сцены из Собора Парижской Богоматери заменяют туманное серое ничто: кровь, монстры, тела, разбросанные по двору.

Как все закончилось?

Я поднимаюсь на локтях, но боль пронзает мою грудь, заставляя меня снова лечь на матрас. Я осторожно дотрагиваюсь до контура ужасного отпечатка руки Лесажа на моей груди, но вместо этого нахожу ножевую рану вместе с толстой коркой трав.

Средство Мирабель. То, которое она использовала, чтобы исцелить Дегре и моих сестер. Лекарство, с которого все началось — и, кажется, все закончилось.

— Мирабель? — я шурю, чтобы осмотреть комнату. Стены покрыты парчой темно-бордового цвета. В углу находится бархатное кресло, а боковые столики сделаны из полированного палисандра. Река Сена лениво извивается за окном, отражая на потолок тусклые красные лучи света. Мы в Лувре. Что может означать только одно: Теневое Общество действительно побеждено. — Мирабель? — снова зову я, и тихий голос кашляет в ответ у двери.

— Вовремя вы проснулись, — говорит стюард, похожий на свинью. Он носит белый парик и снисходительно хмурится. — Его Королевское Высочество ждал весь день. Я должен немедленно сопроводить вас к нему.

Раньше я бы рассердился на такой вызов. Не дай бог, я заставлю Людовика ждать даже минуту после того, как мы все чуть не погибли. Разве ему не нужно есть, купаться и спать? Но я разрешаю стюарду помочь мне встать с постели и отвести меня по коридору, потому что мне не терпится узнать, что случилось после того, как я упал.

А еще я хочу увидеть сестер.

Стюард ведет меня через павильон с часами, цокая из-за моей хромой походки, в

Большую галерею, где перед камином стоит массивное кресло. Людовик сидит на подушке, одетый в белое с головы до пят — белые бриджи из детской кожи и белый дублет с золотыми заклепками. Он выглядит таким чистым по сравнению с грязью и обломками Нотр-Дама. Как будто он уже забыл о битве. Слуги суетятся вокруг него, разжигая огонь инося подносы с тонко нарезанным мясом и мягким сыром. Несколько дворян, которых я узнал из битвы, собрались позади него, вернув в свои атласные дублеты и напудренные парики. Но моих сестер нигде нет.

Людовик видит меня и указывает на землю перед собой.

— Подойди.

— Это не слишком? — смеюсь я.

Людовик кривится, словно съел неспелую ягоду.

— Разве так приветствуют короля?

— Ты был королем меньше дня. И я думал...

— Я был королем всю жизнь. Избран Богом с рождения.

Я прижимаю ладонь ко лбу и веду ею по волосам. Почему-то я думал, что будет иначе.

Мы не полюбим друг друга, но после боя и увиденных перемен в нем...

— Где Анна и Франсуаза? — спрашиваю я. — И Мирабель?

— Ты не можешь врываться и задавать вопросы. Я управляю разговором.

— Я никуда не врывался. Ты меня вызвал. И если ты хочешь управлять, делай это.

Он фыркает и хмурится, выжидая.

Вздыхая, я опускаюсь в унижительный поклон.

— Сделайте это уже, Ваше Величество.

Улыбка подрагивает в уголке его рта.

— Как ты помнишь, я спас твою жизнь несколько раз у Нотр-Дама...

Несколько раз было преувеличением, но я стискиваю зубы и киваю.

— И я поблагодарил тебя.

— Такой долг требует не просто слов благодарности.

Я жалобно смотрю на дверь. Я хочу только увидеть девочек. И Мирабель. И уйти подальше от брата, боя и всего этого.

— Почему бы тебе не сказать, чего ты хочешь, чтобы мы покончили с этим?

— Новому королю будет мешать бродящий по округе брат-бастард. Ты непредсказуем.

Некоторые из моих новых министров посоветовали изгнать тебя со двора...

Мой рот открывается, и я плююсь на аристократов за Людовиком. Мы вчера бились бок о бок. И до этого я спасал их жизни противоядиями. Старая знакомая боль бурлит в животе, но я не бросаюсь на них, как сделал бы раньше, а сжимаю кулаки и стою на месте. Пусть шепчутся и насмеваются. Мне нечего доказывать. Меня хватает.

— Неблагодарные мерзавцы, — бормочу я.

Людовик смеется, хотя это не смешно. Он обмахивает лицо ладонью в перчатке.

— Хотя мои министры думают, что мне было бы лучше без тебя, я придерживаюсь другого мнения. Я дал обещание своему народу, и это плохо отразится на мне, если я сразу же вытесню их чемпиона. Итак, у меня есть другое предложение для тебя. Похоже, мне нужен новый капитан полиции, и я верю, что ты идеальный человек для этой работы. Старый друг утверждал, что это тебе подойдет.

— Что? — весь гнев уходит из меня, собираясь в моих сапогах. Мои глаза щиплет. — Ты хочешь, чтобы я занял место Дегре?

— Мне нужен кто-то, кому я доверяю, патрулирующий улицы, и мне было бы очень приятно, если бы этим человеком был ты.

Я медленно качаю головой. Я никогда не смогу занять место Дегре. И я не хочу его занимать. Нет, я хочу двигаться дальше. Забыть. И у меня есть другие обязанности.

— Я не могу. Девочки...

— Были помещены под отличную опеку.

— Что ты имеешь в виду, под отличную опеку? Где? С кем? — я оглядываю комнату, как будто от этого каким-то образом появятся Анна и Франсуаза.

— Старшая сестра мадам де Монтеспан, маркиза де Тьянж, вызвалась присматривать за их воспитанием, и я подумал, что это прекрасная идея.

— Как ты мог так подумать? Им нужно быть здесь. Со мной.

Людовик сцепляет ладони и ждет, пока я перестану кричать.

— Будь разумнее, Йоссе. Маленьким девочкам не следует расти с нами. Они будут счастливы с тётей. И это не значит, что их отправили за море. Они на другом конце города. Ты можешь посещать, когда хочешь.

— Разве маркиза не предпочитает быть при дворе?

— Она думает, что им будет полезно пожить какое-то время в тихом месте, чтобы оправиться. Но им здесь найдется место, когда они захотят вернуться.

Гром в моей груди утихает, и я неохотно киваю.

— Ты мог бы хотя бы подождать, пока я проснусь. Я хотел бы проводить их.

— Ты их не отпустил бы. Тебе можно быть братом и офицером. И девочки — не единственная твоя родня, которой нужна помощь.

Сзади от этих слов шепчутся министры Людовика. Он застывает в кресле.

— Я жду ответа утром, Йоссе. А теперь беги, — он поднимает руку в перчатке и машет мне. — Мне нужно заняться делами, которые намного важнее твоего положения. Уверен, ты найдешь в магазине шляп общество, которое больше соответствует твоим вкусам.

Это заставляет его министров хихикать, но тень улыбки появляется на губах Людовика, а его голубые глаза озорно мерцают.

Я ошеломленно кланяюсь и ухожу из дворца вверх по улицам. К Мирабель и магазину шляп. Удивляясь тому, как все изменилось. И как все в мире ощущается странно правильным.

29

МИРАБЕЛЬ

В магазине темно, и я одна — купаюсь в тишине, наслаждаясь успокаивающей тьмой, которая окружает меня, как пар. Здесь так тепло и тихо. Противоположность драки у Нотр-Дам.

Я сижу под окном, притянув ноги к груди, упираясь подбородком в колени, смотрю на лунный свет, проходящий через оклеенные бумагой окна. Он падает на пол мазками олова и индиго, и я лениво верчу пальцами на свету.

Мать и Лесаж мертвы. Маргарита и сдавшиеся члены Теневого Общества заперты в

Шатле в ожидании суда. Гаврил и дети-сироты уже поселились в Пале-Рояль. Амелина и торговцы рыбой с победой вернулись к пристани. И мы с Людовиком отнесли Йоссе в Лувр, хотя я ушла сразу после того, как ввела лекарство от дезинтегратора.

От этого дворца у меня мурашки по коже. Я видела лицо матери в каждом камне и гобелене. Ее голос эхом носился по коридорам и висел в тишине комнаты Йоссе. Поэтому я ушла, надеясь избежать ужасающих изображений, как она корчилась на эшафоте в Нотр-Даме. Но воспоминания следовали за мной до магазина — я подозреваю, что они будут следовать за мной всегда.

И не только матери.

Теплые карие глаза Гриса преследуют меня в очках, лежащих на столе. Его кривая улыбка сияет в каждом флаконе. Я слышу его смех в чреве каждого котла. Слеза скатывается по моей щеке, и когда я вытираю ее, я отшатываюсь от металлического запаха крови.

Его крови.

Агония разрывает меня, как когти дымовых зверей. Он принял кинжал за меня. И он дал мне средство убить маму. Хотя я обманула его, осудила и сказала так много ужасных вещей.

— Прости, — шепчу я. — Прости меня.

После Гриса — моя сестра. Маргарита не боролась, когда ее задержали и отправили в Шатле. Она даже не подняла глаз, чтобы попрощаться. Последнее, что я помню о ней, — это ее взгляд со стеклянными глазами, когда она склонялась над трупом матери.

Возможно, мы отбили город, но небольшая часть меня все равно чувствует себя побежденной.

Моей семьи больше нет.

Голос отца тут же звучит у моего уха. Я почти чувствую шепот его дыхания.

«Я всегда с тобой. И я еще никогда так не гордился».

Дверь со щелчком открывается, и сквозь пыль и тьму появляется прекрасное, залитое лунным светом лицо Йоссе. Несмотря на тени, я могу сказать, что его кожа сияет золотом, а не испачкана болезнью Лесажа, и он стоит, высокий и сильный, как статуи в Тюильри. Он щурится, разглядывая магазин, и когда его крыжовниково-зеленые глаза падают на меня, тепло, свет и надежда пробегают по моему телу.

Он жив. Он пришел за мной.

— Я так и знал, что найду тебя здесь, — говорит он, шагая по магазину. — Разве ты не знаешь, что невежливо исцелять кого-то и исчезать? Как я должен выразить свою благодарность? — он садится рядом со мной, и тени подчеркивают острые грани его щек. Его волосы падают на глаза, окрашенные в черный цвет в темноте. Он пристально смотрит на меня и одаривает меня озорной улыбкой, от которой мои пальцы ног поджимаются в ботинках. — Я хочу поблагодарить тебя за очень многое.

Я пытаюсь рассмеяться, но у меня перехватывает горло и больше похоже на насморк. Улыбка быстро соскальзывает с лица Йоссе, и его брови сдвигаются.

— Мира, ты плачешь?

— Нет, — я быстро вытираю глаза рваным рукавом.

— Что случилось? Ты ранена? — он берет меня за подбородок и проводит пальцами ниже моих ресниц. Затем он прижимает меня к своей груди, и его руки блуждают вверх и вниз по моим бокам, исследуя каждый дюйм меня.

Я обвиваю руками его пояс и сжимаю его тунику. Словно я — корабль, который раскачивают волны, а он — мой якорь.

— Я в порядке.

— Что тогда?

— Грис, — я пытаюсь сказать больше, но имя пронзает меня, открывает раны. После нескольких судорожных вдохов я тихонько добавляю. — Моя мама. Маргарита. Все это. Я знаю, что так должно было закончиться, но они все еще были моей семьей. Это все еще была единственная жизнь, которую я знала.

Йоссе сжимает меня сильнее, и его губы мягко, как перышко, касаются моего виска.

— Мы начнем новую жизнь, ты и я.

Несколько недель назад я бы посмеялась над невозможностью его предложения — бастард и отравитель. Но теперь это кажется единственной постоянной точкой на горизонте. Самая яркая путеводная звезда.

— И как будет выглядеть эта жизнь? — спрашиваю я.

Йоссе снова целует меня в висок, а затем в ухо, медленно и дразняще спускается по моей шее.

— Я буду будить тебя вот так каждое утро.

— Это было бы приемлемо, — с дрожью говорю я.

— Тогда я, очевидно, буду готовить, так как мы должны пользоваться моими умениями с кухни, — я смеюсь, и он продолжает. — После этого ты будешь остаток дня командовать мной в своей лаборатории, и я не буду жаловаться, потому что ты гениальна и красива, а наблюдать за твоей работой — все равно что наблюдать за мастером живописи.

— Я могу даже позволить тебе помочь, — говорю я. — И, конечно, я научу Франсуазу и Анну.

Йоссе напрягается и замолкает.

— Что случилось? Они ранены? Или им плохо?

— Людовик отправил их жить к тете, маркизе де Тьянж.

— Зачем?

— Он говорит, что мы не в состоянии растить маленьких девочек. Он дал мне другие обязанности.

Я приподнимаю бровь.

— Он попросил меня стать капитаном полиции.

— Йоссе, это чудесно! Ты не рад? — я трясущу его за плечи, чтобы убрать серьезное выражение с его лица.

— Думаю, что буду, когда оправлюсь от шока. Я бы хотел увидеть сестер перед тем, как они ушли. Чтобы убедиться, что они в порядке. Что они знают, что я не отсылал их.

Я приподнимаюсь на коленях и прижимаюсь лбом к его лбу. Передаю ему свою силу, как он только что делал для меня.

— Они знают, что ты их любишь. И мы скоро к ним заглянем. Представь, как они будут восхищаться твоей офицерской формой. Они будут такими гордыми!

Он кивает и выдавливает слабую улыбку.

Я хватаюсь за стоячий воротник его камзола, забираюсь к нему на колени и целую его колючие щеки. Он проводит пальцем по моим губам, и по моей коже пробегают мурашки. Затем он повторяет движение губами. Я отвечаю на его поцелуй со свирепостью, которая вызывает у меня трепет, исследую линию его подбородка, его шею, нежную область за его ухом.

Йоссе стонет и поднимает меня на прилавок, задирает мое платье выше колен, и мои

ноги обнимают его. Я ударяюсь локтем о галлипот, и мы смеемся друг другу в губы, когда он с грохотом падает на землю. Камфора парит в воздухе, осыпая нас пылью, но мы не отрываемся, даже чтобы дышать. Его руки скользят вверх по моему бедру, скользят по шее и нежно касаются моей груди, когда они упираются в остатки моего лифа.

— Мира? — выдыхает он. Его пальцы парят над шнурками.

Я отвечаю поцелуем, покусываю его нижнюю губу и провожу руками по его груди.

Он забирается на прилавок и нависает надо мной. Прижимается ко мне, шепчет то, от чего у меня горят щеки. Он целует меня в шею и веки, затем в плечо и сдвигает мое платье.

Когда мы разделяемся минуты или часы спустя, я прижимаюсь щекой к его груди, выдыхаю. Горе и неуверенность пытаются захватить меня, но я крепче сжимаю парня рядом с собой, и моя решимость крепчает, кожа становится прочнее, превращаясь в барьер, такой сильный, что даже память о матери не может его пробить.

* * *

В конце июня на Гревской площади разводят костер, как это принято на празднике Сен-Жан. Но я не иду. У меня нет желания танцевать вокруг ревущего пламени — не тогда, когда я знаю, что в огне моя сестра, а также Ла Трианон и другие ворожеи. Двадцать шесть членов Общества встретили свой конец этим утром, и их пепел окрашивает небо в зловещий оттенок охры и коричневого.

«Мы все сгорим на Гревской площади», — слова Ла Трианон эхом разносятся в моих мыслях, пока я работаю пестиком, измельчая листья вереска и веточки падуба.

«Не все из нас, Ла Трианон. Не я».

Людовик не случайно выбрал этот день для их казни — день солнечного саббата, день, который отмечают ведьмы и колдуны. Это предупреждение и обещание, хотя я одна остаюсь, чтобы услышать это.

Магазин шляп выглядят совсем не так, как несколько недель назад. Я вычистила все его уголки, и когда я повесила на дверь вывеску — «Аптека Ла Ви» — я ощущала себя невероятно гордой. Мое собственное место. С моими гримуарами, кувшинами и склянками.

С отцом и Грисом.

Иногда, если я веду себя очень тихо, я слышу, как отец задает вопросы в бурлящем котле. Когда я наклоняюсь, чтобы помешать галлипот, Грис убирает волосы с моего лица легким ветерком. И всегда — всегда — я храню очки Гриси на гвозде рядом с очагом, и потертые кожаные и грязные линзы наблюдают за мной и направляют меня.

Сразу после полудня, когда я наполовину закончила тоник от подагры, заказанный одним из торговцев рыбой, в дверь громко стучат. Йоссе проходит в магазин и прислоняется к прилавку. Его губы изгибает улыбка, когда он касается ремешка моих рабочих очков.

— Разве ты не привлекательна?

— *Я работаю*, — я отбиваюсь ложкой, но он умудряется поцеловать меня в щеку. Он выглядит неотразимо в форме офицера — черный камзол с золотыми эполетами, пуговицы сияют, рапира сверкает на боку. Его темные волосы собраны сзади, шляпа чуть наклонена на лбу. Он соперничал бы с Дегре в звании самого красивого офицера полиции в Париже.

Он тянет меня за очки еще раз и надувается, когда я недовольно смотрю на него.

— Ты не можешь сделать перерыв? Пройтись со мной на Гревскую площадь.

— Я же говорила, я не хочу смотреть на погребальный костер.

— И не будешь. Огонь давно угас.

— Тогда зачем идти?

— Ради майского дерева.

Я фыркаю.

— Если хочешь танцевать с лентами, мне нужно пойти и увидеть это.

— Не я, — Йоссе берет меня за руку и ведет по магазину. — Они.

* * *

Оживленная площадь украшена бело-желтыми знаменами, которые порхают, как бабочки на летнем ветру. Столы забиты ветчиной и лакомствами, а еще фруктовыми пирогами, хлебом с маслом и шипящими окорочками индейки для общего застолья. Мадам Бисет машет рукой из-за стола, все еще щеголяя своим повышением по службе, стараясь уберечь свою королевскую пурпурную униформу от муки. Мы с Йоссе пробираемся сквозь толпу рука об руку, укорачиваясь от шутов яркими шарами и пылающими дубинками и гуляк с бочками с элем. Мари присоединяется к нам, и мы направляемся к майскому шесту в центре двора, с каждым шагом все более нетерпеливые.

Широкие шелковые ленты пурпурного, синего и золотого цветов оплетают шест, ведомые множеством рук внизу. Я смотрю, как они проходят мимо, смех и разноцветные пятна, пока не замечаю два рыжеволосых торнадо. Тогда все замирает. Анна кружится, ее руки запутываются в золотой ленте. Франсуаза запрокидывает голову и смеется, таща Анну вперед. На их головах венки из гипсофил, а розовые щеки похожи на летние ягоды. Мы несколько раз навещали их в поместье маркизы де Тьянж — настолько часто, насколько позволяет положение Йоссе, — но этого всегда мало.

Когда ленты запутаны, и лютни и скрипки затихают, Йоссе подносит руки ко рту и выкрикивает их имена.

В круговороте кружева и атласа Франсуаза и Анна поворачиваются. Мы поднимаем руки, и я знаю миг, когда они нас заметили. Это похоже на момент, когда травы сливаются в котле — собираются вместе, чтобы образовать что-то большее, что-то более сильное, что-то целое. Их глаза сверкают, а визг восторга исцеляет лучше, чем любое противоядие, укрепляет лучше любого эликсира или напитка. Когда они бросаются к нам, в наши объятия, я знаю, что обнаружила величайшее соединение из всех. Формула, которую отец был бы горд иметь в своем гримуаре. Сила, которая поднимает нас выше, делает нас смелее и проливает свет даже в самые темные уголки:

Рецепт счастья.

Больше книг на сайте - Knigoed.net